

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИКЛАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ

I Международной научно-практической интернет-конференции

Минск, 23 ноября 2017 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2017

УДК 159.9:340(06)
ББК 88.573я431
С 56

Редакционная коллегия:

доктор психологических наук, профессор И.А. Фурманов (отв. ред);
доктор психологических наук, профессор В.П. Вишневская;
доктор психологических наук, профессор А.Н. Пастушеня;
доктор психологических наук, профессор В.А. Янчук;
кандидат психологических наук, доцент И.Е. Метлицкий;
кандидат психологических наук, доцент В.П. Прилепин
старший преподаватель М.С. Фабрикант

Современные проблемы прикладной юридической психологии

С 56 [Электронный ресурс] : материалы I Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Минск, 23 ноября 2017 г. / И. А. Фурманов (отв. ред.) [и др.].
– Электрон. дан. 34,7 Мб. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017.
– 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-985-553-408-3

В сборнике представлены материалы I Международной научно-практической интернет-конференции, посвященной современным проблемам в областях криминальной и судебной психологии, психологии виктимного поведения и криминальной агрессии, превентивной, постпенитенциарной психологии и судебно-психологической экспертизы. Материалы предназначены для широкого круга специалистов: психологов, социологов, философов, педагогов и социальных работников.

УДК 159.9: 340(06)
ББК 88.573я431

ISBN 978-985-553-408-3

© БГУ, 2017

© Оформление РУП «Издательский центр БГУ», 2017

Агеенкова Екатерина Кузьминична
Доцент кафедры клинической и
консультативной психологии Белорусского
государственного педагогического
университета, кандидат психологических
наук
220030, г. Минск, ул. Советская, 18
ageenkova@list.ru

Aheenkava Katsiaryna
Associate Professor of the Chair of Clinical
and Consulting Psychology, Department of
Psychology, the Belorussian State
Pedagogical University, PhD in Psychology
220030, Minsk, str. Sovietskaya, 18

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЛЕНОВ ГРУППИРОВКИ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL TYPOLOGY OF THE «ISLAMIC STATE» GROUP MEMBERS

***Аннотация:** На основе высказываний членов «Исламского государства», создана типология функциональных обязанностей в этой группировке и определена мотивация террористической деятельности ее членов.*

***Abstract:** typology of functional duties and the motivation for the terrorist activities were created on the based of the statements of the members of the "Islamic state".*

***Ключевые слова:** «Исламское государство», мотивация террористической деятельности, функции членов террористической организации.*

***Key words:** «Islamic State», motivation of terrorist activity, functions of members of a terrorist organization.*

«Исламское государство» (ИГ) – радикальная суннитская организация, объявившая себя «халифатом», законодательной основой которого объявлен «шариат», или свод исламских предписаний, правил и нравственных позиций. Ее руководителем является Абу Бакр Аль-Багдади, объявивший себя «халифом» – лидером самопровозглашенного «халифата». Одной из его особенностей, отмечаемой многими специалистами, является особая привлекательность деятельности ИГ, обусловившая большой приток мусульман в его ряды. При этом пропагандисты ИГ не только не исключали возможность гибели своих членов, но и призывали к «шахаде» – смерти в сражении за ислам.

В настоящее время имеется большое количество публикаций, посвященных психологической типологии террористов. В основном они посвящены созданию типологии их деятельности (Ольшанский, 2002), определению их личностных характеристик (Лебедева, 2012; Белашева, 2016)

или мотивации выбора террористической деятельности (Антонян С.Л., 1998; Нарусланов, 2015). Однако непредубежденный взгляд на предложенные типологии личности террористов приводит к заключению, что перечисленные характеристики присущи не только им, но и членам любой общественной организации или профессиональных объединений. Описанные мотивы выбора террористической деятельности могут быть идентичными выбору вполне мирной профессии. Прав был Д.В. Ольшанский, который писал, что ключ к пониманию личности террориста заключается не в поиске умозрительных моделей, а в мотивационном анализе структуры его деятельности (Ольшанский, 2002).

Мы полагаем, что мотивация участия в террористической деятельности ИГ связана не только с внутренними установками ее будущих членов, но с их откликом на призыв, исходящий от ее лидеров и проповедников. В частности, в речах Абу Бакра Аль-Багдади этот призыв обращен ко всем мусульманам, перед которыми он разворачивает картину борьбы «мирового зла», якобы ополчившегося против Аллаха и его религии – ислама. Так называемый «официальный представитель ИГ Абу Мухаммад аль-Аднани выразил это следующим образом: «Они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от религии ... сражайтесь с ними, Аллах накажет их вашими руками, опозорит их и одарит вас победой ... о, единобожник, вставай со своего места и защищай свое государство, где бы ты ни был ... вставай и помогай своим братьям-мусульманам ... они вступают в решающее сражение в истории ислама». В данной идеологии «зло» составляет обширнейший список «неверных», к числу которых причислены: «кафиры» (в идеологии ИГ – это общее обозначение немусульман, атеистов, христиан, шиитов, иудеев, «многобожников»), «тагуты» (идолопоклонники, в идеологии ИГ – это те, кто следует светским законам и демократической системе организации общества), «муртады» (мусульмане, обвиняющиеся в отступничестве от ислама), «мушрики» (язычники) и др. Важной составляющей призыва является пропаганда среди сторонников ИГ не только вооруженного «джихада» (борьбы

за ислам), но и «шахады» (смерти за ислам). И этот призыв, к сожалению, был услышан многими. Это можно объяснить тем, что Аль-Багдади сыграл на чувствах верующих, обосновывая джихад цитатами Корана и Сунны, которые, согласно исламскому вероубеждению, являются словами самого Аллаха.

Таким образом, мотивация участия в деятельности организации ИГ у многих ее членов вполне может быть одной и той же – реакция на призыв к борьбе на стороне Аллаха против «неверных». Она может быть обусловлена также и личностными чертами и установками ее потенциальных членов, у которых он получил отклик. С другой стороны, для понимания личности членов ИГ необходимо учитывать следующее. Каковы бы ни были изначальные устремления тех мусульман, которые устремились со всех концов мира в Сирию и Ирак, чтобы воевать под знаменем ИГ, они попадали в хорошо структурированную организацию с четким разделением функций различных ее подразделений. Внутри них ее участники, помимо общих требований вероучительного характера, должны выполнять конкретные обязанности, которые в конечном счете определили формирование специфических социально-психологических характеристик членов ИГ, выполняющих внутри этой организации определенные обязанности.

Анализ видео-, аудио- и текстовой продукции ИГ, созданной его многочисленными медиаагентствами, позволил выделить следующие группы, члены которых выполняют специфические функции в этой террористической организации.

1. Идеологи. В первую очередь – это Абу Бакр Аль-Багдади и «официальный представитель ИГ» Абу Мухаммад Аль-Аднани. Их идеология ретранслировались многочисленными пропагандистами, в роли которых выступали мусульманские проповедники, представители медиаагентств, командиры воинских подразделений (амиры).

2. Террористы. В первую очередь это исполнители террористических актов среди мирного населения вне территории, занятой ИГ.

3. Исполнители показательных казней.

4. Члены вооруженных формирований или боевики, проводящие военные операции против таких же вооруженных противников. Они особо восхвалялись в пропагандистских материалах. Они назывались в них «львами халифата», «львами операций», «воинами Аллаха», «муджахидами» (бойцами, воюющими за ислам), «мужами, верными завету», который они якобы заключили с Аллахом. При исследовании материалов обнаружена интересная закономерность. Несмотря на то, что это наиболее восхваляемая идеологами группа ИГ и широко представленная в пропагандистских видеороликах и на плакатах, у отдельных ее представителей очень редко берут интервью. Члены данной группы являются потенциальными смертниками, т.к. именно среди них пропагандируется «шахада» – смерть во имя ислама. Им вменяется вести только наступательные действия. В СМИ имелась информация, что в ИГ были казнены несколько собственных командиров за то, что они осуществили отступления в бою. Интересный факт: среди материалов имеются две проповеди, в которых осуждается распространившееся среди боевиков выражение «пойти на мясо».

5. Смертники. Среди членов вооруженных формирований в пропагандистских материалах особое внимание уделяется «истишхади» – лицам, осуществляющим самоподрыв на территории дислокации противника с использованием машин, начиненных взрывчаткой. Им предоставлялась возможность выступить перед камерой накануне операции. В ИГ превозносится также деятельность «ингимаси» – членов малой группы (чаще всего смертников), осуществлявших боевые операции внутри скопления большого числа противников.

6. Новоиспеченные добровольцы. В одной из видеозаписей перед камерой выступили недавно примкнувшие к ИГ его новые молодые члены. Их поведение разительно отличалось от действий множества других вооруженных людей, что дало основание выделить их в особую группу членов ИГ.

7. «Рекруты». Это новобранцы-добровольцы из числа жителей, проживавших на территории, которая оказалась захваченной ИГ.

8. Меценаты. Это лица, вносящие пожертвование ИГ. В исламской традиции они также причисляются к участникам джихада.

9. Иммигранты или лица, переехавшие на постоянное место жительства в «халифат» (территорию дислокации войск ИГ).

10. Представители шариатского суда (судьи и исполнители наказаний).

11. Сотрудники медиаагентств.

12. Технари. В материалах имеется информация о наличии «специалистов» по изготовлению «шахадомобилей» для «истишхадиев».

13. Экономисты. В материалах ИГ имеются свидетельства о ведении экономической деятельности как в традиционной форме (закят, джизья, хараджа, ганима, фэй), так и с применением современной банковской системы.

14. Врачи.

Скорее всего, здесь представлен неполный список. При этом необходимо отметить, что ИГ признана Советом Безопасности ООН террористической группировкой (Резолюция, 2015), в связи с этим по определению все его члены являются террористами.

Социально-психологические характеристики лиц, принадлежащих к отдельным функциональным группам ИГ, определялись по содержанию их речей, т.к. многим из них была предоставлена возможность высказаться. В данной статье представлены только отдельные группы, высказывания членов которых наиболее часто представлены в материалах ИГ.

«Истишхади». Высказывания отдельных представителей данной группы показывают, что они осуществили этот выбор добровольно, и что из желающих формируется очередь. Одна из частей их речи представляет собой призыв следовать их примеру, во второй имеется изложение личного мотива данного поступка. Наиболее часто они озвучивали свои жизненные ценности, среди которых выделяются две: достижение рая и служение Аллаху («Тебе жалко отдать себя на пути Аллаха? Почему ты откладываешь истишхадию, гурий и замки?», «Я иду на это ради довольства Аллаха», «За этим последует довольство Аллаха и сады рая», «Клянусь Аллахом, мы отдадим свои тела на

пути Аллаха», «Мы продолжим этот путь, пока не встретим Всевышнего Аллаха, и он будет нами доволен», «Хочу, чтобы Аллах улыбнулся мне ... хочу, чтобы Аллах меня принял». Анализ показывает, что заявления «истишхади» выражают их вероубеждение и желание посвятить свою жизнь Аллаху, отдать за него жизнь и выполнить свои обязанности перед ним.

«Террористы». Боевики, осуществлявшие террористические акты и казни пленённых, высказываются в целом сходным образом. В их воззваниях присутствуют: а) угрозы «неверным» («Клянусь Аллахом, мы сразимся с вами в центре Парижа», «Вы не почувствуете безопасности внутри своих домов и даже в своих снах», «Мы вселим в вас ужас», «Мы будем убивать вас по всему миру»; «Мы прольем реки вашей крови»); б) ссылка на приказ «халифа» ИГ («Мы получили приказ от повелителя правоверных – убивать вас, где бы вы ни находились», «Я послан повелителем правоверных Абу Бакром»); в) осуждение мусульман, «отставших от похода», и призыв к ним примкнуть к ИГ («Что же вы припали к земле, когда вам приказано выступить в поход», «Тут нас убивают каждый день, а вы там сидите и ничего не делаете»; г) утверждения, что мусульмане завоюют весь мир, и боевики ИГ придут воевать на земли «кафиров» («Муджахиды "Исламского государства" являются господами», «Власть на земле с помощью меча будет принадлежать только мусульманам»); д) обвинения «кафиров» в том, что они якобы разрушают их дома, убивают мусульман («О, кафиры, поистине вы воюете с Аллахом, разрушаете наши дома, убиваете наших отцов, матерей, братьев, сестер и детей, мы ответим кровью за кровь, разрушением за разрушение»). В этих высказываниях, в отличие от речей «истишхади», присутствует агрессия, желание убийства, крови, разрушения, покорения «кафиров». При этом они явно ищут оправдания своей кровожадности и садизма путем ссылок на приказ «халифа» (иногда Аллаха) или убеждают себя и других в том, что они всего лишь мстят за своих близких. При этом ни один из них не указал, что он мстит конкретно за кого-то. В их речи обычно присутствует обобщенное «наши»: «наши отцы», «наши братья», «наши дети» и т.д.

Члены вооруженных формирований. Как указывалось выше, они редко дают интервью. Лишь в одной 12-минутной видеозаписи боевик изложил свое видение войны. Отличительной особенностью его сообщения было обсуждение как удач, так и поражений при проведении военных операций. Причем он объяснял это замыслом Аллаха, что является ретрансляцией пропагандистских заявлений, объясняющих неудачи «испытанием Аллахом» («Я хочу братьям сказать, чтобы не думали об Аллахе плохо, не думали, что Аллах оставил нас без поддержки ... Аллах испытывает суровым испытанием тогда, когда он хочет дать победу»). Похоже, эта группа боевиков наиболее реально воспринимает свою роль и свою участь в ИГ.

Новоиспеченные добровольцы. В одном видеоролике встретился эпизод, где фигурирует группа молодых людей перед отправкой на боевое задание. Их состояние можно характеризовать как общее возбуждение и радость, что отличало их от поведения остальных боевиков ИГ. Они радостно пели песню, в которой повторялось слово «муджахид» (боец за ислам). Эту группу можно обозначить как романтиков, высказывающих свое восхищение «халифом» Абу Бакром и демонстрирующих свою преданность идеям ИГ (речь с кавказским акцентом: «Абу Бакр аль-Багдади, да благословит тебя Аллах и в этой жизни и на той жизни, чтобы Аллах тебе 200 гурий одарил ... мы будем за него, он слово скажет, мы вот свой дунья (обычную жизнь) отрежем, как кусок торта оставляем») и делает жест, отсекающий кисть руки).

«Рекруты». Свою мотивацию участия в ИГ они объясняют недовольством прежним управлением, а также нежеланием утверждения на их территории светских законов («Они думали, что они хотят поменять шариат на демократию и светское право. Население этого города, паства повелителя правоверных желает, чтобы здесь правил шариат. У которых есть хоть капля веры, не пожелает, чтобы к нему пришли безбожные сирийские и американские силы», «Желаем установления шариата Аллаха, а не американской демократии», «Мы будем сражаться на пути Аллаха для возвышения его слова и против этой кучки людей, прибегших к помощи Америки и сионистов»).

Анализ высказываний членов группировки ИГ позволяет создать более полный психологический портрет и определить мотивацию их террористической деятельности. Выявлено, что их мотивация во многом детерминирована идеологами данной группировки, которые осуществили призыв к террористической деятельности, ссылаясь на якобы веление Аллаха. Психологический анализ позволил также выявить личностные установки боевиков в различных структурных подразделениях ИГ.

Антонян, Ю.М. (1998). Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М. 305 с.

Белашева, И.В., Ершова, Д.А., Есаян М.Л. (2016). Психология терроризма. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет. 155 с.

Лебедева, И.Н. (2012). Психология личности террориста. // Законность и правопорядок в современном обществе. № 9. С. 123-128.

Нарусланов Е.Ф., Федорова Е.М. (2015) Особенности личности террористов и экстремистов, основывающих свою деятельность на идеях радикального ислама. // NOVAINFO.RU. №34. С. 262-268.

Ольшанский Д.В. (2002) Психология терроризма. СПб. : Питер. 288 с.

Резолюция (2015) Резолюция 2249 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7665-м заседании 20 ноября 2015 года. // *Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности* [URL]: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015.shtml> [Дата обращения: 26.04.2017].

Власова Наталия Викторовна
Московский психолого-педагогический
университет, доцент кафедры юридической
психологии и права, кандидат
психологических наук, доцент
127051, улица Сретенка, д. 29, Москва,
Россия
L1025173@yandex.ru

Vlasova Nataliya
Moscow psychological and pedagogical
University, associate Professor of chair of legal
psychology and law, candidate of
psychological Sciences, associate Professor
127051, street Sretenka, 29, Moscow, Russia

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

PSYCHOLOGICAL PREVENTION OF DELINQUENT BEHAVIOR OF TEENAGERS BY MEANS OF INTERNET RESOURCES

Резюме: В статье обсуждаются причины делинквентного поведения подростков, личностные особенности подростков склонных к противоправным действиям. Особенности ценностных ориентаций, развитие коммуникативных навыков и семейная ситуация подростка, включенного в группу риска. Приводятся методы, техники и методики профилактики делинквентного поведения, реализуемые посредством разных способов привлечения Интернет-ресурсов.

Abstract: This article discusses the reasons for delinquent behaviour of adolescents, the personal characteristics of adolescents prone to illegal actions. Features of valuable orientations, development of communication skills and family situation of a teenager that is included in the risk group. The methods, techniques and methods of prevention of delinquent behavior to be realized through different ways of attracting the Internet resources.

Ключевые слова: делинквентное поведение, детерминанты делинквентности, ценностные ориентации, социализация, психологическая профилактика, Интернет-ресурсы, блоггеры.

Key words: delinquent behavior, the determinants of delinquency, value orientation, socialization, psychological prevention, Internet resources, Blogheri.

Сложные социально-политические и экономические условия и нестабильная экономическая ситуация на современном этапе вместе с быстро меняющимися ценностями, смыслами и требованиями, которые предъявляет общество в настоящий момент к личности, довольно часто провоцируют негативные тенденции, вызванные высоким уровнем напряжения и фрустрации в социуме, приводят к снижению духовных и нравственных ценностей, деформации семейных устоев, снижению адаптационных возможностей личности. Особенно сильно это выражается в период становления личности, в

период подросткового и юношеского возраста, что зачастую приводит современную молодежь и подростков к делинквентному поведению.

Делинквентное поведение (лат. *delictum* – проступок, англ. *delinquency* – правонарушение, провинность) – антиобщественное противоправное поведение индивида, воплощённое в его проступках (действиях или бездействии), наносящих вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом.[1]

Делинквентное поведение подростка, как правило, начинается с грубого, вызывающего поведения ребенка по отношению к сверстникам, родителям, педагогам, потерей всякого авторитета среди ранее значимых людей, пренебрежением общепринятых норм и правил. Далее, стремясь удовлетворить свою потребность в аффилиации, ребенок попадает в асоциальную компанию, где происходят первые пробы алкоголя, наркотиков, совершаются кражи, возникающие конфликты разрешаются в драках. Причинами делинквентного поведения, по мнению многих современных теоретических воззрений, являются проблемы во взаимоотношениях в семье подростка, окружающая негативная среда и личностные особенности ребенка.[3]

По данным наших исследований, для подростков, страдающих интернет-зависимостью, довольно характерным оказался фактор воспитания в семье со структурной и психологической деформацией. Психологическая деформация семьи связана с нарушением системы межличностных отношений, асоциальных установок, которые вытекают из стиля семейного воспитания. По типологии Д. Баумринд выделяют три основных стиля семейного воспитания: авторитарный, демократический и попустительский.[2] Чаще делинквентное поведение демонстрируют подростки из семей, где преобладает попустительский стиль воспитания. равнодушное, невнимательное отношение в семье к ребенку, вызывает у него ощущение ненужности, брошенности, покинутости, что заставляет его реализовывать свою потребность в признании и принятии в асоциальном окружении, где привлечение к себе внимания становится основным мотивом для совершения противоправных действий. Также нередко дети из семей с авторитарным стилем воспитания, оказываются

склонными к делинквентному поведению. Авторитарные отношения исключают душевную близость с подростком, что ведет его к подозрительности, постоянной настороженности и даже враждебности по отношению к окружающим. У подростка формируется лишь механизм внешнего контроля, основанный на чувстве страха перед наказанием, и как только угроза извне исчезает, поведение подростка потенциально может стать антиобщественным, и, как следствие, проявляется в повышенной агрессии, реализуя которую он легко вступает на путь нарушения закона.[5]

Следующей по значимости детерминантой делинквентного поведения подростка является искажение ценностно-смысловой и мотивационной составляющей сферы личности ребенка. Как отмечал А. А. Реан (С.84), «наиболее важным мотивационным образованием, влияющим на все стороны жизнедеятельности подростка, являются его интересы. Параметром оценивания сферы интересов подростка является интенсивность их проявления, глубина, структурирование ими своего свободного времени». [6] Чаще всего, подростки, имеющие слишком много свободного времени, не вовлеченные в какие бы то ни было спортивные секции, кружки прикладного искусства, не имеющие постоянных устойчивых интересов к какому-либо виду искусства, труда и т.д., не формирующие сферу экзистенциальных ценностей, составляют группу риска делинквентов. Неудовлетворенная потребность в самоутверждении, самореализации приводит подростка к попыткам реализовать себя в негативных формах активности, в частности, к агрессивным действиям, проявлению физического насилия над более слабыми, совершению уголовно-наказуемых деяний.

Исследуя личностные особенности подростков с делинквентным поведением, мы приходим к выводам о том, что чаще к нему склонны дети, испытывающие трудности в построении социальных контактов. [4] Нарушение полноценной социальной адаптации и чувство собственного неблагополучия, ощущение ущербности, непонимания со стороны других также являются причинами делинквентного поведения в подростковом возрасте. Более того,

эмоциональная незрелость, неспособность к эмпатии, эмоциональному отклику на переживания других людей, не дают возможности подростку быть полноценно принятым в обществе, понимать его требования и ценности. В этом случае подросток воспринимает окружающий его мир как угрозу ему лично. Незнание и непонимание окружающих заставляет подростка защищаться от социума, нанося ему превентивный удар своим агрессивным поведением.

Таким образом, при выработке эффективных действенных мер профилактики делинквентного поведения в подростковой среде, необходимо учитывать социальные условия, личностные особенности подростков, составляющих группу риска. В связи с этим профилактические методики должны реализовываться в разных направлениях. Так, необходима работа с семьями, где есть ребенок раннего подросткового возраста, когда он только входит в возраст становления личности, когда проблемы, связанные с его принятием себя как личности, еще не стали содержанием внутреннего конфликта. Родителям и педагогам необходима в первую очередь информационная помощь, которая давала бы возможность им лучше понять ребенка, а, следовательно, и выстроить с ним доверительные отношения, больше давать ему самостоятельности и в то же время уметь предъявлять к нему разумные требования, формируя у ребенка более высокий уровень ответственности. Формирование гармоничных отношений с подростком со стороны родителей и педагогов является наиважнейшей задачей психолого-педагогической работы, касающейся не только профилактики различных девиаций в поведении ребенка, но и решением других проблем, связанных с воспитанием и формированием личности будущего гражданина.

Методы психологической профилактики, направленные на формирование и развития личности подростка, должны быть выстроены таким образом, чтобы учитывать потребности ребенка, отвечать его интересам, ценностям и разрешать возникающие у него проблемы как межличностного, так и внутриличностного характера. Так, необходимо расширять и развивать коммуникативную сферу подростка, его способы адаптации в среде, но делать

это лишь на основе обучения его активным способам общения, с возможностью понимания и принятия других, умением толерантно и непредвзято относиться к людям вне зависимости от их социального, материального уровня, национальной или конфессиональной принадлежности.

Профилактика делинквентного поведения должна выстраиваться на прививании подростку идей гуманизма, демократии и равенства. Ценность каждой личности, ее уникальность и неповторимость должны стать основой для формирования уважительного отношения к окружающим. Такие важные и значимые ценности для подростка как дружба, верность, любовь, нужно обсуждать и дискутировать на их счет в процессе формирования у ребенка жизненно важных ценностей, моральных и этических норм. Развитие и формирование чувства собственного достоинства, патриотизма, взаимоуважения помогают ребенку лучше понять самого себя, почувствовать свою сопричастность с обществом, а не противостоять ему.

Таким образом, профилактические меры должны быть реализованы в разных направлениях как через ближайшее окружения подростка, так и воздействовать непосредственно на него самого. Наиболее эффективным способом такого разнонаправленного, превентивного действия по предупреждению делинквентного поведения в подростковой среде, является использование различных Интернет-ресурсов.

В настоящее время Интернет давно и прочно вошел в нашу жизнь. Интернетом пользуются все и постоянно. Он заменяет людям многие другие способы получения информации, коммуникации, способствует удовлетворению своих интересов и потребностей. В связи с этим, можно довольно легко использовать Интернет-ресурсы в профилактике делинквентного поведения подростков. Здесь могут быть задействованы информационные Интернет-ресурсы, где подросток, а также его родители могут получать профессиональную психологическую, юридическую или любую другую помощь по всем возникающим проблемам. Информационные блоги, размещенные на часто посещаемых страницах Интернета, могут давать оценки

и комментарии экспертов в различных областях науки и практической деятельности. Значимые для подростка блоггеры, признанные в среде авторитетные лица, известные и популярные певцы, танцоры, артисты и т.д. также могут включать в свои тексты информацию для подростков, которая бы являлась определенным призывом к здоровому образу жизни, толерантности, умению сочувствовать и сопереживать, способствовали бы формированию у подростка гармоничных социальных ценностей.

Также профилактика делинквентного поведения должна опираться на позитивную социальную рекламу, где акцент ставится на высоком уровне духовности людей, их позитивном отношении друг к другу, к миру вообще.

Используя познавательную-обучающую функцию Интернет-ресурсов можно обогатить подростка возможностью развить свои интересы, подвести его к активному участию в различных сферах жизни, пробудить его инициативу к овладению новых навыков и знаний в области науки, искусства, природы. Включая различные формирующие техники в многочисленные Интернет-игры, которыми довольно часто увлекаются подростки, есть возможность перенаправить ценности подростка с однообразного примитивного вида деятельности – просто игры, на более сложные – получения новых знаний, более глубокое изучение некоторых школьных предметов, умение лучше адаптироваться к меняющимся условиям, повышать свой уровень коммуникативности.

Таким образом, в настоящее время роль использования Интернет-ресурсов может быть довольно эффективным способом по решению задач профилактики делинквентного поведения подростков, который мог бы быть для ребенка, неаиболее приемлемым вариантом, развить и сформировать его личностные ценности, нравственно-психологические качества, социальные навыки.

1. *Буслаева Е.Л.* Динамика и закономерности психического развития личности. «Лань». Липецк, 1999.

2. Волкова В.М. Предупреждение преступности несовершеннолетних (социально-криминологический анализ): *Автореф. дис. канд. юрид. наук.* Ставрополь, 2000.
3. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». «Питер». СПб., 2004.
4. Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. ЗАО «ПОНИ». СПб., 2010.
5. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних. *Социологические исследования.* 2006. № 1.
6. Райс Ф., Должин К. Психология подросткового и юношеского возраста. ЗАО «Ника». М. 2010.

УДК 159.9(035)

Гарькавец Сергей Алексеевич

Восточноукраинский национальный университет
имени Владимира Даля (Украина, г. Северодонецк)

93400, г. Северодонецк, проспект Центральный,
59-А, Украина
sharkavets@gmail.com

Harkavets Serhey

Volodymyr Dahl East-Ukrainian
National University (Ukraine,
city Severodonetsk)

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ФЕНОМЕН «КОНКУРЕНТНОЙ ВИКТИМНОСТИ»

Социальные конфликты, которые в последнее время обрели тенденцию к своему обострению (как мировые, так и региональные), имеют различные причины возникновения (правовые, социально-экономические, культурные, религиозные, криминальные и т. п.). При этом, во многих из них, четко прослеживается тенденция зависимости их эскалации от роли жертв и потерь, которые несут конфликтующие стороны в непримиримом противостоянии, что, в свою очередь, сужает поле возможностей для преодоления конфликтного взаимодействия.

Вместе с этим «жертва», это не всегда только объективная сторона конфликта. Иногда роль жертвы выбирается субъективно, когда потерпевший значительно преувеличивает собственные страдания с целью заполучить милосердие, поддержку, сострадание, сочувствие со стороны внешних

наблюдателей, которые не выступают в роли насильников. То есть, жертва, иногда приукрашая собственные страдания, всячески демонстрируя свое жертвенное положение, стремится закрепить и усилить собственное ощущение превосходства, надеясь таким образом заполучить абсолютную компенсацию нанесенного ей ущерба. При этом, можно наблюдать и такой процесс, когда жертва не получая ожидаемой компенсации, превращается в жестокого агрессора и насильника. Зарубежные специалисты считают, что такие конфликты целесообразно рассматривать в контексте концепции «конкурентной виктимности» («competitive victimhood» (CV): M. Noor, R. J. Brown & G. Prentice, D. Sullivan, M. Landau, N. Brancombe & Z. Rothschild и др.). В концепции акцент делается на том, что у конфликтующих групп, всегда возникает потребность конкурировать между собою из-за чувства виктимности (осознания себя жертвами конфликта) и потерь связанных с жестоким противостоянием. Конкурентная виктимность описывает усилия членов группы, участвующих в насильственных конфликтах, которые направлены на оправдание собственных жестоких действий, поскольку их группа, якобы страдает или пострадала больше в конфликте, чем группа противника. Несомненно, такие усилия только усугубляют эскалацию конфликта и препятствуют его мирному урегулированию. Понятие «конкурентная виктимность» является относительно новым в социально-психологическом дискурсе и в определенной мере недостаточно разработанным (в 2008 г. это понятие предложили английские исследователи M. Noor, R. J. Brown & G. Prentice). При этом, как мы считаем, его уместно использовать не только при рассмотрении социальных или групповых конфликтов, но при анализе криминального насилия, где роль жертвы не всегда однозначна. Например, когда речь идет о так называемой «способствующей жертве» («victim precipitation», M. Amir), или провоцирующем (толчковом) поведении потерпевшего (Ю. Антонян, А. Ткаченко и др.). Следует отметить, что собственно феномен «конкурентной виктимности» имеет широкий спектр своей экстраполяции. Так мужчины, если их обвиняют в насаждении

гендерного неравенства, выражают уверенность в том, что они больше подвержены дискриминации, чем женщины. Родители, прибегающие к насилию над детьми, утверждают о том, что они несут несоизмеримые расходы и поэтому имеют право требовать от отпрысков полного повиновения. Маргинализированные индивиды, которые расценивают поведение богатых как аморальное, утверждают, что их образ жизни способствует возникновению умысла совершить их ограбление. По мнению исследователей (I. F. Young & D. Sullivan и др.), в основе конкурентной виктимности находится эгоцентрическая тенденция индивидов оценивать свои травмы и ущерб гораздо выше, чем это имеет место у оппонентов. Мотиваторами этого выступают: физические страдания (человеческие потери, инвалидизация, сиротство и т. п.), материальные убытки (потеря материальных ресурсов, отсутствие средств к существованию, безработица и т. д.), культурные потери (угроза утраты уникального образа жизни, религии, языка, традиций и т. д.), психологические страдания (стресс, различные психические расстройства и т. п.) и нелегитимность страдания (несправедливость, что такие страдания вообще имеют место). По нашему мнению, конкурентная виктимность жертв также подпитывается особенностями отношения к ним со стороны окружающих. Глубокая сострадательность, безграничное сочувствие горю, безотчетная готовность поддерживать, однозначное рассмотрение поведения жертвы, как правильного – становятся необходимым условием формирования «блокадного сознания» (А. П. Петровский), при котором индивид всегда готов к страданию и виктимной позиции. Такой индивид социально не созревает, инфантилизируется, демонстрирует свое жертвенное положение, настаивает на том, что его несчастья абсолютны, а отсюда ему должны не только те, кто якобы виновен, а и те, кто не смог его защитить. Происходит психологическая деградация жертвы, закрепление установки на «паразитическую беспомощность». Собственно такие индивиды становятся легкой добычей преступников различных мастей, но они становятся небезопасными и для

социальных групп, в которые включены, поскольку способствуют увеличению удельного веса их виктимогенной уязвимости.

Таким образом, в контексте рассмотрения проблемы виктимного поведения личности, артикулируемым выступает феномен «конкурентной виктимности», который поясняет причины углубления конфликтного противостояния враждующих сторон, стремление жертв возвеличить собственные утраты и виктимную активность, сложности объективного рассмотрения совершаемого насилия.

УДК 159.9:340

Горбачев Александр Иванович,
Белорусский государственный университет,
кафедра психологии, старший преподаватель

Gorbachev Alexander
Belorussian State University,
Department of Psychology, senior lecturers

Ширко Светлана Михайловна Белорусский
государственный университет,
кафедра психологии, старший преподаватель
220004 ул. Кальварийская, 9 Минск, Беларусь
Shirko6872@mail.ru

Shirko Svetlana
Belorussian State University,
Department of Psychology, senior lecturers
220004 Kalvariyskaya st., 9 Minsk, Belarus

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF THE DEVIANT BEHAVIOUR FOR PARTICIPANTS OF MILITARY ACTION

Резюме: в статье рассматривается понятие девиантного поведения, анализируются основные подходы к определению, классификации и видам девиантного поведения и специфике его проявления в условиях боевых действий. Представлены результаты исследования по изучению особенностей проявления девиантного поведения у участников боевых действий.

Abstract: in this article, the concept of deviant behavior is considered, the main approaches to the definition, classification and types of deviant behavior and the specifics of its manifestation in combat operations are analyzed. The results of research on the study of the features of the manifestation of deviant behavior among combatants are presented.

Ключевые слова: девиантное поведение, девиации военного времени, участники боевых действий, реабилитация военнослужащих.

Key words: deviant behaviour, wartime deviations, combatants, rehabilitation of military men.

Проблема девиантного (отклоняющегося) поведения при ведении боевых действий трактуется неоднозначно, сложна для психологического и правового анализа и часто непопулярна как предмет психологического анализа. Это обусловлено множеством причин, в большинстве – определенными идеологическими догмами и стереотипами. На протяжении многих лет в СССР утверждалось, что у советских солдат в подавляющем большинстве не проявляются грубые психологические отклонения в поведении на войне. А если они и имеют место, то только как исключения и, следовательно, не представляются актуальными для научных исследований.

Однако, постановка вопроса о психологических отклонениях на войне актуальна, поскольку девиантные поступки непосредственно влияют на жизнь военнослужащих, и в конечном итоге, и на успех боевых операций. Такие отклонения оказывают угнетающее, разлагающее воздействие на участников боевых действий, разрушают психическое здоровье, дезорганизуют их взаимодействие в воинских коллективах. Как известно, под девиантным поведением в психологии принято понимать систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в данном обществе социальным нормам (правовым, нравственным) или нормам психического здоровья, и проявляющиеся в виде неадаптивности, несбалансированности психических процессов, уклонения от контроля над собственным поведением [1; 3]. Отклоняющееся поведение имеет различную структуру и характеристики, может быть устойчивым или неустойчивым, иметь различную направленность и социальную значимость. Однако, с одной стороны, война в общественном сознании сама по себе относится к ряду отклоняющихся от нормы явлений. С другой стороны, на сегодняшний день достаточно слабо сформулированы и не найдены общие положения о норме поведения на войне. Многие социально-психологические нормы практически всегда вырабатываются в определенных воинских коллективах и служат мощным средством регуляции поведения военнослужащих в боевой обстановке. Девиации же чаще всего носят фрагментарный характер, чаще не характерны для воинских коллективов в целом,

однако, ни одна из войн не обходилась без определенных отступлений и нарушений правовых и социально-психологических норм. Нормальным в боевой обстановке считается поведение, которое осуществляется в правовом пространстве, ориентировано на основные нравственные нормы военного времени, не вносит дезорганизацию в деятельность воинского коллектива и не ставит под угрозу жизнь и здоровье самого субъекта поведения и его сослуживцев [2].

В настоящее время существует несколько классификаций девиантного поведения, проявляющегося на фоне приобретенного синдрома участника боевых действий. Одна из классификаций была предложена Е.В. Змановской, которая выделила три основные группы девиантного (отклоняющегося) поведения: антисоциальное поведение, асоциальное поведение и аутодеструктивное поведение [1].

1. Антисоциальное поведение – это поведение, противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих. Оно включает любые действия или бездействия, запрещенные законами и Уставами воинской службы.

2. Асоциальное поведение – это поведение человека, уклоняющегося от выполнения морально-нравственных норм, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений.

3. Аутодеструктивное поведение – это поведение, отклоняющееся от медицинских и психологических норм, угрожающее целостности и развитию самой личности. Саморазрушительное поведение выступает в следующих основных формах: суицидальное поведение, пищевая зависимость, фанатическое поведение, аутистическое поведение, виктимное поведение, деятельность с крайне выраженным риском для жизни [1].

В целом, девиантное поведение не представляет собой единую систему. В зависимости от того, какие нормы нарушаются или не выполняются военнослужащими в военное время, их поведение может квалифицироваться как:

1. Асоциальное поведение, которое связано с невыполнением, прежде всего, правовых, моральных, культурных норм, но не преступающее границ закона;

2. Антисоциальное поведение – это поведение, направленное против общества, его интересов, грубо нарушающее его правовые и моральные требования;

3. Делинквентное поведение – криминальное, преступное поведение.

Девиантное поведение следует четко разграничивать от поведения аномального. Если аномальное поведение связано с отклонением от нормы психического здоровья, и человек, чаще всего, не осознает возможные пагубные последствия своего поведения, то девиантное поведение связано с тем, что человек отдает отчет в своих действиях и их возможных последствиях и в силу различных причин совершает девиантный поступок.

Остановимся подробнее на классификации девиаций военного времени. Это своеобразные группы девиантных поступков, преследующих различные цели [4]: получение личной выгоды в виде удовлетворения различных потребностей, реализации идеологических, этнических и религиозных установок, получения вознаграждения, в том числе и материального, от противника, изменения в благоприятную сторону условий своего существования, сохранения жизни (трусость, предательство, добровольная сдача в плен, мародерство); другую группу отклонений составляют поступки и преступления, направленные на уклонение от участия в боевых действиях в целях сохранения собственной жизни, здоровья, по различным основаниям (дезертирство, симуляция неспособности участия в бою, членовредительство, пьянство, наркотизм, симуляция самоубийства, самоубийство); к третьей группе относят девиации, связанные с агрессивными проявлениями личности и направленные на решение тех или иных личностных, экономических проблем посредством насилия над местным населением, убийства неугодных сослуживцев и командиров и др.

Для изучения особенностей проявления девиантного поведения у участников боевых действий использовался метод опроса. Нами был проведен устный опрос воинов-интернационалистов (бывших участников боевых действий) сотрудников Белорусского государственного университета. В исследовании приняли участие 10 респондентов.

В ходе опроса были получены следующие результаты. Большинство испытуемых (55%) отметили, что в условиях боевых действий в Республике Афганистан были замечены различные формы девиантного поведения. Так, трусость, как самостоятельная девиация, проявлялась в самостоятельном прекращении боевой активности и занятии безопасного укрытия или оставлении поля боя (отмечено 10% испытуемых). Респонденты отмечали, что трусость в обстоятельствах боевой обстановки не тождественна страху.

Дезертирство проявлялось как самовольное оставление военной службы. Испытуемыми было отмечено, что в условиях боевых действий одной из главных причин дезертирства была психологическая и профессиональная неподготовленность к боевым действиям. В ходе опроса было выявлено, что своеобразной формой дезертирства являлся немотивированный отказ военнослужащих участвовать в боевых действиях, в выполнении конкретной боевой задачи (отмечено 20% респондентов).

Предательство и добровольная сдача в плен проявлялись в сообщении противнику стратегически и тактически важной информации, проведении акций саботажа, вредительства (отмечено 10% испытуемых). Согласно данным опроса, причиной подобного поведения могли служить личные убеждения, религиозная вера, уверенность в победе противника, бессмысленность собственного военного присутствия на территории другого государства.

В условиях боевых действий были отмечены акты членовредительства, которые заключались в нанесении военнослужащими себе травм, ранений и увечий, позволяющих избежать или прекратить участие в боевых действиях и по-возможности демобилизоваться на Родину. Военнослужащими избирались такие способы нанесения себе вреда, чтобы они не препятствовали жизни и

деятельности в мирных условиях. В условиях боевых действий были отмечены основные разновидности членовредительства: нанесение себе увечий, самоотравление, самозаражение (отмечено 25% респондентов).

Одним из способов уклонения от службы испытуемые называли «симуляцию невозможности участия в боевых действиях»: симуляция соматических, психических и инфекционных заболеваний; симуляция выхода из строя боевой техники и оружия, использование лжеманевра. Как отмечено бывшими участниками боевых действий (отмечено 25% испытуемых), в боевой обстановке встречались симулянты, которые пользовались приемом неучастия (отлынивания) от коллективных действий в бою, чаще всего они отсиживались (отлеживались) в безопасном месте. Нередко такие симулянты возвращались с поля боя с полным комплектом боеприпасов, не израсходовав ни одного патрона.

Среди самостоятельных девиаций респондентами были выделены и акты жестокого обращения по отношению к населению (отмечено 15% респондентов). В процессе опроса респондентов, было выявлено, что население проводило активную партизанскую, диверсионную борьбу против ограниченного контингента войск. Как правило, днем боевики из числа некомбатантов представлялись мирными жителями, а ночью – это были активные диверсанты, террористы.

Весьма распространенной среди бывших участников боевых действий была отмечена такая форма девиантного поведения как пьянство (на употребление алкоголя указало 25 % испытуемых). Респондентами замечено, что чрезмерное употребление спиртных напитков военнослужащими не достигало уровня физической зависимости организма от алкоголя. С психологической точки зрения употребление алкоголя представляло собой явление своеобразной социально-психологической компенсации, попытку психологически выключиться из ситуации смертельной опасности, преодолеть страх, забыть об утратах сослуживцев (спиртное «для смелости», «для снятия напряжения»).

В условиях боевых действий в Республике Афганистан в качестве самостоятельной девиации было отмечено употребление наркотиков: менее 10% опрошенных высказались, что в условиях боевых действий у некоторых военнослужащих наблюдалось поведение, характеризующееся определенной психической и физической зависимостью от психоактивных веществ. Причем употреблялись в основном «мягкие» наркотики растительного происхождения. Среди причин этого вида девиации респонденты отмечают: стремление участников боевых действий снизить уровень тревоги, желание снять негативные эмоциональные переживания, стремление ввести себя в состояние активности, желание повысить эффективность поведения, получить удовольствие.

По результатам опроса были выявлены случаи самоубийств как формы девиации в условиях боевых действий (отмечено менее 10% испытуемых). Опрошенными было замечено, что самоубийство на войне – это форма инфантильного бегства из психотравмирующей ситуации. В боевой ситуации при желании можно было практически в любое время расстаться с жизнью. Среди причин, по которым человек на войне может совершить самоубийство, испытуемые отмечают: боязнь быть уличенным в трусости, некомпетентности, предательстве; внутриличностный кризис, который человек не может разрешить всеми имеющимися в его распоряжении средствами; конфликтная ситуация в коллективе военнослужащих.

Одной из самостоятельных форм девиатного поведения в условиях боевых действий является братание с противником, которое заключается во вхождении в мирный контакт с явным противником. В явлении псевдобратания часто проявляются такие психологические феномены, как усталость от войны и стремление, хотя бы на короткое время, расслабиться; интуитивные действия протестного характера; решение бытовых проблем [4]. Среди участников исследования данный вид девиации отмечен не был.

Следует отметить, что некоторые из опрошенных военнослужащих считают свое пребывание в Республике Афганистан худшими днями в

социально – психологическом плане, другие, напротив, – периодом социально продуктивного для развития и совершенствования личности.

Согласно данным опроса, в настоящее время продолжается работа по реабилитации участников боевых действий. Организованы реабилитационные центры (Витебский областной клинический центр медицинской реабилитации для инвалидов и ветеранов боевых действий на территории других государств), разрабатываются различные методики и социальные программы, направленные на восстановление психического состояния бывших военнослужащих. Однако, превентивные меры должны были предприниматься перед отправкой военнослужащих в район боевых действий, необходимо было, чтобы психологическая и пропагандистская работа проводилась среди всего контингента военнослужащих. Опрошенными было отмечено, что, если бы и во время нахождения в «горячей точке» с участниками боевых действий проводилась регулярная и грамотная психологическая и пропагандистская работа, то при возвращении к нормальной жизни человек более стойко смог бы противостоять жизненным повседневным трудностям и стрессам. Подобные мероприятия должны были проводиться планомерно и вовремя, соответственно, проявления девиантного поведения в условиях боевых действий и по возвращении военнослужащих домой можно было бы минимизировать.

1. Змановская, Е.В. Девиантология : Психология отклоняющегося поведения : учеб. пособие / Е.В. Змановская. М. : Издательский центр «Академия», 2003.

2. Караяни, А.Г. Прикладная военная психология / А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников. СПб. : Питер, 2006.

3. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения : учеб. пособие. / В.Д. Менделевич. СПб. : Речь, 2005.

4. Сыромятников, И.В. Психология девиантного поведения военнослужащих и его профилактика / И.В. Сыромятников, В.Г. Чайка. М., 2001.

УДК: 159.99: 351.74(477)

Добровольская Елена Александровна
Одесский государственный университет
внутренних дел, преподаватель кафедры
психологии и педагогики
65000, ул. Успенская д.1, г. Одесса, Украина
elen.dob35@ukr.net

Dobrovolskaya Elena
Odessa State University of Internal Affairs,
lecturer of the Department of Psychology and
Pedagogy
65000, Ukraine, Odessa, Uspenskaya str., 1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

SOME FEATURES OF COOPERATION OF ORGANS OF NATIONAL POLICE OF UKRAINE AND PUBLIC

Резюме: в статье рассматриваются некоторые особенности взаимодействия правоохранительных органов с населением и общественностью. Определены основные задания по активизации взаимодействия между правоохранительными органами и общественностью. Анализируется опыт зарубежных стран. Сделан акцент на некоторых спектрах заданий, которые в тесном взаимодействии с работниками полиции выполняют современные дружинники.

Abstract: In the article some features of feature of cooperation of law enforcement authorities are examined with a population and public. Basic tasks are certain on activation of co-operation between law enforcement authorities and public. Experience of foreign countries is analysed. An accent is done on some spectrums of tasks, which in the close co-operating with the workers of police execute modern warriors.

Ключевые слова: правоохранительные органы, взаимодействие, общественность, полиция.

Keywords: law enforcement authorities, co-operation, public, police.

Изменения в современном украинском обществе, его экономической, политической и духовной сферах закономерно влияют на процесс формирования новых взаимоотношений между государством, его институтами и общественностью. Это касается и такого государственного института, как органы правопорядка.

В системе государственного управления правоохранители занимают особенное место. Это предопределено в первую очередь теми функциями, какие они выполняют в общественной жизни, их значимостью, а также тем, что их деятельность осуществляется в реальном социальном пространстве, в непосредственном контакте с гражданами. Ежедневно работник полиции решает сложные профессиональные задания, решает непростые ситуации и конфликты и не имеет права ошибаться. Следовательно, степень материально-

технической обеспеченности и эффективность деятельности органов правопорядка, уровень их профессиональной компетентности отражаются на социально-психологическом состоянии общества, а также, влияют на общественное мнение о деятельности полиции в целом.

Очевидно, что в современных условиях, оптимизация работы правоохранительных органов Украины, которая основывается на плодотворном сотрудничестве с общественными организациями и населением, является актуальной проблемой сегодня.

Проведенные исследования сотрудничества представителей органов правопорядка Украины и населения свидетельствует о том, что сегодня процесс взаимодействия полиции и общественных объединений положительно влияет на деятельность правоохранительных органов, с одной стороны, и формирование положительного имиджа в глазах населения – из второй [1]. Мы можем с уверенностью констатировать, что до этого времени развитие сотрудничества между полицией и гражданами происходило спонтанно, без надлежащей организации и системного подхода. Мероприятия относительно привлечения общественности к правоохранительному процессу проводились, как правило, в результате громких и резонансных событий с масштабными негативными последствиями для общественной жизни. Поэтому, мы считаем, что взаимодействие правоохранителей с общественными формированиями должно планироваться и формироваться на эффективной научно обоснованной управленческой основе. При этом большое значение приобретают государственная стратегия и тактика противодействия преступности совместными усилиями ведомственных институтов и общества.

Одной из форм взаимодействия между представителями органов правопорядка и населением есть создания таких условий (организация работы, выбор эффективных форм функционирования общественных формирований), которые дали бы возможность оптимизировать деятельность правоохранительных органов в целом. В настоящее время при Министерстве внутренних дел Украины сформирован Общественный совет, который является

постоянно действующим коллегиальным выборным консультативно-совещательным органом. Он создан для обеспечения участия граждан в управлении государственными делами, осуществление общественного контроля за деятельностью персонала МВД, налаживания эффективного взаимодействия МВД с общественностью, учета общественного мнения во время формирования и реализации государственной политики [2].

Настроено сотрудничество не только между представителями аппарата министерства и Общественным советом, но и между персоналом МВД и рядовыми гражданами. Позитивным примером партнерства правоохранителей и общественных формирований является деятельность добровольных народных дружин [3]. После длительного перерыва их функционирования возобновлено на основании Закона Украины «Об участии граждан в охране общественного порядка и государственной границы».

Спектр заданий, которые в тесном взаимодействии с работниками полиции выполняют современные дружинники, достаточно широкий:

- патрулирование жилищных массивов и поселков;
- участие в розыске исчезнувших без вести;
- участие в розыске и задержании подозреваемых в совершении преступления;
- общее проведение профилактических, просветительских, воспитательных мер среди разных категорий населения;
- работа с подростками «группы риска», беспризорными и т.д.

К сожалению, таких положительных примеров еще не так много – не хватает опыта и общественного самосознания.

Поэтому, незаурядный интерес представляет зарубежный опыт участия общественности в правоохранительной и правозащитной деятельности и его адаптация в Украине. Общепринятой является мысль, что правоохранительные органы, которые призваны охранять общественный порядок, вести борьбу с преступностью и другими правонарушениями, не требуют помощи населения. Но иногда именно граждане, именно общественность, являются свидетелями

ряда правонарушений или знают о запланированном преступлении, могут оказать правоохранительным органам неоценимую помощь по делу профилактики и расследования преступлений, а также поддержания правопорядка на конкретной территории (в первую очередь по месту жительства граждан). Не случайно в большинстве стран делается акцент, в правоохранительной и правозащитной деятельности органов государственного управления, прежде всего на предотвращении преступлений и других правонарушений с помощью общественности. Практика свидетельствует, что значительно легче и дешевле и для государства, и для налогоплательщиков тратить усилия и средства на просветительскую, воспитательную работу, профилактику преступлений и других правонарушений, чем на их раскрытие и перевоспитание лиц в пенитенциарных заведениях.

Первая в мире модель полицейской деятельности, которая основывается на поддержке и участии общественности, была введена Р. Пилом в Великой Британии в 1829 года. Тогда впервые выражено мнение о том, что полицейская автономия – неоправданная стратегия. Полиция не может выполнять эффективно и своевременно своих обязанностей, не опираясь на поддержку общественных объединений и жителей районов, которые обслуживают полицейские подразделения. Результатом такой политики стало создание так называемой новой полиции, которая тесно сотрудничала с населением [4]. Сотрудничество между полицией и гражданами заключается в том, что между ними устанавливаются такие взаимоотношения, при которых они вместе решают проблемы борьбы с преступностью и поддержания надлежащего правопорядка по месту жительства граждан. Срабатывает один из основных принципов функционирования полиции: общественная безопасность и правопорядок – общее беспокойство государства и общества; полиция будет оказывать помощь лишь в тех случаях, когда усилий общественности недостаточно. Если говорить об Украине, то упомянутый принцип необходимо широко доводить до населения и органов государственной власти и местного самоуправления, которое значительно облегчит работу полицейских с разными

категориями граждан, а также даст возможность сформировать новую модель их взаимодействия. При этом акцент в деятельности полиции должен делаться не на репрессивной функции. Карательные стратегии деятельности Национальной полиции Украины не могут удовлетворять общество, которое развивается в демократическом направлении. Полиция, возможно, должна рассматриваться как сервисная служба (есть позитивный опыт Западной Европы, в частности Германии), основное задание которой - предоставление правозащитных услуг населению на отдельной территории. Для этого должна проводиться широкая профилактически-разъяснительная работа с привлечением разных слоев населения.

В настоящее время важными для нашей страны, на наш взгляд, являются такие основные задачи по активизации взаимодействия между правоохранительными органами и общественностью как:

- повышение авторитета и доверия населения к органам Национальной полиции;
- улучшение состояния коммуникативной и общей культуры персонала МВД;
- содействие объективному информированию населения о деятельности работников правоохранительных органов с помощью средств массовой информации;
- тщательная проверка фактов и материалов, которые публикуются или демонстрируются в масс-медиа;
- создание позитивного имиджа путем повышения уровня профессиональной компетентности и улучшения результатов деятельности персонала МВД;
- обеспечение непосредственного диалога между полицией и населением (общественными объединениями, профсоюзами, ассоциациями, организациями, предприятиями) во время личных встреч граждан с руководителями подразделений Национальной полиции, наилучшими работниками, персоналом

службы общественной безопасности, которые обеспечивают правопорядок на конкретной территории;

– проведение активной профилактической, воспитательной, просветительской работы среди разных слоев населения с целью предотвращения преступности, а также формирование у разных категорий граждан ощущения личной причастности к правовому порядку в обществе, повышения уровня самосознания каждого члена общества;

– привлечение самых активных граждан к сотрудничеству, предвидение в действующем законодательстве материально-технического обеспечения общественных формирований и вознаграждений лицам за помощь органам правопорядка и выполнение конкретных правоохранительных заданий.

Таким образом, оптимизация взаимодействия органов Национальной полиции Украины с общественностью в контексте правоохранительной деятельности имеет основную цель – введение новых форм сотрудничества правоохранителей и общественности, а также использование зарубежного опыта участия общественности в правоохранительной и правозащитной деятельности. Своевременное оперативное реагирование правоохранительных органов на все обращения граждан, повысит уровень доверия людей к полиции.

1. Beschastnyj V.M. (2012). *Imidzh ak skladova us pikhu pravookhoroncja: dopostanovky problem* [Image as a component of the success of the law enforcement: to the problem]. Viche, no. 2, pp. 6–8.

2. *Polozhennja pro Ghromadsjkura dupry Ministerstvi vnutrishnikh sprav Ukrainy* (2013). Skhvaleno na zasidanni Ghromadsjkoy irady pry Ministerstvi vnutrishnikh sprav Ukrainy: protokol 1.

3. Kovalenko S. (2012). *Pilotnyj proekt: politnormaljnyj?* [Pilot Project: Poly-Nervous?] *Imenem Zakonu: ghromadsjko-pravovyj tyzhnevnyk*. No. 1–2, pp. 10–13.

4. Dolghopolov A.M. (2008). *Orghanizacijno-pravovi pytannj adijalnosti ghromadsjky k hformuvanj z okhorony ghromadsjkogho porjadku i derzhavnogho kordonu v Ukraini*. : (PhD Thesis), Kiev: Kievskiy natsionalny yuniversitet imeni Tarasa Shevchenka.

Захарченко Оксана Валентиновна
Харьковский национальный университет
внутренних дел, доцент кафедры
уголовного процесса и организации
досудебного следствия, кандидат
юридических наук, доцент
61080, пр-т Льва Ландау, 27, г. Харьков,
Украина
Oksana_Zakhr@ukr.net

Zakharchenko Oksana
Kharkiv National University of Internal Affairs,
Associate Professor of the Department of
Criminal Procedure and Organization of Pre-trial
Investigation, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
61080, Lva Landau ave.,27,
Kharkiv, Ukraine

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE JUDGE'S INTERNAL CONVICTION IN THE CRIMINAL PROCEEDING OF UKRAINE

Резюме: в статье на основании обобщения исследований отечественных и зарубежных ученых раскрывается понятие и наводится общая характеристика сущности внутреннего убеждения судьи в уголовном производстве.

Abstract: In this article, based on the generalization of research by domestic and foreign scientists, the concept is revealed and an overall characterization of the essence of the judge's internal conviction in criminal proceedings is made.

Ключевые слова: внутренне убеждение судьи, доказывание, решение, судебное разбирательство, умственная деятельность.

Key words: inner conviction of the judge, proof, decision, trial, mental activity.

Профессия судьи связана с необходимостью принимать важные и ответственные решения, определять судьбы других людей, их виновность или невиновность в совершении правонарушений. Наибольшее внимание при осуществлении правосудия необходимо уделять такой психологической категории, как проблема внутреннего убеждения судьи. При осуществлении правосудия, после оценки всех доказательств по делу, это едва ли не самый главный фактор, который влияет на принятие судьей процессуального решения – принятие решения в уголовном производстве. Судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, которое должно быть основано на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законодательством. На все вопросы, вынесенные на рассмотрение суда, должен быть получен категоричный положительный или отрицательный ответ.

В юридической литературе проблемные вопросы внутреннего убеждения судьи исследовались на протяжении длительного времени. Неоценимый вклад в развитие учения о внутреннем убеждении внесли такие дореволюционные правоведы, как: С. А. Андреевский, С. И. Викторский, Л. Е. Владимиров, М. В. Духовской, А. Ф. Кони, П. И. Люблинский, Н. Н. Розин, В. К. Случевский, Й. Я. Фойницкий. В их трудах убеждение понималось отнюдь не только как субъективное впечатление, но выделялась и его объективная составляющая, основанная на доказательствах, проверенных в суде.

Значительное внимание вопросам формирования внутреннего убеждения уделялось в работах многих известных ученых, таких как: В.В. Гордеева, Ю. М. Грошевого, А. Я. Дубинского, В. С. Зеленецкого, Т. В. Катковой, Л. Д. Кокорева, В. О. Коноваловой, П. А. Лупинской, В. Т. Маляренка, М. М. Михеенка, Я. О. Мотовиловкера, М. С. Строговича, Ф. Н. Фаткуллина, М. А. Чельцова, В. Ю. Шепитька, и многих других.

Целью нашего исследования является анализ понятия и сущности «внутреннего убеждения судьи» как основного элемента уголовно-процессуального доказывания в уголовном производстве.

Статья 23 Уголовного процессуального кодекса Украины определяет, что суд исследует доказательства непосредственно, а показания участников уголовного производства суд получает устно [4]. Из этого следует, что устные показания участников уголовного производства в ходе непосредственного их исследования во время судебного разбирательства воспринимаются и оцениваются судом в результате так званого внутреннего убеждения судьи.

Внутреннее убеждение является комплексным понятием, в связи с чем его сущность в литературе определяется по-разному в зависимости от методологического подхода автора. Так, ее рассматривают как основу или принцип оценки доказательств; критерий оценки доказательств; элемент принципа свободной оценки доказательств; метод или способ оценки; результат оценки. Прежде всего, при определении понятия «внутренне убеждение»,

следует обратить внимание на этимологическое значение этого словосочетания. Академический толковый словарь украинского языка определяет понятие «убеждение» как твердую уверенность, уверенность в чем-либо, веру в что-либо, взгляд на что-то [7, с. 200]. С. Я. Фурса указывает, что внутреннее убеждение судьи – это неосознанное впечатление, чувство, которое не поддается контролю, а уверенность в правильности его выводов, которые составляют основу судебного решения [9, с. 555].

Существуют также позиции, которые объединяют несколько значений внутреннего убеждения [1, с. 29]. Известный процессуалист М. С. Строгович рассматривал внутреннее убеждение как процесс умственной деятельности, акт мышления, связанный с осознанием обстоятельств дела [8, с.143].

На наш взгляд, внутреннее убеждение целесообразно рассматривать и как метод оценки, и как ее результат. Такая позиция была высказана рядом ученых. Так, А. Р. Ратинов считал, что внутреннее убеждение является и процессом исследования, и его результатом [5, с. 138]. М. Резник рассматривает внутреннее убеждение как подход к определению свойств доказательств, как способ их оценки и результат такой оценки [6, с. 23]. В. Е. Коновалова и В. Ю. Шепитько считают, что понятие «внутреннее убеждение» по своему содержанию выражает субъективную уверенность соответственно к субъективной оценке объективно существующих обстоятельств и фактов [3; 10, с.70].

По нашему мнению, внутреннее убеждение, как метод оценки доказательств, представляет собой способ познания фактов и обстоятельств уголовного производства. Он является методом оценки доказательств относительно доказательной силы и значения, а также свойственных им качеств в соответствии с нормативно определенных внешних критериев – относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Принцип внутреннего убеждение заключается в отсутствии заранее определенных приемов оценки и их последовательности, при этом основывается на объективных законах логики и мышления, а также субъективных категориях правосознания, совести, эмоций

(чувств). Он характеризует сам подход к оценке доказательств, будучи свободным от внешнего принуждения и не связанным формальными предписаниями поиска истины [2, с. 225].

Рассматривая понятие «внутреннее убеждение судьи», следует остановиться на субъективном аспекте, так как субстанцией умственной деятельности является сознание человека, благодаря которому и возможен процесс познания. Внутреннее убеждение предусматривает возможность критически относиться к предоставленным доказательствам по уголовному производству. Результат этой субъективной умственной деятельности это и есть убеждение, которое уголовный процессуальный кодекс определяет как внутреннее, конкретизируя, что убеждения судьи касаются уголовного производства, в отличие от убеждения как элемента правосознания, объем которого находится за пределами обстоятельств уголовного производства и выражает правовые взгляды, идеи, которых придерживается судья.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что при принятии решения по уголовному делу судья постоянно оказывается перед сложной проблемой внутреннего убеждения в правильности своего решения, так как за этим решением нередко стоят судьбы людей, а также авторитет, как самого судьи, так и судебной системы в целом.

Процесс формирования внутреннего убеждения судьи связан с непрерывным устранением сомнений, которые возникают во время судебного разбирательства. На внутреннее убеждение судьи влияет вся доказательственная информация, которая исследуется в соответствии с общими правилами судебного процесса, – непосредственно, устно и непрерывно, под председательством судьи и с соблюдением равенства прав участников процесса. Уверенность судьи в правильности принятого решения однозначно определяется законностью и обоснованностью.

Таким образом, формирование внутреннего убеждения судьи во время судебного разбирательства является комплексным понятием, что дает основание рассматривать его в нескольких аспектах – как метода и как

результат оценки доказательств в суде. Эта сторона понятия заключается в обоснованности и мотивированности внутреннего убеждения, к которому пришел судья на основании всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела и в порядке, предусмотренном законом. Благодаря такому подходу открываются широкие возможности относительно исследования и определения направлений усовершенствования правового регулирования.

1. Аубакирова А.А. Гносеологическая и юридическая природа понятийной категории «внутреннее убеждение» / А.А. Аубакирова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2008. № 3. С. 27–32.

2. Дроздович Н.Л. Проблеми визначення поняття «внутрішнє переконання судді» у кримінальному процесі України / Н.Л. Дроздович // Часопис Київського університету права. 2009. № 3. С. 224–228.

3. Коновалова В.Е. Основы юридической психологии : [учебник] / В.Е. Коновалова, В.Ю. Шепитько. Х. : Одиссей, 2005. 352 с.

4. Кримінальний процесуальний кодекс України за редакцією на 1 вересня 2017 року. Харків : Право, 2017. 378 с.

5. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. М. : Изд-во ВШ МООП СССР, 1967. – 290 с.

6. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М. Резник. М. : Юрид. лит., 1977. 120 с.

7. Словник української мови : в 11 т. Т. 6. 1975. С.200.

8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / М.С. Строгович. М. : Наука, 1968. 470 с.

9. Фурса С.Я. Цивільний процесуальний кодекс України : [науково-практичний коментар] : у 2 т. / С.Я. Фурса, Є.І. Фурса, С.В. Щербак ; за заг. ред. С.Я. Фурси. К. : Видавець Фурса С.Я. : КНТ, 2006. Т.1. 2006. С.555.

10. Шепитько В. Ю. Психологія судової діяльності : навч. посіб. / В. Ю. Шепитько. Х. : Право, 2006. 160 с.

Игумнов Сергей Александрович
Кафедра психологии Белорусского
государственного университета
220004. Минск, ул. Кальварийская, 9,
Sigumnov67@gmail.com

Igumnov Sergeij
Psychology Dpt,
Belarusian State University
220004. Minsk, Kalvaryjskaja Str., 9

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ВЫВОДОВ ПРИ «УМЕНЬШЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ»

METHODOLOGY OF EXPERT CONCLUSIONS FORMULATION IN CASES OF «DIMINISHED RESPONSIBILITY»

Резюме. Статья представляет собой обзор современных представлений уменьшенной (ограниченной) вменяемости, включая основные дефиниции, обзор законодательных актов и форм их практической реализации в Республике Беларусь. Предлагаются алгоритмы методологии формирования экспертных выводов, базирующиеся на анализе юридического и медицинского критериев уменьшенной вменяемости в определенных ситуациях.

Abstract. The article provides the review of the current approach to diminished responsibility, including the major definitions, legislative acts and forms of its practical realization in the Republic of Belarus. The authors also provide the recommended algorithms of proper methodology of expert conclusion formulation basing on the analysis of contribution of legislative and medical criteria of diminished responsibility in certain situations.

Ключевые слова: Республика Беларусь, уменьшенная вменяемость, законодательство, экспертные выводы.

Key words: Republic of Belarus, diminished responsibility, legislation, expert conclusions.

Уменьшенная вменяемость (в УК Российской Федерации (далее РФ) – «ограниченная вменяемость») – термин, используемый в уголовно-правовой теории для обозначения психического состояния лица, способности которого осознавать характер и общественную опасность своих действий или руководить ими ограничены ввиду наличия у него какого-либо психического расстройства [1].

Современная юридическая наука признаёт, что лица с нарушениями психики пограничного уровня (различные формы расстройств личности, неврозы, остаточные явления черепно-мозговых травм, алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.д.) не могут быть приравнены в уголовно-правовом отношении к полностью здоровым [2– 5]. Ввиду этого в той или иной форме концепция ограниченной вменяемости находит выражение в

законодательстве многих стран мира: Франции, ФРГ, Швейцарии, Польши и т.д. В Уголовный кодекс (далее – УК) РФ 1996 года (ст. 22 УК РФ) была введена норма об ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости [6], которая сразу же вызвала большое количество споров.

Статья 29 УК Республики Беларусь (от 9.07.1999 г.) гласит:

1. Лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии уменьшенной вменяемости, то есть не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства (заболевания) или умственной отсталости, не освобождается от уголовной ответственности.

2. Состояние уменьшенной вменяемости может учитываться при назначении наказания или иных мер уголовной ответственности, а также служить основанием для применения к лицу принудительных мер безопасности и лечения.

Статья 106 УК Республики Беларусь предполагает применение принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц с уменьшенной вменяемостью [7]:

1. К лицам, совершившим преступление в состоянии уменьшенной вменяемости, а также заболевшим после постановления приговора или во время отбывания наказания психическим расстройством (заболеванием), но не утратившим полностью возможность сознавать значение своих действий или руководить ими, при необходимости судом могут быть применены принудительные меры безопасности и лечения.

2. К лицам, указанным в части 1 настоящей статьи, осужденным к аресту, лишению свободы или пожизненному заключению, принудительные меры безопасности и лечения применяются по месту отбывания наказания, а в отношении осужденных к иным видам наказания или иным мерам уголовной ответственности – по месту жительства путем принудительного амбулаторного наблюдения и лечения у врача-психиатра.

В ныне действующем УК существенно изменились и расширились вопросы, касающиеся медико-правовой компетенции, что отражает общую тенденцию развития медицинского права в Беларуси. На примере нового уголовного закона наглядно проявился процесс сближения национального законодательства с международным правом, приближения его к единым, складывающимся на международном уровне подходам к регламентации многих вопросов. Именно этот подход обусловил включение в УК ряда новых медико-правовых положений. Прежде всего следует отметить, что в УК уточнено понятие невменяемости (ст. 28). Впервые в УК введены понятия уменьшенной вменяемости (ст. 29), состояния аффекта (ст. 31), уточнено понятие состояния опьянения (ст. 30).

Уменьшенная вменяемость трактуется как состояние, в котором лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие болезненного психического расстройства или умственной отсталости. В таком случае лицо не освобождается от уголовной ответственности, но состояние уменьшенной вменяемости может учитываться при назначении наказания или иных мер уголовной ответственности, а также служить основанием для применения к лицу принудительных мер безопасности и лечения [8].

Определены четыре вида принудительных мер безопасности и лечения, применяемых к психически больным [7]:

- 1) принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у психиатра;
- 2) принудительное лечение в психиатрической больнице (отделении) с обычным наблюдением;
- 3) принудительное лечение в психиатрической больнице (отделении) с усиленным наблюдением;
- 4) принудительное лечение в психиатрической больнице (отделении) со строгим наблюдением.

Предусматривается, что изменение и прекращение применения к психически больным принудительных мер безопасности и лечения

осуществляется судом на основании заключения врачей-психиатров. Указанная категория больных должна не реже одного раза в шесть месяцев подвергаться освидетельствованию комиссией врачей-психиатров.

Лечение от хронического алкоголизма, наркомании или токсикомании осужденных к аресту, лишению свободы проводится по месту отбывания наказания, а осужденных к иным видам наказания или иным мерам уголовной ответственности – по месту жительства путем принудительного амбулаторного наблюдения и лечения (ст. 107) [7].

Юридический критерий уменьшенной вменяемости заключается в наличии у лица способности: частично осознавать значение своих действий (интеллектуальный признак) и не в полной мере руководить своими действиями (волевой признак). Медицинский критерий уменьшенной вменяемости заключается в наличии у лица болезненного психического расстройства или умственной отсталости.

Уменьшенная вменяемость является видом вменяемости (но никак не невменяемости). При таком состоянии лицо не лишается способности осознавать свои деяния и руководить ими. Поскольку лицо действует осознанно, оно также в состоянии отвечать перед правосудием за свои поступки и может быть исправлено применением к нему наказания [7].

Рассмотрим методологию формирования экспертных выводов и особенности построения судебно-психиатрического диагноза в уголовном процессе [13]. Медицинский критерий ст. 29 УК РБ (уменьшенная вменяемость) дан в самой общей форме – «болезненное психическое расстройство или умственная отсталость» [7, с. 41], что позволяет весьма широко его трактовать. Но широкое и недифференцированное применение этого критерия неизбежно приведет к дискредитации самого понятия «уменьшенная вменяемость» и затруднению к правоприменению ст. 29 УК РБ. Поэтому требуется очень четкое определение тех клинических расстройств, при которых возможно использование этой правовой нормы, формирование

методической основы, принципов и критериев обоснования выводов об уменьшенной вменяемости.

Широкий диапазон психических нарушений, влияющих на правовой статус подэкспертного лица, предполагает полно и дифференцированно подходить к психическим отклонениям в различных экспертных ситуациях, сравнивая и сопоставляя их с требованиями юридического критерия в каждом конкретном случае [13].

В выборе рекомендаций вида принудительных мер безопасности и лечения, судебно-психиатрические комиссии руководствуются не только характером совершенного деяния [9–12]. В обосновании того или иного вывода о применении принудительных мер безопасности и лечения в экспертном заключении учитывается и отмечается актуальное психическое состояние лица и вероятностный прогноз, обуславливающий степень социальной опасности [13-15].

Формулирование и обоснование экспертного заключения в юридическом смысле является завершающей и, вместе с тем, интегративной стадией судебно-психиатрического диагноза. Естественно, что окончательное решение по этим вопросам, их утверждение и законная сила является исключительной прерогативой суда. Заключение эксперта является одним из доказательств при расследовании в уголовном процессе. Влияние психических расстройств на поведение человека в криминальной ситуации чаще всего носит характер логически аргументированной гипотезы, кроме тех случаев, когда эти расстройства носят отчетливый психотический характер и отражаются в криминальном поведении.

Абсолютизация нозологического принципа в судебной психиатрии при современном развитии психиатрической систематики уходит в прошлое. Привычная для отечественной судебной психиатрии нозологическая парадигма вступает в известное противоречие с используемой в Республике Беларусь Международной классификацией болезней 10-го пересмотра (раздел V «Психические и поведенческие расстройства») [16].

Вместе с тем, хотя принятая классификация дисциплинирует диагностическое мышление эксперта и представляет определенные стандарты диагностических построений, в случае формального ее использования, из-за статичности стандартов подхода в ряде экспертных ситуаций снижается диагностическая ценность и доказательность обоснования экспертного заключения. Поэтому особенности построения судебно-психиатрического диагноза заключаются именно в многоосевом (мультиаксиальном) ракурсе его оценки. Это полностью согласуется с традиционными для отечественной судебно-психиатрической школы (Д. Е. Мелехов, Б. В. Шостакович и др.) представлениями о «функциональности» диагноза в соответствии с поставленной перед судебным психиатром задачей [17].

В судебной психиатрии любой экспертный диагноз *a priori* является функциональным, поскольку в квалифицированном экспертном заключении в обязательном порядке учитываются: наличие и степень выраженности психопатологической симптоматики – Ось 1; «почва», на которой эта симптоматика развивается (расстройства личности и умственная отсталость – Ось 2; наличие соматических нарушений, находящихся в причинной связи с психическим состоянием («актуальный психофизический статус») – Ось 3; влияние психотравмирующих обстоятельств и отрицательных воздействий окружающей среды – Ось 4; уровень социальной адаптации и прогноз – Ось 5 [16;18].

Экспертное решение включается в Ось 5, поскольку отражает существующую и прогнозируемую социальную адаптацию субъекта, включая оценку риска противоправного поведения.

1. Руководство по судебной психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. М. : Медицина, 2004. 592 с.

2. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 284.

3. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 285.

4. Цымбал Е.И. Ограниченная вменяемость: дискуссионные вопросы теории и правоприменительной практики. *Уголовное право*. 2002. № 1. С. 58.
5. Аргунова Ю. Н. Применение нормы об ограниченной вменяемости / Ю.Н. Аргунова // *Российская юстиция*. 1999. № 7. С. 42.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. М. : Эксмо, 2015. 224 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2005. 301 с. [http:// kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/29.htm](http://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/29.htm)
8. Кралько, А.А. Медико-правовые аспекты нового криминального кодекса Республики Беларусь. *Медицинские Новости*. 2000. № 6. С. 43-46.
9. Агрессия и психические расстройства / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. М.: РИО ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского», 2005. 200 с.
10. Котов В.П., Мальцева М.М. Опасные действия психических больных: генез, принципы дифференциации, риск совершения. Руководство по судебной психиатрии. М., 2004. С. 428-433.
11. Мальцева М.М., Котов В.П. Опасные действия психических больных: психопатологические механизмы и профилактика. М., 1995. 225 с.
12. Назарова, Н.В. Особо опасные агрессивные действия психически больных в аспекте их профилактики (клинико-катамнестическое исследование). Автореф. дис... канд. мед. наук. М., 1990. 28 с.
13. Новиков В.В., Лапицкий Г.А., Игумнов С.А. Методология формирования экспертных выводов и особенности построения судебно-психиатрического диагноза в уголовном процессе. *Медицинский журнал*. 2006. №3. С.65-67.
14. Шостакович, Б.В. Проблема опасности психически больных. Руководство по судебной психиатрии. М., 2004. С.108-115.
15. Nedopil N. Forensische Psychiatrie. Stuttgart New-York: Thieme, 1996.
16. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. Классификация психических и поведенческих расстройств. СПб: АДИС, 1994. 302 с.
17. Шостакович, Б.В. Современные проблемы теории и методологии судебно-психиатрического диагноза. Судебная психиатрия. Методические и организационные проблемы современной судебно-психиатрической практики. М. : ГНЦ ССП им. В.П.Сербского, 2005. С. 220 – 237.
18. Diagnostic Criteria from DSM-IV Published from APA.Washington, 1994. P.37.

Кивайко Владимир Николаевич

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, доцент, кандидат психологических наук, доцент

220007, Московская, 17, Минск, Беларусь

Kivaijko Vladimir

Academy of management under the President of the Republic of Belarus, associate Professor, candidate of psychological Sciences, associate Professor

220007, Moscow, 17, Minsk, Belarus

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

PSYCHOLOGICAL INFLUENCE IN LEGAL PRACTICE OF THE INSPECTOR

Следователь – это субъект коммуникативного взаимодействия, осуществляющий профессиональную деятельность в области применения правовых норм. Профессиональные отношения следователя относятся к профессиям типа «Человек-Человек». Объектом взаимодействия в процессе профессиональных действий следователя выступает человек, а результатом труда – расследование преступления и установление истины по уголовному делу.

Допрос является одним из следственных действий, применяемых в уголовном судопроизводстве. Он состоит в получении следователем при расследовании уголовного дела устных сведений (показаний) об обстоятельствах преступления от допрашиваемого лица (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), которые заносятся в протокол и являются значимыми для данного уголовного дела.

Допрос может производиться органами дознания, предварительного следствия и судом. Допрос – наиболее распространенное следственное действие, которое занимает центральное место при проведении предварительного следствия и является важнейшим среди других следственных действий (например, очная ставка, предъявление для опознания, обыск и др.).

В работе следователя допрос занимает более четверти его рабочего времени [2]. Основная цель допроса – получение показаний от допрашиваемого. Под показаниями понимается группа источников (видов)

доказательств, которые содержат сведения об обстоятельствах дела, сообщаемые следователю допрашиваемым лицом [1].

Процесс допроса имеет сложную психологическую структуру: установление, поддержание и выход их профессионального психологического контакта с допрашиваемым лицом. Знание психологических закономерностей этого процесса дает возможность правильно провести допрос и получить достоверные сведения об обстоятельствах преступления [2]. Допрос имеет определенную закономерную динамику, в которой можно выделить следующие стадии:

Первая стадия – вводная. Умело начать допрос – профессиональное искусство, и от того, как это сделает следователь, во многом зависит достоверность той информации, которую он получит. Следователь начинает допрос с установления анкетных данных допрашиваемого: фамилии, имени, отчества, года рождения, места жительства и т.д. (о чём делается запись в протоколе следственного действия), а также разъясняет допрашиваемому его права и обязанности. Тем не менее, это представляет собой лишь внешнюю сторону беседы, за которой стоит начальная стадия формирования отношений между следователем и допрашиваемым: собеседники присматриваются друг к другу, определяют своё дальнейшее поведение.

Вторая стадия – нахождение психологического контакта. Она важна тем, что только после установления психологического контакта с допрашиваемым можно переходить к выяснению обстоятельств преступления в целом. Темой беседы на этой стадии, обычно, являются незначительные для существа дела моменты (нейтральный материал): биография допрашиваемого, его жизненный и трудовой путь, семейное положение, круг интересов и увлечений, жизненные планы и т. п. Всесторонней характеристике этой стадии допроса будет посвящена наша дальнейшая работа.

На следующей стадии следователь получает от допрашиваемого основную информацию о расследуемом преступлении (в форме свободного рассказа),

которую сопоставляет с имеющимися материалами дела, а также устраняет неясности и неточности в показаниях с помощью вопросов.

В завершение допроса полученная информация в письменном виде представляется допрашиваемому и подписывается им. Таким образом, подтверждается правильность зафиксированных в протоколе показаний.

Для подозреваемого и обвиняемого дача показаний является их правом, а не обязанностью. Участие в допросе гарантирует им право на защиту. В связи с этим перед допросом подозреваемому или обвиняемому должно быть разъяснено его право давать или не давать показания следователю. Если такого разъяснения не было, то показания признаются недопустимыми в качестве доказательств по уголовному делу [3].

Свидетели и потерпевшие предупреждаются перед допросом об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Допрос – это сложный процессуальный акт. Поэтому допрос на предварительном следствии может проводить не только следователь, но и прокурор. В допросе могут также принимать участие: защитник, законный представитель обвиняемого, эксперт.

В связи с выше изложенным, следует отметить: установление профессионально-психологического контакта между следователем и допрашиваемым является одной из главных задач допроса, так как от этого зависит вся успешность его проведения.

Многие преступления остаются полностью не расследованными и нераскрытыми по причине отсутствия психологического контакта следователя с допрашиваемым в процессе проведения допроса. В связи с этим обратимся к самому понятию терминов: «допрос», «контакт» и «контактность». В чём состоит их значение? Определение данных понятий позволит найти границу, отделяющую явления, охватываемые данными понятиями от всех сходных с ними явлений.

Термин «контакт» (от лат. Contactus – прикосновение): поверхность соприкосновения чего-либо; связь, взаимодействие; согласованность, сотрудничество, единство действий лиц, групп и прочее [4]. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под словом контакт понимается: «Соприкосновение, соединение, деловая связь, согласованность, тесное общение» [3].

Под словом «контактировать» в Большом толковом словаре русского языка указано: «Это значит с кем-либо находиться в контакте», а контакт: «Взаимное понимание, согласованность в работе, в какой-либо деятельности, в деловых и иных отношениях».

Таким образом, если связать два понятия «психологический» и «контакт» можно получить такое определение: «Положительно-эмоциональное взаимодействие субъектов; общение, возникающее на основе общих интересов и целей деятельности, взаимопонимания и взаимодоверия».

1. Андрейчик, Н. Роль адвокатуры в защите прав граждан в связи с принятием нового УПК // Юрисдикция Беларуси. Н. Андрейчик. 2001. № 4.

2. Вишневский А.Ф. и др. Общая теория государства и права / Под общ. ред. А.Ф. Вишневского. Минск, 1990.

3. Дубов Г.В. Этика сотрудников правоохранительных органов. М. : Щит-М., 2002.

4. Порубов Н.И., Порубов А.Н. Юридическая этика. Минск : «Вышэйшая школа», 2003.

Клышевич Наталья Юлиановна
БГУ, доцент кафедры психологии, кандидат
психологических наук, доцент

220004

ул. Кальварийская,9 Минск, Республика
Беларусь
klishevich_n@mail.ru

Klyshevich Natallia
BSU, associate Professor of psychology,
candidate of psychological Sciences, associate
Professor

220004

Kalvariyskaya str., 9 Minsk, Republic of
Belarus
klishevich_n@mail.ru

Купи Светлана Валентиновна
Муниципальная библиотека г. Маглан,
менеджер, кандидат психологических наук,
доцент

74300

ул. Национальная 14, Маглан, Франция
sviatlana.coupie@gmail.com

Coupie Sviatlana
The municipal library of the City of Magland,
Manager, candidate of psychological
Sciences, associate Professor

74300

1021 rue National B.P. 14, Magland, France
sviatlana.coupie@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

SOCIAL REPRESENTATIONS OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY AMONG STUDENTS OF LEGAL SPECIALTIES

Резюме: В статье представлены результаты эмпирического исследования социальных репрезентаций личности преступника у студентов юридических специальностей. Выявлены характеристики личности. Которые студенты связывают с образом преступника. Проанализированы особенности социальных репрезентаций личности преступника у студентов младших и старших курсов.

Abstract: The results of the empirical research of social representations of the criminal's personality among students of legal specialties are represented In the article. Personality characteristics which students connect with the criminal's image were identified. Features of social representations of the criminal's personality among students of junior and senior courses were analysed.

Ключевые слова: социальные репрезентации, личность преступника.

Key words: social representations, criminal's personality.

Проблема личности преступника – одна их центральных в юридической и криминальной психологии. Она неизменно привлекает к себе внимание исследователей (В. П. Андреев, Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунев, А. Н. Пастушеня, А. Р. Ратинов, Г. Г. Шиханцов, В. Е. Эминов). Под личностью преступника мы вслед за Н. Ф. Кузнецовой будем понимать систему свойств в виде криминогенных потребностей, интересов, эмоционально-волевых деформаций и мотивации, которые породили

соответствующее преступное поведение [3]. Сходной точки зрения придерживается белорусский исследователь Г. Г. Шиханцов, связывая личность преступника с совокупностью ее социально-значимых негативных свойств, влияющих – в сочетании с внешними условиями – на преступное поведение [6].

В своем исследовании мы сосредоточились на изучении социальных репрезентаций личности преступника как носителя определенных устойчивых характеристик. Социальные репрезентации характеризуют набор понятий, убеждений, объяснений, стереотипов, возникающих в повседневной жизни в ходе межличностных коммуникаций (С. Московичи). По мысли Д. Жоделе, социальные репрезентации являются формой познания социальной действительности. Они облачают социальное знание в конкретную форму, определяют способ интерпретации и осмысления социальной действительности. Социальные репрезентации формируются на основе опыта, полученной информации, социального взаимодействия, обучения. К их важнейшим функциям относят функцию опосредования, демаркации и консолидации групп, которые подразумевают ориентацию и регуляцию поведения личности, ее социальных отношений и коммуникаций.

В связи с этим представляет интерес выявление особенностей социальных репрезентаций личности преступника у студентов, обучающихся юридическим специальностям, а также выделение общего и особенного в образах, созданных студентами младших и старших курсов.

В качестве респондентов выступили студенты 1 и 4 курсов юридического факультета БГУ. Общее число участников исследования – 150 человек. Им было предложено выполнить следующие задания: закончить фразу «Преступник – это...», а также нарисовать преступника, как они его представляют.

Обратимся к анализу результатов завершения незаконченного предложения. Наиболее типичными были следующие варианты ответов: преступник – это человек, который нарушил закон, уголовный кодекс (42% респондентов), преступник – это человек, который совершил противоправное,

уголовно наказуемое деяние (33,5% респондентов) либо преступление (27,5% респондентов). Каждый десятый характеризует преступника как человека, нарушившего нормы или правила общества (10% респондентов), нанесшего вред другим людям (14,5% респондентов).

При этом первый вариант встречается в четыре раза чаще у студентов 1 курса (51% и 13% соответственно). Второй вариант, напротив, оказался более характерным для четверокурсников (14% и 53% соответственно). У них же чаще фиксировался и третий вариант. Однако разрыв в показателях здесь не столь велик – 13% против 7%. По последнему варианту ответов существенных различий не наблюдается.

Что касается выделяемых личностных особенностей преступника, то число их невелико, как на 1, так и на 4 курсах. Чаще всего имеются указания на особые цели и ценности, установки, мышление, отмечаются неуверенность, слабость личности, наличие психических заболеваний, проблем с социализацией. Число респондентов, выделивших данные характеристики, колеблется в пределах от 1% до 8%, за исключением особенностей ценностной сферы преступника, которые подчеркивают в своих дефинициях 18% первокурсников. Аналогичный показатель у студентов 4 курса составил 2%.

В то же время старшекурсники чаще отмечают такие уголовно-процессуальные аспекты, как виновность лица, ее доказательство в суде, привлечение к уголовной ответственности. Их дефиниции носят более формализованный характер.

В большинстве случаев в предложении содержатся один или два выделенных признака. Число респондентов, отмечающих от трех до пяти признаков понятия, составило 36% первокурсников и 16% студентов 4 курса. Поэтому можно сделать вывод о чрезмерной обобщенности и недостаточной дифференцированности изучаемого понятия в представлениях студентов, особенно старших курсов.

Для выявления качественных особенностей социальных репрезентаций личности преступника была использована методика «Рисунок человека». Ее

достоинство, как и любого проективного теста, связано с возможностью избежать социально желательных ответов. При интерпретации рисунков мы опирались на трактовку признаков, предложенную А.Л. Венгером и К. Тейлор.

Начнем с такого признака, как место расположения фигуры на листе бумаги. Вне зависимости от курса обучения большинство участников исследования изображали фигуру преступника в левой части листа (77% и 74% соответственно). Причем чаще всего это было маленькое изображение в левом верхнем углу. Такое расположение подчеркивает доминирование эмоциональной сферы над рациональной, наличие высокой тревожности. Возможна отсылка к прошлому опыту респондента. Подобное изображение косвенно можно связать с импульсивностью, эмоциональной неустойчивостью, высокой реактивностью. Это согласуется с данными В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова, которые отмечают в личности преступника сочетание импульсивности с агрессивностью, низким порогом реакции и ранимостью в межличностных отношениях [1; 4].

Расположение в центре встречается в 22% случаев вне зависимости от курса обучения. Его можно интерпретировать как доминантность или эгоцентризм личности.

Изображение фигуры справа (чаще это был правый верхний угол) означает подчеркивание интеллектуальной составляющей образа. Такие рисунки встречались лишь у студентов 4 курса. Их число оказалось незначительным и составило 4%. Следует отметить, что акцент на интеллектуальной сфере прослеживался еще и в такой особенности, как изображение лица либо верхней части фигуры. Число таких рисунков у четверокурсников составило 15%.

Крайне негативное отношение к изображаемому фиксируется в том случае, когда фигура рисуется схематично, в виде «палочного человечка». Чаще такие рисунки встречаются у студентов 4 курса (44,5% против 17%). Возможно, это объясняется появлением к 4 курсу некоторого опыта практической деятельности у респондентов.

Важной характеристикой образа является его цветовое решение. Так как различия между курсами отсутствуют, мы будем приводить средние значения. Отмечается единодушие респондентов в использовании черного цвета (66,5%). Серый цвет использовался в рисунках 45% студентов, синий – у 29% участников исследования. Коричневый цвет также применялся, но реже (15,5%). Согласно методу цветовых выборов, предложенному Л. Н. Собчик, психологическое значение этих цветов следующее. Черный цвет символизирует нетерпимость к мнению других, протестные реакции на сложившиеся обстоятельства, противодействие внешнему давлению, средовым воздействиям, субъективизм оценок. Серый цвет означает уход от контактов с окружающими, пассивность, ограничение сферы общения, блокировку насущных потребностей. Синий цвет отражает замкнутость, инертность в принятии решений, пассивность, конформность установок. Коричневый цвет символизирует повышенную тревожность, эмоциональную напряженность, неуверенность, проблемы с социальной адаптацией.

Яркие цвета (зеленый, оранжевый, желтый, бордовый) использовались только в выделении некоторых деталей одежды или окружающей обстановки. Частота их использования невелика – от 2% до 11%.

Красный цвет использовался в 15% рисунков и чаще всего отражал последствия преступного поведения для жертвы (кровь).

Следовательно, можно говорить о доминировании у студентов негативного отношения к изображаемому в социальных репрезентациях.

Об этом же свидетельствует и незначительное количество деталей в созданных образах. Чаще всего среди них встречались изображения карманов, замков, пуговиц (1 курс – 48%, 4 курс – 23%). Необходимо отметить, что данные детали символизируют скрытность человека, его закрытость в социальных контактах.

Обратимся к интерпретации признаков, связанных с изображением лица преступника. Большие глаза расцениваются как характеристика враждебности, агрессивности и тревожности личности (1 курс – 22%, 4 курс – 28%).

Маленькие глаза, изображенные в виде точек и щелочек, отражают скрытность и сосредоточенность на себе (1 курс – 23%, 4 курс – 29%). Стремление отгородиться от контактов с окружающими связывается с наличием закрытых глаз, темных очков, маски (1 курс – 7%, 4 курс – 11%). Подобные характеристики отмечаются и в работах Ю. М. Антоняна, А. Н. Пастушени, В. Е. Эминова, которые говорят о гиперчувствительности в социальном взаимодействии, социальной отгороженности и тревожности преступников [1; 5].

Нахмуренные брови как признак агрессивности чаще встречаются в рисунках четверокурсников (7% против 14%).

О наличии внутреннего напряжения говорит изображение рта в виде прямой линии (1 курс – 31%, 4 курс – 34%). Негативизм, понимаемый как противодействие требованиям окружающих, протестные реакции, отражается через изображение перекошенной, «кривой» улыбки (1 курс – 6%, 4 курс – 17%).

Открытый рот, наличие зубов указывают на агрессивность человека – чаще всего вербальную. Данные признаки встречаются в 7% рисунков первокурсников и в 28% рисунков студентов 4 курса. Следовательно, студенты 4 курса в целом чаще отмечают агрессивность в изображаемых образах.

Однако все же основной характеристикой в образах преступников является отсутствие эмоций, бесстрастность. Это зафиксировано у 57% респондентов 1 курса и 48% респондентов 4 курса. Как отмечает А.Н. Пастушеня, тревожность и социальная отгороженность проявляются как безразличие к социальным оценкам и отсутствие эмпатии [5].

Уши как признак символизируют подозрительность, настороженность по отношению к окружающему миру. Данная характеристика одинаково часто отмечается студентами первого (35%) и четвертого (39%) курсов.

Расположение рук также является значимой характеристикой образа. Руки, нарисованные близко к туловищу, свидетельствуют о наличии внутренней напряженности (1 курс – 28%, 4 курс – 15%). Укороченные кисти или пальцы,

их отсутствие отражают наличие проблем в общении (1 курс – 32%, 4 курс – 54%).

Еще некоторые характеристики личности преступника можно выделить, анализируя то, как нарисованы плечи. Общим для всех участников исследования является довольно частое изображение квадратных либо широких плеч. Так, у студентов 1 курса данные особенности образа встречаются в 42% случаев, у студентов 4 курса – в 36% случаев. Подобная деталь указывает на враждебность к окружающим, физическую силу, потребность во власти. На характерные для преступников потребности в самоутверждении, власти, их возможную связь с ощущением низкой ценности собственной личности обращает внимание и А. Н. Пастушеня [5].

В то же время такой параметр как отсутствие плеч по-разному отражен в рисунках студентов 1 и 4 курсов. Первокурсники изображают его почти в два раза реже, чем старшекурсники (1 курс – 26%, 4 курс – 44%). Такой рисунок плеч трактуется как ощущение личностью собственной малоценности. Можно предположить, что оно является следствием взаимодействия с социумом и отражает нарушения социальной адаптации, неудовлетворенность социальным статусом или социальной ролью.

О неумелости в социальных контактах свидетельствуют и такие признаки, как отсутствие ступней или маленькие ступни (1 курс – 45%, 4 курс – 61%). Ощущение ненадежности, потребность в опоре символизируют большие ступни. Этот признак встречается в образах студентов 1 курса в 12% случаев, в образах студентов 4 курса – в 7% случаев.

Как видим, указание на наличие проблем в сфере коммуникации является признаком, который достаточно часто ассоциируется с личностью преступника.

Интересным представляется анализ атрибутов, сопровождающих созданные студентами образы. Наиболее часто встречается изображение шляпы (шапки, капюшона). Эта деталь отмечена в 35% рисунков первокурсников и 7% рисунков студентов 4 курса и может быть проинтерпретирована как символ защиты от окружающего мира.

Атрибутом, указывающим на агрессивность, является изображение оружия. В этом случае частота указания на данный признак практически одинакова у студентов как 1 курса, так и 4 курса (51% и 49%).

В образах студентов 1 курса встречается также атрибут, связанный с корыстолюбием как характеристикой личности преступника. Это изображение сумки или мешка с деньгами (11%). У респондентов 4 курса данная особенность отмечается только в 2% случаев.

Интересно, что атрибуты, указывающие на алкогольное опьянение, встречаются крайне редко (1 курс – 2%, 4 курс – 6%). Это означает, что ситуативные факторы, которые могут спровоцировать преступление, не обладают значимостью для респондентов. Возможно, это объясняется эффектом «действующего-наблюдателя», выделенного в социальной психологии Р. Нисбеттом. В соответствии с ним человек, находящийся в позиции наблюдателя за действиями другого (а это позиция наших респондентов), склонен связывать причины поведения и поступков другого человека с особенностями его личности.

Что касается социально-демографических характеристик, то они представлены указанием на половую принадлежность (женщины-преступницы изображены только в 4% рисунков) и возрастом, о котором можно косвенно судить по изображению лица человека. В нашем случае он соответствует возрастной категории от 18 до 40 лет, которая в исследованиях по юридической и криминальной психологии отмечается как возрастная группа, чаще всего совершающая преступления. Статусные характеристики не нашли отражения в рисунках.

Таким образом, социальные репрезентации личности преступника у изучаемых нами респондентов включают преимущественно выделение следующих личностных характеристик: скрытность, подозрительность, внутренняя напряженность, тревожность, наличие проблем в общении, недостаточная коммуникативная компетентность, агрессивность и враждебность. В плане дальнейших исследований представляет интерес

сравнение социальных репрезентаций студентов, осваивающих иные профессии типа «человек-человек» – социологов, психологов, педагогов.

1. Антонян, Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 366 с.
2. Еникеев, М.М. Юридическая психология / М.И. Еникеев. М.: Норма, 2005. 640 с.
3. Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М. : ЭКСМО, 2004. 629 с.
4. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Э. Эминова. М.: Норма, 2005. 912 с.
5. Пастушеня, А.Н. Криминальная психология: Учебно-методический комплекс / А.Н. Пастушеня. Минск : Изд-во МИУ, 2007. 176 с.
6. Шиханцов, Г. Г. Криминология / Г. Г. Шиханцов. Минск : Тесей, 2009. 296 с.

УДК 316.64

Король Наталья Валерьевна
Белорусский государственный университет,
кафедра психологии.
Старший преподаватель
220004 ул. Кальварийская 9, к. 428, г. Минск,
Беларусь
korolnatallia@ya.ru

Karol Natallia
Belorussian State University
Department Of Psychology
Senior Lecturer
220004 Kalvariyskayast., 9-428, Minsk
Belarus

АГРЕССОРЫ И ЖЕРТВЫ ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

AGGRESSIONS AND VICTIMS OF SCHOOL BULLYING IN STUDENT'S REPRESENTATIONS

Резюме: рассматривается понятие и формы буллинга, раскрываются роли жертвы и агрессора в ситуации буллинга. Приводятся результаты исследования представлений студентов об особенностях буллера и его жертвы в ситуации школьной травли.

Abstract: The concept and forms of bullying are considered, the roles of the victim and the aggressor in the situation of bullying are revealed. The results of research of students' representations about the peculiarities of the bullies and victims in the situation of school bullying are presented.

Ключевые слова: буллинг, преследователи, жертвы травли.

Keywords: bullying, bullies, victims.

В связи с участвовавшими случаями подростковых самоубийств и стрельбы в школах в разных странах все большую огласку получает проблема школьной травли или буллинга. Буллинг – достаточно распространенное явление, которое часто оказывает пагубное воздействие на личность учащегося, семью и общество в целом [1]. Хотя травля как феномен уже давно присутствует в школах, изучение того, какой вред она может нанести, началось сравнительно недавно [2]. Однако сейчас эта тема быстро становится трендом мировой психологии, исследования в области профилактики и прекращения буллинга стремительно развиваются. Их актуальность очень высока в силу появления у участников травли тяжелых физических и психологических последствий, вплоть до суицидов [3].

Буллинг определяется как форма агрессии, когда один или несколько детей намеренно наносят вред или причиняют дискомфорт другому ребенку, который воспринимается как неспособный защитить себя [4]. Как правило, между агрессором и жертвой существует дисбаланс власти и буллер физически или психологически сильнее объекта виктимизации. Часто агрессор использует травлю как средство установления превосходства или поддержания своего статуса [5].

Существуют различные виды буллинга:

- 1) Физический – удары руками, пинки ногами, толкание, подножки, плевок, пощечины, преднамеренное заточение и др.;
- 2) Вербальный – обзывание, словесное запугивание, угрозы, насмешки, оскорбления;
- 3) социальный (или буллинг отношений) – исключение из группы, распространение слухов и сплетен, бойкот;
- 4) электронный или кибербуллинг (схож с вербальным, но осуществляется посредством сети Интернет, например, распространение враждебных или агрессивных текстовых сообщений, фотографий и видео в неприглядном виде, сплетен и слухов с целью причинения вреда или дискомфорта жертве) [6].

Роли участников ситуации буллинга (жертва, преследователь, свидетель) жестко не закреплены и могут меняться в зависимости от ситуации и группы. Однако ученые часто говорят о том, что существуют некоторые внутренние предпосылки, которые способствуют тому, что ребенок наиболее активно осваивает только одну из этих ролей. Участники буллинга часто обладают характерными личностными и поведенческими чертами и имеют ряд сопряженных социальных рисков [3].

Буллеры (преследователи) – вспыльчивые, импульсивные и имеют низкую толерантность к фрустрации [7]. У них, как правило, возникают трудности с обработкой социальной информации и эти дети часто интерпретируют поведение других как враждебное, даже если оно таковым не является [8]. Большинство буллеров положительно относятся к насилию как средству решать проблемы или получать желаемое [9]. Часто в результате своей агрессии буллеры «вознаграждаются» сигаретами, деньгами и престижем [7]. Они также используют травлю, чтобы завоевать или сохранить лидерство и, как правило, не испытывают сочувствия к своим жертвам [10]. Многие буллеры не осознают уровень своей агрессии. Исследователи также обнаружили, что агрессоры часто имеют и другие нарушения поведения, например, курение и употребление алкоголя. Они имеют более низкую академическую успеваемость и демонстрируют неприязнь к школе [8].

В формировании личности буллера существенную роль играют внутрисемейные факторы [11]. Агрессоры, как правило, являются выходцами из семей, в которых имеется суровая дисциплина и недостаток эмоционального тепла. Часто они воспитываются матерями-одиночками [7].

К сожалению, роль буллера в школе накладывает отпечаток и на всю остальную жизнь человека. Исследования показали, что к 30-ти годам агрессоры, с большей вероятностью, будут иметь больше уголовных и административных правонарушений, чем их менее агрессивные сверстники [5]. В исследовании 1991 года было установлено, что 60% мальчиков, которые были отмечены в роли буллера в 6-9 классе, имели, по крайней мере, одно

уголовное обвинительное заключение в возрасте 24-35 лет [12]. Они также чаще проявляли агрессию по отношению к своим супругам и использовали жестокие физические наказания к своим детям [5], страдали от алкогольной зависимости, антисоциального расстройства личности и других психических расстройств [12]. Кроме того, исследования показывают, что взрослые, являвшиеся агрессорами в школе, как правило, имеют детей, которые также становятся буллерами [8]. Таким образом, возникает межпоколенная эстафета насилия.

Жертвы буллинга обычно физически слабее, ниже ростом, более хрупкие в сравнении с буллерами, следовательно, не могут защитить себя от травли [8]. Они часто неуспешны в спорте и другой физической активности [7]. Жертвы социально изолированы и испытывают недостаток в социальных навыках, чтобы предотвратить травлю или попросить друзей о помощи [12]. Эти дети более осторожные, тревожные, боязливые и чувствительные, чем большинство других, имеют неразвитые коммуникативные навыки и навыки решения проблем. В результате они менее общительны и уверены в себе. Соответственно, они часто не имеют друзей, играют в одиночестве на детской площадке или обедают в столовой. Жертвы травли демонстрируют более низкую социальную и эмоциональную адаптацию [8]. Многие виктимные дети лучше относятся к взрослым (родителям и учителям), чем к сверстникам [7]. Жертвы, как правило, страдают от низкой самооценки. Они часто считают себя неудачниками – непривлекательными и неумными. Из-за этих негативных убеждений жертвы могут ошибочно обвинять себя в травле [8]. Не имея достаточной самооценки и уверенности, чтобы постоять за себя, жертвы обычно не желают сообщать об издевательствах, что может служить сигналом для буллеров и приводит к повторному нападению.

Исследования школьной травли показывают, что дети, над которыми издеваются, могут столкнуться с проблемами, связанными с их здоровьем, эмоциональным благополучием и академической успеваемостью. Жертвы буллинга чаще, чем их сверстники сообщают о чувствах тревоги, депрессии и

низкой самооценке [13], суицидальных мыслях. У девочек-подростков травля может способствовать развитию расстройств пищевого поведения. В одном из исследований было обнаружено: среди жертв буллинга распространено расстройство дефицита внимания [5]. У детей, подвергающихся школьной травле, с большей вероятностью развиваются боли в желудке, проблемы со сном, головные боли, ночное недержание мочи, усталость и плохой аппетит. Травля также влияет на успеваемость детей. Эти учащиеся чаще сообщают, что не хотят посещать школу, им не нравится в школе; они имеют более высокие показатели прогулов и получают низкие отметки [14].

В качестве долгосрочных последствий виктимизации отмечаются трудности, связанные с установлением и поддержанием близких отношений. Когда же бывшие жертвы школьной травли имеют своих собственных детей, они могут слишком остро реагировать на поведение, которое, по их мнению, вызывает травлю, способствуя возникновению межпоколенного цикла [8].

Для того чтобы более подробно изучить проблему буллинга и роли агрессора и жертвы в этой ситуации, нами было проведено исследование, в котором принял участие 71 студент-первокурсник БГУ, из них 28 юношей и 43 девушки. Для выявления представлений студентов об особенностях буллеров и виктимных учащихся в ситуации школьной травли, мы попросили их дополнить следующие предложения «Чаще всего в школе травят детей, которые...» и «Агрессором в ситуации школьной травли обычно выступает...». Для обработки полученных результатов использовался контент-анализ.

Результаты контент-анализа показали, что 59% респондентов считают, что ребенок-жертва чем-то отличается от других детей, неважно в положительную или отрицательную сторону. К данной категории можно отнести такие высказывания как «чем-то не похожи на обычного школьника», «отличается от остальных», «чем-то выделяется», «выделяется в коллективе», «не похожи на остальных», «не такие, как все», «чем-то хуже или лучше остальных», «необычные». Около 30% респондентов связывают буллинг с особенностями поведения жертвы (тихий, спокойный, скромный, «зажатый», не разговаривает

ни с кем, не коммуникабельный, «не следует «трендам»», увлекается необычным хобби, застенчивый, робкий, замкнутый, необщительный, «некорректно ведет себя с другими», «абстрагированный от всех», странно (необычно) себя ведет и т.д.). Порядка 20% респондентов связывают травлю с особенностями внешности жертвы («внешность не соответствует требованиям окружающих», «отличаются цветом волос, разрезом глаз», «полные дети», «дети с лишним весом или слишком худые» и т.д.). Около 14 % участников исследования отмечают о жертв буллинга недостаток физической силы (физически слабее, «меньше по росту и физическому развитию» и т.д.), а 14% указывают на проблемы со здоровьем виктимного школьника (имеют физические недостатки, проблемы со здоровьем, имеют какие-то отклонения, «имеют инвалидность», «имеют врожденные заболевания», «особенности развития», «имеет различного рода патологии», «имеет различного рода физические недуги»). Респонденты (14%) также указывают на слишком высокую или низкую успеваемость (плохая успеваемость; «отстают в учебе», прилежны, хорошо учатся, «ботаники», «дети, которые учатся очень плохо или очень хорошо», «отличники», «хорошо учатся»), а 11% опрошенных отмечают интеллектуальные и творческие способности жертвы (слишком умные, самый умный, очень умный, умнее других, талантливее других и т.д.). По мнению 13% респондентов ученик становится жертвой, если не может за себя постоять (не умеют за себя постоять, не могут дать отпор, не могут ответить обидчику и другое) в то время как 11% опрошенных указывают на материальные затруднения жертвы (отсутствие модной одежды и дорогих гаджетов, из малообеспеченной семьи, плохой материальный статус родителей, из небогатых семей). И только 3% респондентов отметили, что жертвами буллинга могут стать «домашние дети», которым сложно адаптироваться в коллективе.

Особые характеристики студенты приписывают агрессорам: 42% респондентов связывают агрессию с борьбой за лидерство, доминирование и их поддержание (лидер группы; «хочет обрести авторитет в коллективе», «лидер класса», популярные дети, «короли и королевы класса», «представитель

сформировавшейся популярной группировки», «хочет самоутвердиться за счет других», «чувствует свое превосходство над другими», «хочет подняться в глазах класса», «хочет быть в центре внимания», «авторитет», «пользуется большим уважением в компании», «короли школы», «наиболее влиятельный школьник», «хочет выглядеть выше в глазах других», «псевдолидер с высокими и неоправданными амбициями», «влиятельный ребенок», «имеет высокий статус»); 17% респондентов указывают, что буллер имеет проблемы в семье, которые переносятся в школьную жизнь («ребенок, у которого в семье есть большие проблемы (родители пьяницы и т.д.)», «разбалованный ребенок», «из неблагополучной семьи», «ребенок, которого не воспитали родители», «дети, которых унижали дома», «человек, которого унижали, издевались (например, родители)», «человек, получивший мало внимания в детстве», «из неполной семьи», «из семьи, где ребенка «залиблили»» и др.); 13% респондентов считают, что буллер обладает физической силой (сильный, самый сильный, сильнее в физическом плане); 13% опрошенных отмечают жестокость такого ученика (задиристый, агрессивный, жестокий, озлобленный человек», злой, «самый агрессивный ученик», «самый жестокий представитель коллектива»); 13% студентов описывают завышенную самооценку агрессора (самовлюбленный, уверенный в себе, «с манией величия и чувством собственной крутости», с неадекватной самооценкой); 7% респондентов указывают на низкие умственные способности (умственно отсталый, самый глупый, «ребенок, который своими знаниями и способностями уступает большинству», «не самый умный человек») и ещё 4% отмечают низкую успеваемость агрессора (не очень хорошо учится, «те, кто уходит после девятого класса»).

Тревожит тот факт, что буллером часто выступает лидер класса, самый популярный ученик. Это снижает вероятность того, что кто-то вступится за жертву. В такой ситуации необходимой становится деятельность по профилактике школьного буллинга.

Школьная травля является фактором риска, связанным с антиобщественным и преступным поведением. Поэтому ранняя профилактика

школьного буллинга – наиболее оптимальный способ разорвать этот цикл. Школам необходимо сосредоточиться на сокращении антиобщественных и криминальных моделей поведения детей, проводя просветительскую и тренинговую работу, направленную на развитие терпимости, эмпатии и социальной ответственности. Кроме того, имеется большой дефицит исследований школьной травли в Беларуси, ее форм, содержания и распространённости, что ставит перед научным сообществом задачу более полного изучения этого феномена.

1. Merrill R. M., Hanson C. L. Risk and protective factors associated with being bullied on school property compared with cyberbullied. *BMC public health*. 2016. Vol. 16. P 145-160.
2. Nishina A., Juvonen J. Daily reports of witnessing and experiencing peer harassment in middle school. *Child development*. 2005. Vol. 76. № 2. P. 435-450.
3. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 3. С. 149-159.
4. Glew G., Rivara E, Feudmer C. Bullying: Children hurting children. *Pediatrics in Review*. 2000. Vol. 21. P. 183-190.
5. Roberts W. B. The bully as victim. *Professional School Counseling*. 2000. №4. P. 148-156.
6. Калинина Р. Р., Грибанова Д. Я. Представление молодежи о буллинге в образовательной среде. *Вестник Псковского государственного университета*. №1, 2015. С. 127-139.
7. Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA: Cambridge. 1993. 140pp.
8. Smokowski P.R., Kopasz K.H. Bullying in school: An overview of types, effects, family characteristics, and intervention strategies. *Children and Schools*. 2005. Vol. 27. P. 101-110.
9. Carney A, G., Merrell K.W. Bullying in schools: Perspectives on understanding and preventing an international problem. *School Psychology International*. 2001. Vol. 22, P. 364-382.
10. Beale A.V. Bullybusters: Using drama to empower students to take a stand against bullying behavior. *Professional School Counseling*. 2001. № 4, P. 300-306.
11. Фурманов И.А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция : учеб. пособие – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 401с.

12. John C LeBlanc Bullying: It's not just a school problem. *Pediatrics' Child Health*. 2001 № 6(7). P. 411-413.

13. Juvonen J, Graham S, Schuster M. Bullying among young adolescents: The strong, the weak, and the troubled. *Pediatrics*. 2003. P. 1231-1237.

14. Kowalski R. M., Limber S. P. Psychological, Physical, and Academic Correlates of Cyberbullying and Traditional Bullying. *Journal of Adolescent Health*. 2013. Vol. 53. P. 513-520.

УДК 159. 99 (340)

Ксенда Ольга Григорьевна
Белорусский государственный университет,
Кафедра психологии, кандидат
психологических наук, доцент
ул. Кальварийская, 9, Минск, Беларусь
olgaksionda@gmail.com

Ksionda Olga
Belorussian State University
Department Of Psychology Assistant
Professor
Kalvariyskaya st., 9, Minsk, Belarus

СОДЕРЖАНИЕ БУЛЛИНГА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ

CONTENT OF BULLING IN HIGH EDUCATION ON STUDENT'S REPRESENTATION

Резюме: рассматривается понятие, содержание и формы буллинга, кибербуллинга. Приводятся результаты исследования представлений студентов о содержании и формах буллинга в вузе.

Abstract: describing notion, content and forms of bullying, cyberbullying. The results of the research student's representations about content and forms of bullying in high education are considered.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, высшее образование, студенты.

Keywords: bullying, cyberbullying, high education, student's.

Являясь продолжением среднего образования, высшее может в какой-то мере перенимать проблемы первого. Это касается и такого феномена группового существования людей как буллинг. Данное понятие определяется в научном мире не совсем однозначно, однако в целом обобщенно дефиниция буллинга выглядит так: это длительное психологическое или физическое насилие, совершаемое преднамеренно и неоднократно по отношению к человеку (людям) [5]. Все исследователи подчеркивают присутствие в буллинге факторов унижения и подчинения жертвы [2]. Существует несколько версий

классификации буллинга. Самое распространенное деление: на физическое и психологическое воздействие; на косвенную и прямую формы.

Содержательно травля включает в себя широкий спектр поведенческих действий: физическое нападение (умышленные толчки, удары, пинки, побои, подножки, пощечины, удушение, нанесение иных телесных повреждений, агрессивные действия сексуального характера и пр.), преследование, запугивание, вымогательство или насильственное изъятие чего-либо (денег, еды, иных вещей), принуждение что-либо сделать, повреждение и иные действия с имуществом (воровство, грабёж, запятывание личных вещей жертвы), словесные издевательства (угрозы, оскорбления, обзывания, насмешки, клички, обидные прозвища, с которыми постоянно обращаются к жертве, дразнение, распространение слухов и сплетен, клевета), социальная изоляция жертв (игнорирование, бойкот). Отмечается, что физическое насилие всегда сопровождается психологическим.

Доказано, что наиболее распространен буллинг в общеобразовательной средней и старшей школе [1; 3; 4; 7; 8]. Это объясняется относительной автономией от взрослых детей возраста от 10-11 до 17-18 лет. В дошкольном и начальном образовании роль родителей и педагогов еще достаточно авторитетна в жизни детей, поэтому взрослые могут регулировать отношения дошкольников и младших школьников друг с другом. Подростковый возраст характеризуется перестройкой системы ценностей, отдалением от взрослых, усилением авторитета сверстников, особыми феноменами общения (например, социальная мимикрия), которые способствуют появлению и существованию школьной травли. Практически во всех исследованиях школьного буллинга в самых разных регионах мира подчеркивается, что именно подростки склонны к травле более всего [3; 7; 8]. В работах ученых также отмечается тот факт, что педагоги сами часто являются инициаторами травли.

В юношестве (старших классах школы) отношения между учащимися приобретают более устойчивый характер, их личное и социальное развитие

стабилизируется, поэтому буллинг может как укрепиться в отношении определенных учеников, так и исчезнуть.

В современной школе стало распространяться все больше такое явление как кибербуллинг – травля через средства массовой коммуникации (социальные сети, Интернет) с помощью мобильных устройств, компьютеров, планшетов. Кибербуллинг характеризуется потенциальной анонимностью, иными словами, невозможностью увидеть агрессора и жертву в момент ее третирования, с одной стороны, и возможностью привлечения широкого круга лиц, т.е. массового распространения информации – с другой [9]. Эта травля включает распространение враждебных или агрессивных текстовых сообщений, фотографий в неприглядном виде, сплетен, слухов и оскорблений через Интернет с целью причинения вреда или дискомфорта жертве, разрушения ее репутации [6]. В кибербуллинг также включают такие действия агрессора как захват почтовых ящиков жертв, отправление от их имени жестоких, порочащих или угрожающих сообщений другим людям, создание порочащих жертву сайтов, выведывание и распространение о жертве конфиденциальной информации через электронную почту или обмен мгновенными сообщениями.

Продолжение образования в высшей школе предполагает переход человека в другую социальную среду. Однако не означает кардинального изменения его личности, что дает основание предполагать перенос личностных проблем на данную образовательную ступень. Таким образом, травля, как групповой феномен, тоже может переноситься в высшее образование. Агрессоры и виктимные личности могут проявлять те же паттерны поведения в вузе, что и в школе, что будет способствовать появлению модифицированной ситуаций буллинга. Если школьная травля является весомым криминогенным фактором, то явление буллинга в вузах может приводить к более сложным последствиям: суицидам, нанесению телесных повреждений, в том числе и с летальным исходом, когда жертва сознательно уничтожает агрессора, преступным действиям в отношении имущества как со стороны агрессора, так и со стороны жертвы.

Для изучения проблемы, мы предприняли попытку обобщить и проанализировать мнение студентов о буллинге в вузах. В процессе исследования использовался «метод эссе». Студентам предлагалось высказать письменно свое мнение о буллинге в вузе. Участие в работе приняли 27 студентов 4 курса факультета философии и социальных наук БГУ. Для анализа были отобраны 25 подробных эссе, 2 респондента написали буквально по одному предложению, вероятно, из-за нежелания работать по проблеме.

Интерпретация результатов: 100% респондентов отмечают меньшее распространение буллинга в вузовской среде и фактическое отсутствие физического насилия. Это объясняется более взрослым возрастом, устоявшейся психикой, которая дает возможность личности противостоять травле, большей независимостью студентов друг от друга, а также тем, что вуз уже не является основным местом времяпрепровождения молодежи.

Соответственно, буллинг в вузе, с одной стороны, отличается по характеру от травли в школе (он более скрытый, в основном психологический, направлен на подчеркивание интеллектуальных, а не физических характеристик человека, не имеет таких масштабов и разрушительных последствий, как в школе, отмечено, что преподаватели реже, чем учителя становятся инициаторами травли). В основном в высшем образовании, по мнению студентов, превалирует кибербуллинг (об этом высказали свое мнение 40% опрошенных).

С другой стороны, вузовский буллинг может быть схож со школьным (32% респондентов): жертвой может стать как отдельный человек, так и целая компания; жертва, как правило, имеет виктимные черты, либо сильно чем-то отличается от остальных и, скорее всего, была жертвой травли и в школе; применяются агрессорами те же формы третирования.

Около 12% респондентов указали, что буллинг в вузе может быть более жестоким, чем в школе («зрелый и изощренный», «жесткий» «продуманный»). Он опаснее, так как может привести к суицидальным попыткам жертвы, а также к ее активным противоправным действиям в отношении агрессоров. Более того, студенты отмечают, что в школе травля может быть

неосознаваемой (дети третируют друг друга, обзываются и дерутся в процессе игр и не всегда выходят из игровой ситуации), а в вузе – это всегда осознанное и целенаправленное унижение человека. Все респонденты отметили негативное влияние буллинга в вузе на успеваемость, так как жертва травли начинает ее избегать наиболее простым способом – не посещая занятий, что часто приводит к отчислению, либо сам человек забирает документы из вуза.

В основном буллинг проявляется на первых курсах (20%). Среди причин травли в вузе наибольшая частота высказываний отмечена по критерию «виктимная личность» (48% высказываний). Респонденты пишут, что «если человек был жертвой в школе, то и в вузе он травли не избежит». Далее по мере убывания выделяются: интеллектуальный потенциал студентов, низкие умственные способности (40%), отличие от других, большинства (28%) высказывания преподавателей (20%), противостояние уроженцев столицы и приезжих (4%).

Особо отмечается игнорирование данной проблемы в вузе (28%): если школьная травля исследуется и предпринимаются попытки ее предотвратить, то буллинг в вузе – это табу для обсуждения. По мнению студентов, «что-то начинают делать только тогда, когда что-нибудь случается», а в обычной вузовской жизни «травлю стараются не замечать ни преподаватели, ни администрация». Соответственно, необходимость изучения буллинга в высшем образовании стала актуальной.

1. Аверьянов А.И. Школьный буллинг в воспоминаниях студентов МГПИ. [электронный ресурс] <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/pedagogy-psychology-and-sociology-411/social-law-and-special-educational-psychology-411/11131-411-0635>

[Дата обращения 31.10.2017].

2. Детская и подростковая психотерапия. / Под ред. Д. Лейна и Э. Миллера. СПб. : Питер, 2001. 428 с.

3. Ермолова Т.В., Савицкая Н.В. Буллинг как групповой феномен: исследование буллинга в Финляндии и скандинавских странах за последние 20 лет (1994-2014).

[электронный ресурс]. <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76177.shtml> (дата обращения 31.10.2017).

4. Прихожан А.М. Школьный буллинг в представлениях и оценке студентов. [электронный ресурс]. <http://docplayer.ru/27285893-Prihozhan-a-m-d-psihol-n-professor-fgbou-uro-rossiyskiy-gosudarstvennyu-gumanitarnyy-universitet-g-moskva-a.html> (дата обращения 31.10.2017).

5. Фурманов И.А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция : учеб. пособие. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 401 с.

6. Beran T., Li Qing. The Relationship between Cyberbullying and School Bullying. *Journal of Student Wellbeing*. 2007. Vol. 1(2), P. 15-33.

7. Duran L.G., Schernuk Schroh J.C., Panizoni T.P., Jouglard E.F., Serralunga G., Esandi E. Bulling at school: Agreement between caregivers and children's perception. *Arch Argent Pediatr*. 2017, 115 (1). P. 34-42.

8. Ha iH.T., Dunne M.P., Campbell M.A., Gatton M.L., Nguyen H.T., Tran N.. Temporal patterns and predictors of bullying roles among adolescents in Vietnam: a school-based cohort study. *Psychology, Health & Medicine*. 2017. [электронный ресурс]. <http://dx.doi.org/10.1080/13548506.2016.1271953> (дата обращения 1.11.2017).

9. Kowalski R.M., Limber S.P. Psychological, Physical, and Academic Correlates of Cyberbullying and Traditional Bullying. *Journal of Adolescent Health*. 2013. Vol. 53. P. 513-520.

УДК 159.99

Купченко Виктория Евгеньевна
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, кандидат
психологических наук, доцент кафедры
социальной психологии
644050, Россия, Омск, 2я Поселковая 26 -
231
kupchenko07@mail.ru

Kupchenko Viktoria
Omsk State University Dostoevsky, Associate
Professor of the Department of Social
Psychology
644050, Russia, Omsk, 2ya Poselkovaya 26 -
231

Ульянова Анастасия Александровна
ОмГУ им Ф.М. Достоевского, студентка
644050, Россия, Омск, Мира 55а
Naska20091@mail.ru

Ulyanova Anastasia
Omsk State University Dostoevsky? student
644050, Russia, Omsk, Mira 55a

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

GENDER PECULIARITIES OF DELICKVENT CONDUCT IN A SENIOR ADOLESCENT AGE

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных
исследований, проект № 17-16-55013

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research,
project No. 17-16-55013

Резюме: Главная задача нашего исследования – изучение гендерных особенностей агрессивного поведения в старшем подростковом возрасте. По итогам проведенного исследования выявлено, что существуют различия в проявлении агрессивного поведения между подростками с маскулинными качествами, подростками с андрогинностью и подростками с феминными качествами. Статистически достоверные различия обнаружены между тремя группами по шкалам «физическая агрессия», «косвенная агрессия», «негативизм», «раздражительность». Также различия обнаружены в общем уровне и направленности агрессивности.

Abstract: The main task of our research is to study gender characteristics of aggressive behavior in the senior adolescence. According to the results of the study, it was revealed that there are differences in the manifestation of aggressive behavior between adolescents with masculine qualities, adolescents with androgyny and adolescents with feminine qualities. Statistically significant differences were found between the three groups on the scales «physical aggression», «indirect aggression», «negativism», «irritability». Also, differences are found in the general level and direction of aggression.

Ключевые слова: делинквентное поведение, подростковый возраст, гендерные особенности.

Key words: delinquent behavior, adolescence, gender features.

Отклоняющееся поведение подростков на сегодняшний день является одной из актуальных проблем современного общества. Наблюдается рост числа

несовершеннолетних, проявляющих асоциальные действия (употребление алкогольных напитков, токсических и наркотических веществ, нарушение общественного порядка, драки и др.).

Согласно Е. В. Змановской «появляются новые виды отклоняющегося поведения: подростки участвуют в военизированных формированиях политических организаций экстремистов, террористических и преступных группировках» [1, с. 127].

В подростковом возрасте одной из распространенных форм отклоняющегося поведения является агрессивное поведение. Л. Берковиц считает, что оно «направлено на причинение физического или психологического ущерба кому-то» [2].

Отечественные исследователи [3; 4; 5] под агрессивным поведением понимают целенаправленное поведение, противоречащее нормам общества, наносящее вред объектам нападения, физический ущерб людям и вызывающее у них психологический дискомфорт, проявляющийся в чувствах страха, тревоги, подавленности.

Склонность к агрессивному поведению формируется еще в раннем детстве в рамках взаимоотношений в семье и на основе подражания поведения родителей. Но так как подростковый возраст является одним из активных периодов развития личности, то именно в нем и происходит развитие агрессивного поведения. Отсутствие или повышенный контроль за подростком со стороны семьи, отсутствие согласия и эмоциональной привязанности, непонимание подростка снижает доверие к родителям и переориентирует подростка на группы сверстников, которые зачастую имеют деструктивную направленность. В собственной семье и таких группах подросток научается быть агрессивным и враждебным по отношению к внешнему миру и другим людям. Все это имеет возможность предопределять личностные особенности подростка.

В подростковом возрасте развивается самосознание человека и происходит построение половой и гендерной идентичности. Гендерной идентичностью

называют внутреннее самоощущение человека как представителя гендера [6]. Гендер не всегда совпадает с приписанным при рождении полом. Он формируется через стереотипы общества о мужественности и женственности, систему воспитания, традиции.

Цель нашего исследования – выявление гендерных особенностей делинквентного поведения в старшем подростковом возрасте.

В качестве теоретической гипотезы мы сформулировали следующее предположение: в старшем подростковом возрасте делинквентное поведение характеризуется гендерными различиями.

Выборку составили 120 подростков, учащихся 9-11 классов школ города Омска в возрасте от 15 до 18 лет.

Решение поставленных задач реализовывалось с помощью следующего диагностического инструментария: Опросник определения склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орла [7]; методика агрессии Басса-Дарки [8]; методика «Маскулинность – феминность» С. Бем [9].

Для обработки полученных данных мы применяли: подсчет критерия Z - Колмогорова-Смирнова для анализа соответствия исследуемых переменных на нормальность распределения; H-критерий Крускала-Уоллиса для трёх и более независимых выборок.

В начале нашего исследования мы разделили выборку на 3 группы: подростки с маскулинностью, подростки с андрогинностью и подростки с феминностью.

Так, у 39% девушек более выражены феминные качества, у 44% – андрогинные, у 19% преобладают маскулинные качества. У 49% юношей преобладают маскулинные характеристики, у 42% – андрогинные и у 10% – феминные. Результаты по склонности к отклоняющемуся поведению у подростков с различными гендерными особенностями представлены в таблице 1.

Сравнение преобладающих форм отклоняющегося поведения подростков

		Средние значения по группам	значения по группам	по группам	Значения по Н-критерию Крускала- Уоллиса	Уровень значимости (p)
		1 группа	2 группа	3 группа		
Склонность аддиктивному поведению	к	8,17	6,96	5,03	18,127	$p \leq 0,001$
Склонность делинкветному поведению	к	7,9	7,16	5	16,505	$p \leq 0,01$
Склонность самоповреждающему поведению	к	7,73	8	6,38	13,109	
Склонность к агрессии и насилию		10,53	9,6	7,59	9,913	$p \leq 0,05$
Волевой контроль эмоциональных реакций		7,33	7,15	4,93	10,120	

Примечание: группа 1 – подростки с маскулинностью, группа 2 – подростки с андрогинностью, группа 3 – подростки с феминностью.

По итогам исследования высокую степень выраженности в группе подростков с маскулинностью имеют такие шкалы, как: склонность к агрессии и насилию, склонность к аддиктивному поведению. Полученные данные свидетельствуют о предрасположенности таких подростков к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния (алкоголь, наркотики) и о склонностях к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных задач (планирование решения задач без активных действий). Кроме того, это говорит о том, что ценности и нормы данных подростков гедонистически ориентированы, для них характерно потребительское времяпровождение. Средняя степень выраженности наблюдается по таким шкалам, как склонность к самоповреждающему поведению, к делинкветному поведению, нарушение волевого контроля эмоциональных реакций. Результаты свидетельствуют о склонности подростков с выраженной маскулинностью к риску, низкой ценности собственной жизни, наличию потребности в ярких и

острых ощущениях. Данные формы отклоняющегося поведения могут проявляться только при наличии определенных условий. Например, подросток может связаться с асоциальной компанией, которая даст толчок некоторым зависимостям (наркотики, курение, алкоголь, азартные игры и другое). Также наблюдается слабый волевой контроль эмоциональной сферы, подростки данной группы не желают, либо не способны контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций, склонны реализовывать негативные эмоции непосредственно в поведении (толчки, щипки, асоциальные поступки).

У подростков с андрогинностью и феминностью преобладают следующие формы отклоняющегося поведения: «склонность к агрессии и насилию» и «склонность к самоповреждающему поведению». Это свидетельствует о том, что такие подростки имеют склонность решать проблемы посредством насилия, они могут использовать унижение партнера по общению как способ самоутверждения и стабилизации своей самооценки. Также у подростков могут проявляться садистические наклонности (самопорезы, повреждения), при неблагоприятном решении проблем данные подростки склонны уходить в самобичевание. Среднюю степень выраженности составляют такие шкалы, как склонность к аддиктивному поведению, к деликвентному поведению, нарушение волевого контроля эмоциональных реакций. Данные формы отклоняющегося поведения проявляются только при наличии определенных условий или факторов, способствующих их развитию.

Формы агрессивного поведения у подростков представлены в таблице 2.

Таблица 2

Формы агрессивного поведения у подростков

	Средние значения по группам			Значения по Н-критерию Крускала-Уоллиса	Уровень значимости (p)
	1 группа	2 группа	3 группа		
Физическая агрессия	64,9	52,4	31,1	52,123	p ≤ 0,001
Косвенная агрессия	44,1	40,23	30,41	13,522	
Негативизм	67	63,14	42,76	13,032	
Раздражительность	53,55	43,06	26,38	48,796	

Примечание: группа 1 – подростки с маскулинностью, группа 2 – подростки с андрогинностью, группа 3 – подростки с феминностью.

Таким образом, выявлены гендерные различия в проявлениях форм агрессивного поведения. Маскулинные подростки используют более жесткие формы агрессии: физическую силу против другого лица (драки, пинки, побои). У андрогинных подростков использование физической силы выражается в более мягких формах, например, в подзатыльниках, щипках. Феминные подростки стараются вообще не применять физическую агрессию, а использовать словесную брань, критику. Раздражительность подростков как готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении может быть направлена как на сверстников, учителей или родителей, так и на незнакомых людей, чье поведение или какие-то действия раздражают подростка.

Преобладающей формой отклоняющегося поведения у подростков с маскулинностью являются склонность к агрессии и насилию, склонность к аддиктивному поведению. У подростков с андрогинностью и феминностью преобладают склонность к агрессии, насилию и самоповреждающему поведению.

Таким образом, склонность к агрессивному поведению наблюдается у всех групп испытуемых.

Для подростков с маскулинностью характерны физическая агрессия и подозрительность, для подростков с андрогинностью – негативизм, для подростков с феминностью – вербальная агрессия. Интересной особенностью является высокая выраженность у трех групп подростков шкалы «Чувство вины». Это вызвано особенностями возраста.

У подростков с маскулинностью выражен высокий показатель позитивной агрессивности. Подростки с выраженностью данных черт всегда доказывают свою правоту и испытывают злость, когда им возражают или дают советы. Также у подростков с маскулинностью и андрогинностью выражена негативная агрессивность, что говорит о том, что они избегают установленных правил, их

обижает отсутствие внимания со стороны. У подростков с феминностью показатели позитивной и негативной агрессивности ниже, чем у других групп.

Высокую степень выраженности по шкалам агрессивности и враждебности имеют подростки с маскулинностью. Это может проявляться в применении агрессии и раздражительности по отношению к окружающим

1. Змановская Е.В. *Девантология (Психология отклоняющегося поведения)*. Учебное пособие. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.

2. Берковиц Л. *Агрессия : причины, последствия и контроль*. СПб : Прайм-Еврознак, 2001. 510 с.

3. Можгинский Ю.Б. *Агрессия подростков : эмоциональный и кризисный механизм*. СПб, 1999.

4. Семенюк Л.М. *Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции : Учебное пособие*. М. : Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 96 с.

5. Купченко В.Е. *Агрессивность в подростковом возрасте. Актуальные проблемы современной психологии: Сборник научных трудов / Под общ. ред. Л.И. Дементий*. Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. С.66-75.

6. Maccoby E. E., Jacklin C. N. *The Psychology of Sex Differences*. PaloAlto, CA : Stanford University Press, 1974. С. 29-46.

7. *Практикум по психодиагностике личности* под ред. Н.К. Ракович. Минск, 2002.

8. *Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум* сост. О.В. Барканова [серия: Библиотека актуальной психологии]. Вып.2. Красноярск : Литера-принт, 2009. 237 с.

9. *Практикум по гендерной психологии* ред. И.С. Клециной. СПб, 2003. 277 с.

Ламаш Ирина Владимировна
Харьковский национальный университет
внутренних дел, доцент кафедры
социологии и психологии факультета № 6,
канд. психол. наук, доцент
lazyparaphu@gmail.com

Lamash Iryna
Kharkiv National University of Internal
Affairs, Associate Professor of the Department
of Sociology and Psychology, Faculty № 6,
PhD in Psychology, Associate Professor

Евдокимова Елена Владимировна
Харьковский национальный университет
внутренних дел, заведующий кафедрой
социологии и психологии факультета №6,
докт. психол. наук, профессор
elena25eva@gmail.com
61080, пр. Л. Ландау, 27, Харьков, Украина

Ievdokimova Olena
Kharkiv National University of Internal
Affairs, Head of the Department of Sociology
and Psychology, Faculty № 6, Dr. habil. in
Psychology, Full Professor
61080, L. Landau avenue, 27, Kharkiv,
Ukraine

СПЕЦИФИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕСУРСНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИХ

SPECIFICITY OF TOLERANCE TO UNCERTAINTY IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF THE POLICE OFFICERS

Резюме: Рассмотрена проблема толерантности к неопределенности как профессионально-важного качества работников полиции. Представлены результаты исследования толерантности к неопределенности и факторов принятия решений в неопределенных ситуациях в контексте психологической ресурсности полицейских.

Abstract: The problem of tolerance to uncertainty as a professionally important quality of police officers is considered. The results of the study of tolerance to uncertainty and decision-making factors in uncertain situations in the context of the psychological resource of policemen are presented.

Ключевые слова: полицейские, психологическая ресурсность, толерантность к неопределенности, факторы принятия решений

Keywords: policemen, psychological resourcefulness, tolerance to uncertainty, factors of decision-making

Жизнь современного человека характеризуется нестабильностью, высоким темпом социальных изменений в различных областях общественной жизни, нарастанием количества неопределенных социальных ситуаций. Неопределенность при этом проявляется в широком диапазоне ситуаций: в повседневной жизни, в межличностной коммуникации и межгрупповом взаимодействии, при принятии решений, в решении задач учебной и профессиональной деятельности. Работникам полиции в условиях постоянно усложняющейся профессиональной деятельности, наряду с высоким уровнем

развития профессиональных компетенций, необходимы и определенные психологические качества, среди которых одним из наиболее важных является толерантность к неопределенности [3, с. 61-62]

Как указывают О. Г. Кравченко и С. А. Юзьвак, важнейшей ценностью сегодня (особенно для сотрудников полиции) является умение ориентироваться в ситуации выбора, делать правильный выбор в условиях неопределенности и неоднозначности [4, с. 332].

Этика полицейской деятельности, подчеркивает J. Kleinig, должна быть сфокусирована на культивировании этической стороны профессионализма, одной из основных проблем которого является способность действовать в ситуации неопределенности и срочности на основе закона по своему усмотрению [15].

Как констатирует В. М. Статный, правоохранительная деятельность является специфической системой, атрибутами которой выступают открытость, неравновесность и нелинейность. Исходя из этого, концепцию неопределенных состояний субъекта в правоохранительной деятельности следует выстраивать, опираясь на принцип неопределенности, как ведущий в построении психологических объяснений свойственных правоохранительной деятельности «типов нелинейности» [8, с. 122]. Поэтому для всех видов этой деятельности, отмечает исследователь, общей является проблема неопределенности, которая возникает вследствие многих причин: неполноты информации, ее асимметричного распределения; уровня доверия; противодействия криминальных структур; индивидуальных и групповых особенностей субъектов; коррупции во властных структурах; несовершенства законодательства; упадка позитивного воздействия духовных, социальных и культурных факторов и др. [8, с. 123].

Зарубежные авторы также обращаются в данной проблеме. Так, например, С. Neuvel указывает, что критические инциденты в деятельности полиции часто характеризуются крайней неопределенностью, ограниченностью и неполнотой

информации, значительным временным давлением и проблемами с принятием решений [13, p. 26].

Парадоксальность ситуации, по мнению Ю. А. Шаранова и В. М. Статного, заключается в том, что неопределенность привлекательна своей множественностью. Открытость неопределенности означает возможность выбора новых способов решения оперативно-служебных задач, а также новых путей саморазвития и свободы личности [9, с. 210].

Еще один ракурс данной проблемы раскрывается в контексте менеджмента полицейской деятельности. В. И. Барко указывает, что именно толерантность к неопределенности является профессионально важной чертой руководителя полицейского подразделения и при назначении на должности менеджеров полиции необходимо ее учитывать [1, с. 10]. D. Perez и M. Barkhurst подчеркивают, что руководитель полицейского подразделения не только сам должен быть толерантным к неопределенности, но и должен уметь формировать резистентность к неопределенности у личного состава [19].

Вместе с тем, несмотря на декларируемую значимость толерантности к неопределенности как важной личностной характеристики современного полицейского, эмпирические исследования в этом направлении в настоящее время представлены недостаточно.

В то же время, специфика толерантности к неопределенности активно изучается в рамках военной деятельности, которой, как и правоохранительной деятельности, также присущ экстремальный характер.

J. G. March и R. Weissinger-Baylon обнаружили, что в военной деятельности ситуация неопределенности снижает эффективность командных решений, а толерантность к неопределенности становится необходимым условием успешности профессионалов в этой сфере деятельности [17].

В исследовании R. McClary обнаружено, что повышение толерантности к неопределенности усиливает способность офицеров к принятию креативных решений в условиях профессиональной деятельности [18].

W. F. Ulmer установил, что толерантность к неопределенности является необходимым качеством командиров в современной армии [20], подтверждая тем самым результаты исследования J. L. Johnson и W. R. Hill, которые, среди комплекса личностных черт военных командиров в качестве одной из главных назвали толерантность к неопределенности [14]. Такого же мнения, исходя из результатов собственных исследований, придерживается и J. H. Laurence [15].

A. Dörfler-Dierken в исследовании толерантности к неопределенности военнослужащих Бундесвера отмечает, что в случае высокой толерантности к неопределенности военнослужащие могут действовать эффективно даже в хаотической ситуации. Если такая способность усилена у солдат, те оценивают ситуацию как менее стрессовую. Исследовательница подчеркивает, что толерантность к неопределенности может быть развита в соответствующем тренинге, который должен быть направлен на формирование способности к пониманию неопределенности, позволяет не избегать ее и не расценивать как фактор угрозы [12].

Актуальность исследований в данном направлении подтверждает также то, что толерантность к неопределенности рассматривают как одну из базовых подсистем личностного потенциала, которая обеспечивает устойчивость его системных показателей в условиях неопределенности [5, с. 26], как один из механизмов актуализации психологических ресурсов [10, с. 594], как ключевой ресурс системы саморегуляции [6, с. 63].

Таким образом, изучение толерантности к неопределенности в рамках ресурсного подхода, и, в частности, в контексте, психологической ресурсности полицейских, представляется важным направлением эмпирических исследований психологической специфики правоохранительной деятельности. Перспективность ресурсного подхода заключается также в том, что он позволяет перенести акцент с изучения проблем преодоления трудных, стрессовых ситуаций на вопросы, связанные с личностным развитием, с самореализацией субъекта, в частности, в профессиональной деятельности. Особую значимость изучение психологических ресурсов приобретает в

контексте исследований стрессогенных профессий, в частности, в сфере правоохранительной деятельности [2].

Целью исследования было выявление специфики толерантности к неопределенности и факторов принятия решений в неопределенных ситуациях у полицейских с высоким и низким уровнем психологической ресурсности. Были использованы следующие методики: опросник психологической ресурсности личности (А. С. Штепа), «Новый опросник толерантности к неопределенности», опросник «Личностные факторы принятия решений», Мельбурнский опросник принятия решений Т. В. Корниловой. Выборку составили работники полиции, которые были распределены на группы по уровню психологической ресурсности. Психологическую ресурсность Е. С. Штепа рассматривает как умение человека актуализировать собственные ресурсы и оперировать ими с целью саморазвития, самораскрытия в отношениях и оказание поддержки другим [11]. Ресурсность является одним из показателей психологической гибкости человека, заключается в умении находить максимальные возможности в любой ситуации и выступает как главный показатель способности личности полноценно и эффективно применять собственные внутренние резервы, то есть реализовывать мотивацию возможностей.

В ходе эмпирического исследования было установлено, что полицейские с высоким уровнем психологической ресурсности более толерантны к неопределенности, проявляющейся в принятии объектов, которые воспринимаются как сложные, противоречивые, неясные, так как не могут быть однозначно соотнесены с прошлым опытом. Обе группы характеризуются подобием показателей интолерантности и межличностной интолерантности, т.е. стремления к ясности, упорядоченности во всем, уверенности в главенствующей роли правил и принципов, а также, склонности к ясности и контролю в межличностных отношениях.

Выявление источников неопределенности, указывает А. И. Санников, не только позволяет понять, каким образом личность формирует представление о

ситуации, о будущем результате действия, но также и то, что может помешать личности действовать определенным образом и получить требуемый результат – жизненно важное решение. Реакция личности на источник неопределенности создает представление о выраженности толерантности к неопределенности, о том, с какой легкостью личность может существовать в неопределенности, реагировать на сложившуюся ситуацию и принимать жизненное решение [1, с. 50].

Полицейские с высоким уровнем психологической ресурсности характеризуются более высокими показателями по шкале «Бдительность», что свидетельствует о более выраженной склонности к активному покою как готовности к принятию условий неопределенности, что требует субъектного вклада в принятие решений и анализа возможных альтернатив. Кроме того, представители этой группы отличаются более высокими показателями по шкале «Прокрастинация», что предполагает большую склонность при возникновении проблемы в условиях недостаточной определенности откладывать ее решение, и таким образом экономить ресурсы. Полицейские с низким уровнем психологической ресурсности более склонны к реализации такого фактора решений как избегание, которое отражает склонность к уходу от принятия решений в ситуации неопределенности. Это не требует решительных действий, значительного напряжения и ответственности за свои действия и последствия, и, в то же время, отдаляет от конфликтной ситуации и дает возможность отложить решение проблемы.

В то же время, как испытуемые с высоким уровнем психологической ресурсности, так и испытуемые с ее низким уровнем, не выявили различий относительно таких личностных факторов принятия решений как «Рациональность» и «Готовность к риску». Им в одинаковой степени присущи готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации и умение принимать решения в условиях неопределенности как недостаточности ориентиров.

Полученные нами результаты свидетельствуют о неоднозначности отношений толерантности к неопределенности и факторов принятия решений в неопределенной ситуации с психологической ресурсностью у полицейских с разным ее уровнем. Проведенное нами исследование носит пилотажный характер и предполагает продолжение работы в избранном направлении с целью уточнения взаимосвязей толерантности к неопределенности и ее составляющих с компонентами психологической ресурсности у полицейских, что позволит уточнить направления развития и совершенствования профессионального потенциала работников полиции.

1. Барко В.І. Толерантність до невизначеності та її врахування при підборі керівників правоохоронних органів. *Реформування національної безпеки: історія, сучасність, перспективи: матеріали підсумкової науково-практичної конференції (19 травня 2016 року)*. К. : Інститут УДО КНУ імені Тараса Шевченка, 2017. С. 6-11.

2. Горденко А.С, Ламаш И.В. Взаимосвязи компонентов психологической ресурсности с типами рефлексии будущих правоохранителей. *Право. Экономика. Психология*. № 2. Витебск, 2016. С. 101-106.

3. Клименко І.В. Ситуація невизначеності та роль толерантності як складової соціально-психологічної адаптації курсантів-правоохоронців. *Актуальні проблеми психології*. 2017. Том 7. Екологічна психологія. С. 61-70

4. Кравченко О.Г., Юзьвак С.А. Особенности реализации ценностного подхода в обучении сотрудников полиции. *Общество и право*. 2015. №. 2. С. 330-333.

5. Кустова А.Н. Толерантність к неопределенности как составляющая личностного потенциала. *Теоретичні та практичні проблеми розвитку та реалізації потенціалу особистості : зб. матеріалів конференції молодих науковців (Одеса, 25 квітня 2008 р.)*. Одеса, 2008. С. 23-26.

6. Львова Е. Н. Личностное опосредование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2017. 290 с.

7. Санников А.И. Психология принятия жизненных решений личностью : дисс. ... докт. психол. наук:19.00.01/ А.И. Санников. Одесса. 2016. 508 с.

8. Статный В.М. Концепция неопределенных состояний субъекта правоохранительной деятельности: акмесинергетический подход. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2014. №. 1. С. 122-125.

9. Шаранов Ю.А., Статный В.М. Импровизация в структуре субъектогенеза личности сотрудника органов внутренних дел. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2013. Т. 57. №. 1. С. 206-214.
10. Штепа О.С. Магістральні механізми актуалізації психологічних ресурсів. *Проблеми сучасної психології*. 2016. №. 33. С. 584-600.
11. Штепа. О.С. Особливості зв'язку психологічної та персональної ресурсності особистості. *Проблеми сучасної психології*. 2013. №. 21. С. 782-791.
12. Dörfler-Dierken A. Ambiguity Tolerance and the Concept of «Innere Führung». *ENDC-Proceedings*. 2013. Vol.17. P. 121-134.
13. Heuvel C., L. Alison, N. Power Coping with uncertainty: Police strategies for resilient decision-making and action implementation. *Cognition, Technology & Work*. 2014. Vol. 16. №. 1. P. 25-45.
14. Johnson J.L., Hill W.R. Personality Traits and Military Leadership. *Individual Differences Research*. 2009. Vol. 7. №. 1. P. 4-11.
15. Kleinig J. The ethics of policing. Cambridge University Press, 1996. 335 p.
16. Laurence J.H. Military leadership and the complexity of combat and culture. *Military Psychology*. 2011. Vol. 23. №. 5. P. 489-501.
17. McClary R. An investigation into the relationship between tolerance of ambiguity and creativity among military officers. Kansas State University, 2009. Available: <https://krex.k-state.edu/dspace/handle/2097/2210>.
18. March J. G., Weissinger-Baylon R. Ambiguity and Command. Organizational Perspectives on Military Decision Making. Marshfield, MA: Pitman, 1986. 286 p.
19. Perez D., Barkhurst M. Paradoxes of leadership in police management. – Cengage Learning, 2012. 387p.
20. Ulmer Jr. W. F. Military leadership into the 21st century: another «bridge too far?» *Parameters*. 2010. Vol. 40. №. 4. P. 135-156.

Лепешко Ксения Витальевна,
Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
специальность социальная психология,
студентка 4 курса
ksenia.lepeshko@gmail.com

Lepeshko Ksenia
Belarusian State University, Faculty of
Philosophy and Social Sciences, specialty
social psychology, fourth-year student

Фурманов Игорь Александрович
Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
заведующий кафедрой психологии,
профессор, доктор наук
fourmigor@gmail.com

Fourmanov Igor
Belarusian State University, Faculty of
Philosophy and Social Sciences, Head of the
Department of Psychology, Professor, Doctor
of Science

220004, Республика Беларусь, город Минск,
улица Кальварийская, 9

220004, 9-Kalvariyskaya street, Minsk,
Republic of Belarus

СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРЫСТНОГО ХАРАКТЕРА

Резюме: Анализируется феномен социального сравнения, как фактор способствующий совершению корыстных преступлений. Дается определение социальному сравнению, а также перечисляются особенности эмоционального, когнитивного и поведенческого реагирования на ситуацию сравнения. Описываются основные виды мотивации совершения корыстных преступлений и их связь с восходящими сравнениями.

Ключевые слова: социальное сравнение, эмоции, когниции, поведение, корыстные преступления, мотивация, самоутверждение, корысть.

Социальное сравнение – необходимый элемент повседневной жизни, влияющий на социальное познание индивидов и повседневное поведения, в частности и на преступное поведение.

Социальные сравнения – сравнения между самостью (собственным Я) и другими – являются фундаментальным психологическим механизмом, влияющим на суждения, переживания и поведение людей. Всякий раз, когда люди сталкиваются с информацией о том, что собой представляют другие, что другие могут и не могут делать, чего другие достигли или не смогли бы достичь, они связывают эту информацию с собой [1]. Аналогично этому, всякий раз, когда люди хотят знать, что собой представляют они сами, что они сами могут и не могут сделать и достичь – они сравнивают свои собственные характеристики, шансы и слабости с таковым у других людей. В своей теории социального сравнения L. Festinger [2] прямо указывает, что индивиды

используют других, чтобы удовлетворить собственную потребность в получении знаний о себе. Поэтому люди постоянно участвуют в социальных сравнениях. Во многих исследованиях отмечается, что приоритетной переменной, на которую обращают внимание при изучении социального сравнения, является подобие [2; 3; 4]. Это следует из того, что сравнения наиболее вероятно делаются с людьми, которые подобны между собой [5; 6]. Вместе с тем, было определено, что сравнения особенно вероятны с подобными другими, находящимися на уровнях немного выше, чем сам индивид [7]. По мнению J. Wood [8] это определяется тремя основными мотивационными факторами, побуждающими людей прибегать к социальному сравнению: потребностью в самооценке; стремлением к самосовершенствованию; потребностью в повышении самооценки. Отмечается, что для удовлетворения указанных потребностей используются восходящие и нисходящие сравнения. Было выявлено, что восходящие сравнения (с теми, кто лучше, кто добивается большего успеха) вызывают негативный аффект, а нисходящие (с теми, кто хуже, кто добивается меньшего успеха) – позитивный аффект. Исследованиями было установлено, что восходящие сравнения могут вызывать ревность [9], враждебность [10], фрустрацию [11] и понижение самооценки [12; 13], тогда как нисходящие сравнения, как правило, усиливают ощущение субъективного благополучия [14]. Анализ литературы, позволил выделить когнитивные стратегии совладания с ситуацией социального сравнения:

– *Защитная реакция.* Если ситуация сравнения вызывает негативный аффект, люди могут реагировать, защищаясь: мысленно преуменьшать объект сравнения, обесценивать, или же идеализировать его [15; 16].

– *Избегание.* Люди могут не думать об объекте сравнения, а также думать негативно или же избегать социальных сравнений [8; 16; 17; 18].

– *Искажение информации.* Исследования в области социального познания предполагают, что люди могут интерпретировать, исказить или проигнорировать информацию, связанную со сравнением, чтобы иметь положительные представления о себе [8].

Аффективное и когнитивное реагирование приводит к определённому поведению. Ряд исследований показали, что, когда сравнение приносит негативный аффект (боль и страдания) люди просто избегают и уходят от сравнений, либо же дистанцируются от объекта сравнения (проводят меньше времени с объектом сравнения) [8; 9; 16]. Также результатом восходящего социального сравнения может стать уравнивание в навыках или способностях с объектом сравнения [18]. По мнению L. Festinger, социальные сравнения могут приводить и к конформному поведению, т.е. к желанию присоединя к какой-либо группе, соответствие этой группе относительно прав и норм [2]. Ряд экспериментов обнаружило, что сравнение может приводить и к деструктивным действиям, направленным на объект сравнения: попытка свести счёты, унижить, оскорбить, обесценить, проявить физическую и/или вербальную агрессию [9; 15; 19; 20].

Исходя из выше изложенного и результатов анализ литературы по преступной (криминогенной) мотивации, можно предположить, что социальное сравнение может приводить к таким деструктивным действиям и поступкам, как совершение корыстных преступлений (кражи, грабежи, разбои, угон автотранспортных средств, рэкет, мошенничество). Одним из наиболее важных аспектов преступного поведения, и корыстного преступления в частности, является механизм его совершения. Одним из ключевых звеньев в этом механизме является мотивация. Как указывает Е. В. Чернышева [21] мотивация преступного поведения – это внутренний процесс возникновения, формирования и осуществления преступного поведения. М. А. Соловьёва [22] установила, что основная мотивация преступного поведения состоит в восприятии преступления, как позитивного способа решения какой-либо проблемы (внутриличностной, межличностной и т.п.).

Анализ литературы позволил выделить следующие виды мотивации совершения корыстных преступлений:

– *Корыстно-потребительская мотивация*, связанная с доминированием довольно устойчивых потребительских стремлений (приобретение

дорогостоящего имущества, услуг, в дорогостоящих развлечениях и т.д.) [23; 24; 25]. По мнению М. И. Еникеева [25] у всех корыстных преступников имеется устойчивость корыстных побуждений, направленная на извлечение имущественной выгоды. Также И. Г. Тютюнник [26] указывает, что для корыстных преступлений характерна направленность на извлечение имущественной выгоды. В исследовании А. Н. Ильяшенко [27] было установлено, что основной мотивацией хищения является корысть, стремление к удовлетворению потребности в материальных благах. В том числе исследования коррупционных правонарушителей показало, что основной мотивацией совершения данных преступлений является корыстная направленность [28].

Известно, что корысть характеризуется стремлением извлечь материальную или иного рода выгоду имущественного характера. Основу корыстного поведения, как правило, составляет жадность, которая проявляется как в неумеренном желании владения или потребления. Жадность обязательно обусловлена соперничеством, как на сознательном, так и на бессознательном уровне. Человек не может испытывать данное чувство без конкуренции, которая может возникать только в результате осуществления социального сравнения.

– *Статусная мотивация или самоутверждение.* Она выражается в попытках человека утвердить себя на социальном и социально-психологических уровнях [21]. Чаще всего это проявляется в стремлении завоевать социальный статус, престиж, авторитет, стремлении личности добиться признания референтных групп (семьи, друзей, коллег). Также, по мнению А. М. Столяренко [23], данная мотивация выражается в самовыражении (переживании самодовольства от обращения на себя внимания других людей, их восхищения, зависти или опасения), а также в побуждении к рискованным действиям, совершаемым вопреки социальным нормам. Например, для подростков, совершающих корыстные преступления зачастую характерны стремление выделиться среди товарищей или попытки уравниваться в

каких-либо в способностях или же атрибутах [24]. Исследование А. Н. Ильяшенко [27] показало, что мотивами совершения угонов чаще является: самоутверждение – 61,7% демонстрация своих навыков вождения автомобиля перед приятелями – 37,4% , зависть – 17,5% , месть – 10,2 %.

Исходя из этого, можно утверждать, что данная мотивация совершения преступлений появляется в результате восходящих сравнений, вероятно, из-за появления «чувства неполноценности», ощущения ущербности и целого ряда негативных эмоциональных переживаний.

Таким образом, социальное сравнение, приводящее к стремлению выделиться среди окружающих, стремиться быть на «уровне», желанию завоевать какие-либо атрибуты, соответствовать канонам общества, может приводить к совершению корыстных преступлений, с целью извлечения материальной выгоды.

1. Dunning D. *Evidence of egocentric comparison in social judgment*. D. Dunning, A.F. Hayes. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71.P. 213-229.

2. Festinger L.A *Theory of social comparison processes*. L. Festinger. *Human Relations*.1954.Vol. 7. P. 117-140.

3. Mettee D.R. *Social comparison and interpersonal attraction: The case for dissimilarity*. D.R. Mettee, G. Smith. In J.M. Suls, R.L. Miller (Eds.), *Social comparison processes Theoretical and empirical perspectives* Washington, DC: Hemisphere Publishing, 1977. P. 69-101.

4. Suls J.M. *Social comparison theory and research*. J.M. Suls. In J.M. Suls, R.M. Miller (Eds.), *Social comparison processes. Theoretical and empirical perspectives* Washington, DC : Hemisphere Publishing, 1977. P. 1-19.

5. Goethals G.R. *Social comparison theory: An attributional approach*. G.R. Goethals, J.M. Darley. In J. M. Suls, R.L. Miller (Eds.), *Social comparison processes. Theoretical and empirical perspectives* Washington, D.C.: Hemisphere Publishing, 1977. P. 259-278.

6. Wheeler L. *Factors determining the choice of comparison other*. L. Wheeler, K.G. Shaven, R.A. Jones, G. A. Goethals, J. Coopet, J.E. Robinson, C.L. Grudei, K.W. Butzine. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1969. Vol.5. P. 219-232.

7. Dakin S. *The social comparison of ability*. S. Dakin, A.J. Arrowood. *Human Relations*.1981. Vol. 34.P. 89-109.

8. Wood J.V. *Theory and research concerning social comparisons of personal attributes*. V.J. Wood. *Psychological Bulletin*, 1989. Vol. 106. P. 231-248.
9. Salovey P. *Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy*. P. Salovey, J. Rodin. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 47. P. 780-792.
10. Testa M. *The impact of social comparisons after failure: The moderating effects of perceived control*. M. Testa, B. Major. *Basic and Applied Social Psychology*. 1990. Vol. 11. P. 205-218.
11. Martin J. *The tolerance of injustice*. J. Martin. In J.M. Olsen, C.P. Herman, M.P. Zanna (Eds.), *Relative deprivation and social comparison: The Ontario Symposium* Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1986. Vol. 4. P. 217-242.
12. Marsh H.W. *Determinants of student self-concept: Is it better to be a relatively large fish in a small pond even if you don't learn to swim as well?* H.W. Marsh, J.W. Parker. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 47. P. 213-231.
13. Morse S. *Social comparison, self-consistency, and the concept of the self*. S. Morse, K.J. Gergen. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol. 36. P. 148-156.
14. Gibbons F.X. *Downward comparison and coping with threat*. F.X. Gibbons, M. Gerrard. In J. Suls, T.A. Wills (Eds.), *Social comparison: Contemporary theory and research*. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1991. P. 317-345.
15. Corcoran K. *Social comparison: Motives, standards, and mechanisms*. K. Corcoran, J. Crusius, T. Mussweiler. In D. Chadee (Ed.), *Theories in social psychology*. Oxford, UK: Wiley-Blackwell. 2011. P. 119-139.
16. Wood J. V. *Strategies of Social Comparison Among People With Low Self-Esteem : Self-Protection and Self-Enhancement*. J. V. Wood, M. Giordano-Beech. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67(4). P. 713-731.
17. Buunk B.P. *The Affective Consequences of Social Comparison Either Direction Has Its Ups and Downs*. B.P. Buunk, S.E. Taylor. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. 59(6). P. 1238-1249.
18. Mikulincer M. *An Attributional Analysis of Social-Comparison Jealousy*. M. Mikulincer, M A. Bizman, R. Aizenberg . *Journal of Motivation and Emotion*. 1989. Vol. 13(4). P. 567-590.
19. Salovey. P. *The Differentiation of Social-Comparison Jealousy and Romantic Jealousy*. P. Salovey, J. Rodin. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 50 (6). P. 1100-1112.
20. Bers S.A. *Social-Comparison Jealousy: A Developmental and Motivational Study*. S.A. Bers, J. Rodin . *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984. Vol. 47 (4). P. 766-779.

21. Чернышева Е.В. *Мотивация преступного поведения в совершении умышленных преступлений*. Е.В. Чернышева, А.А. Тюменцева. Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. Новосибирск: СибАК, 2015. С. 187-193.
22. Соловьёва М.А. *Юридическая психология*. М.А. Соловьёва. М: Litres, 2017. 357 с.
23. Столяренко А.М. *Прикладная юридическая психология*. А. М. Столяренко. М. : Аспект Пресс, 2001. 473 с.
24. Шиханцов Г. Г. *Юридическая психология. Учебник для вузов*. Г.Г. Шиханцов. М. : «Зерцало», 1998. 341 с.
25. Еникеев М.И. *Юридическая психология. Учебник для вузов*. М.И. Еникеев. Спб. : Питер, 2004. 500 с.
26. Тютюнник А.Г. *Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ*. И.Г. Тютюнник. М. : Юстицинформ, 2017. 152 с.
27. Ильяшенко А.Н. *Криминологическая характеристика лиц, совершающих угоны и хищения транспортных средств*. А.Н. Ильяшенко, Р.В. Колесников. Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 1-8.
28. Абрамовская О.Р. *Криминологические особенности личности коррупционного преступника*. О.Р. Абрамовская, А.В. Майоров. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37(291). С. 54-57.

Меркулова Юлия Васильевна
Одесский государственный университет
внутренних дел, заведующая кафедрой
психологии и педагогики, кандидат
юридических наук, доцент

Merkulova Julia
Odessa State University of Internal Affairs,
Head of the Department of Psychology and
Pedagogy , PhD (psycho.),

Качалко Екатерина Петровна
Одесский государственный университет
внутренних дел, слушатель магистратуры
факультета №3
65000, Успенская 1, Одесса, Украина
merkulovayuliya75@gmail.com

Kachalco Ekaterina
Odessa State University of Internal Affairs,
Student of a Magistracy, faculty № 3
65000, Ukraine, Odessa, Uspenskaya str., 1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ

SOME ASPECTS OF PROFESSIONAL MOTIVATION OF THE OFFICERS OF THE NATIONAL POLICE OF UKRAINE

Резюме: На этапе реформирования Национальной полиции Украины одним из главных факторов, влияющих на эффективность профессиональной деятельности полицейских, является высокий уровень мотивации. В статье сделан теоретический анализ профессиональной мотивации полицейских с учетом специфики этого вида государственной службы в правоохранительной системе, факторы, влияющие на ее формирование, и предложены пути повышения ее уровня.

Abstract: At the stage of the reforming of the National Police of Ukraine, one of the main factors influencing upon the effectiveness of professional activity of policemen is the high level of motivation. The article provides a theoretical analysis of the professional motivation of the policemen taking into account the specifics of this type of public service in the law enforcement system and the factors influencing upon its formation. There were suggested the ways to increase its level.

Ключевые слова: мотивация, профессиональная мотивация, профессионализм полицейского, правоохранительная деятельность.

Key words: motivation, professional motivation, professionalism of a policemen, law enforcement activity.

Деятельность Национальной полиции Украины, а особенно на этапе ее реформирования, привлекает к себе особое внимание общества. Это объясняется тем, что одной из ее главных функций является защита прав, свобод и законных интересов граждан. Существует множество объективных и субъективных факторов, влияющих на эффективность выполнения своих функциональных обязанностей полицейскими. Одним из таких является профессиональная мотивация. Необходимость изучения которой, поиск новых путей повышения ее

уровня всегда является актуальным поскольку меняется общество, меняются условия работы, меняется личность и соответственно меняются особенности профессиональной мотивации.

Проблематике мотивации и в частности профессиональной мотивации, были посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых: В. Г. Асеева, Д. А. Аширова, А. С. Афолина, О. М. Бандурки, И. А. Зимней, К. Е. Игошева, Д. А. Леонтьева, М. О. Лысиной, А. А. Марковой, С. М. Алексеенко, В. В. Петровского, Х. Хекгаузена, Ф. Херцберга и др.

Целью статьи является анализ доктринальных источников и действующего законодательства Украины касающихся профессиональной мотивации полицейских и определение путей повышения ее уровня.

Понятие «мотивация» (с лат. movere) – побуждение к действию, динамический процесс психофизиологического плана, который руководит поведением человека, определяет его стойкость, направленность, организованность, активность и способность, удовлетворять свои потребности.

Психологический словарь трактует это понятие как процесс побуждения человека к совершению тех или иных действий, поступков, который является сложным актом, требует анализа и оценки альтернатив выбора и принятия решений. [1]

В психологической и криминологической литературе существуют разные мнения касательно определения мотивации человеческого поведения. Мы разделяем мнение Х. Хекхаузена [2; 9], который утверждает: «Едва ли найдется другая такая же необозримая сфера психологических исследований, к которой можно были бы подойти с настолько разных сторон, как к психологи мотивации».

Так, В. А. Асеев [3] называет мотивацию двигательной силой человеческого поведения и утверждает, что она пронизывает все основные составляющие личности: ее направленность, характер, эмоции, деятельность и психические процессы. Д. А. Аширов [4] в своих трудах рассматривает мотивацию, как процесс физиологического или психологического недостатка или

потребности, которая побуждает к активизации поведения в достижении соответствующей цели, а сам мотив – это индивидуальная движущая сила, которая побуждает вести себя по другому. По мнению И. А. Зимней [5], мотив это то, ради чего осуществляются деятельность, представление, идеи, чувства и переживания. Понятие мотивация у нее раскрыто как механизм соотношения внешних и внутренних факторов поведения человека, который определяет конкретные формы деятельности, а понятие мотивационной сферы, предусматривает эффективную и волевою сферы личности, то есть переживание и удовлетворение потребностей.

К. Е. Игошев [6] определил следующие компоненты мотивации: первичные побудительные силы человеческой активности (психологическая мобилизованность и готовность личности к осуществлению определенных действий); факторы, которые направляют, регулируют и поддерживают те или иные действия, которые изменяют их восходящую направленность. По его мнению, мотивация может пониматься и как процесс внутренней аргументации мотивов.

Мы разделяем мнение ученых о том, что знание мотивов не только дает ответы на вопросы, почему происходят те или иные действия, но и в чем их смысл для данного индивида, какие потребности при этом удовлетворяются.

Если говорить о профессиональной мотивации сотрудников полиции, то необходимо обозначить, что это сложное многомерное образование, содержащее в себе (впрочем, как и любая другая мотивация) наряду с осознаваемыми и неосознаваемыми или малоосознаваемыми мотивы, выполняющие функцию смыслообразования, которая, в свою очередь, связана с общим контролем направленности профессиональной деятельности. Опосредованно или напрямую различные мотивы оказывают влияние на регуляцию поведения, выступая его детерминацией.

По мнению Ф. Херцберга [7] основным показателем мотивации является удовлетворенность военной службой, а условия труда могут вызвать недовольство трудом. Только привлекательные условия и компоненты

содержания труда могут быть мотивами к дальнейшей деятельности. Если полицейский получает удовольствие от своего труда, тогда уровень мотивации к дальнейшей профессиональной деятельности достаточно высок, стремление к самосовершенствованию и профессиональной реализации растет. Этому процессу присуще: достижение цели, содержание труда, самостоятельность, ответственность, профессионально-должностной рост. Конечно, грани между этими двумя группами относительные и подвижные. Обобщая результаты своих исследований, Ф. Херцберг сделал ряд выводов. Во-первых, отсутствие некоторых факторов ведет к неудовлетворенности трудом. Во-вторых, наличие мотива может лишь частично и неполно компенсировать отсутствие некоторых факторов. В-третьих, в обычных условиях наличие определенных фактов воспринимается, как естественное и не оказывает мотивационного действия. В-четвертых, положительная максимально мотивационное действие достигается с помощью мотива при наличии всех соответствующих факторов. Основанные на теории мотивации, данные факторы трудовой деятельности являются значимыми, поскольку они определяют привлекательность или непривлекательность профессии [7, с. 112].

Однако, удовлетворенность службой и условиями труда еще не все факторы определяющие профессиональную мотивацию сотрудника полиции, ведь речь идет о профессии опасной для жизни и здоровья. Важными мотивами влияющими на эффективность профессиональной деятельности полицейского являются потребности в социальной защите государства. Речь идет о социальном пакете. Анализируя социальные пакеты стран Европы и США выяснилось, что в Германии, Польше, Франции и США полицейским со стороны государства гарантированы: выше средней заработная плата, отпуска, больничные, страхование (медицинское, личное и членов семьи), льготное банковское кредитование и пенсионный пакет, ежегодные разовые дополнительные выплаты после 20 лет службы, вознаграждение за дополнительную и ночную работу, компенсация за обучение, использование

личного транспорта в служебных целях, аренды жилья и проезда в общественном транспорте.

На этапе реформирования Национальной полиции Украины этот вопрос, по нашему мнению, является одним из главных. Поскольку сложная и экстремальная профессиональная деятельность полицейского, направленная на защиту прав и свобод граждан, на благо общества должна быть оценена и компенсирована определенными благами с его стороны. На сегодняшний день полицейский Украины обеспечен отпуском, больничными, медицинским обеспечением, пенсионным пакетом (который еще имеет много вопросов и неопределенностей), что как мы видим, существенно отличается от социального пакета стран Европы и США. Знание собственных социальных гарантий, карьерного роста и престижа дает человеку уверенность в завтрашнем дне и возможность оценивать свои перспективы и возможности.

Проведенный анализ специальной научной литературы и изучение опыта деятельности полиции других стран позволяет сделать вывод о том, что на пути реформирования правоохранительных органов Украины проблемы профессиональной мотивации сотрудников Национальной полиции, требуют изучения и дополнительных научных исследований.

1. Психология: словарь (1990). Петровский А.В. Ярошевский М.Г. (ред.) М. : Политиздат, 494 с.
2. Хекхаузен Х. (1993). Мотивация и деятельность. М. : Педагогика, 406 с.
3. Асеев В.А. (1974) Проблема мотивации и личность. М. : Наука. С. 118-125.
4. Аширов Д. А. (2005). Трудовая мотивация : учеб.пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 448 с.
5. Зимняя И. А. (2004). Педагогическая психология. М. : Логос, 384 с.
6. Игошев К.Е. (1986) Криминальная мотивация. М., 10.
7. Херцберг Ф. (2007) Мотивация к работе. М., 238 с.

Метлицкий Игорь Евгеньевич
БГУ, доцент кафедры психологии, кандидат
психологических наук, доцент
220004
ул. Кальварийская, 9 Минск, Республика
Беларусь
metlitsky@bk.ru

Metlickij Igor
BSU, associate Professor of psychology,
candidate of psychological Sciences,
220004
Kalvariyskaya str., 9 Minsk, Republic of
Belarus

ОПЕРАТИВНЫЙ КОНТАКТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕКТИВА

OPERATIVE CONTACT IN DETECTIVE PROFESSIONAL WORK

Резюме. В статье операционализируется понятие «оперативный контакт», дана характеристика его оптимальной реализации с учетом конкретной ситуации и современных психотехнологий.

Abstract. In article the concept «operative contact» is given, the characteristic of its optimum use taking into account a concrete situation and modern psychotechnologies is given.

Ключевые слова: оперативный контакт, оперативная ситуация, вербальная и невербальная коммуникации.

Keywords: operative contact, an operative situation, verbal and nonverbal communications

Профессиональная компетентность сотрудника частного детективного агентства во многом связана с использованием им современных достижений психологии оперативно-розыскной деятельности в условиях выполнения конкретных договорных обязательств перед заказчиком. Исходя из того, что в отличие от сотрудника оперативного подразделения любой силовой государственной структуры, детектив лишен отдельных прав и всяких властных полномочий при вступлении в значимые контакты с окружающими его людьми, особенность получения конкретной информации, касающейся выполнения задания, состоит в умении и навыках установления оперативного контакта с носителем информации значимой информации (далее – «объект»).

Анализ подходов к операционализации понятия «оперативный контакт», позволяет рассматривать его с разных позиций: как профессионально-психологический контакт, выступающий составным элементом тактики оперативного взаимодействия; как следствие взаимодействия в неповторяемых условиях индивидуально своеобразных личностей; как определенные условия

взаимодействия, обеспечивающие первоначальное проявление аттракции (взаимного «притяжения») между партнерами; как формирование обоюдного положительного восприятия, понимания и оценки ситуации взаимодействия, проявляющихся в процессе общения посредством признаков-сигналов в поведенческих, эмоционально-чувственных и коммуникативных актах контактирующих; так и как прагматически обусловленное развитие и становление востребованных практикой уровней межличностной доверительности [1]. Мы полагаем, что оперативный контакт – это процесс взаимодействия детектива с «объектом» в целях достижения между собеседниками приемлемого уровня доверительных отношений, направленных на получение важных для детектива сведений.

Особенность оперативного контакта – уникальность его применения в конкретной ситуации. В данной связи не существует каких-либо исчерпывающих рекомендаций по его реализации в условиях детективной деятельности. Тем не менее, в конце 90-х годов XX века сотрудниками детективных агентств США, Германии, Франции, Голландии и других европейских стран широко используются некоторые психотехники, позволяющие осуществлять сбор значимой для заказчика информации [2]. Так, детективу известно, что в первые 4 минуты общения с «объектом», ему целесообразно обратить внимание на рефлексии невербальных знаковых систем коммуникации собеседника, а в процессе установления с ним раппорта – использовать приемы оптико-кинетической синхронизации поведенческих реакций «объекта». Особое внимание уделяется обучению детективов поддержанию зрительного контакта с «объектом» и использованию других психотехник в целях управления его поведением.

На основании международного опыта деятельности детективов, авторами статьи разработана и адаптирована к реализации в условиях деятельности частных детективных агентств модель психологического сценария установления оперативного контакта с «объектами» значимой информации. Эта модель представляет собой набор последовательных (и обязательных) действий

детектива, после восприятия которых, «объект» может проявить готовность сообщить ему информацию, касающуюся фактов и лиц, оказавшихся в орбите профессиональной деятельности детектива.

Методологическая основа модели: теория влияние аффективных и когнитивных доминант на интерпретацию внешности и поведение другого человека (Г. С. Абрамова, А. А. Бодалев, В. П. Зинченко, В. А. Янчук и др.); техники нейролингвистического программирования поведенческих реакций другого человека (Е. Л. Доценко, Н. В. Дьячук, Р. Коуплан, О. Ксензюк, С. Урсано, С. Зонненберг и др.).

Закономерности управления поведением «объекта» в процессе установления с ним оперативного контакта основаны на следующем: психическое состояние «объекта» выступает связующим звеном между особенностями внешней среды (конкретная ситуация взаимодействия с детективом), психическими процессами и психическими свойствами его личности; поведенческие реакции «объекта» обусловлены его жизненным опытом (в момент установления оперативного контакта реакции «объекта» являются для него единственно возможным вариантом поведения); не все, моделируемые детективом внешние условия установления с «объектом» оперативного контакта и раппорта, имеют в индивидуальном опыте «объекта» аналогии и варианты поведения, поэтому любая его поведенческая реакция осуществляется с погрешностями; сильная, но менее подходящая модель поведения детектива, может отрицательно повлиять на процесс формирования у «объекта» положительного впечатления о собеседнике и обусловить включение механизмов психологической защиты; психологическое воздействие, оказываемое на «объект» в процессе управления его поведением, осуществляется посредством интеллектуального, импульсивного и чувственно-эмоционального механизмов психической регуляции поведения человека. Механизм интеллектуальной регуляции основывается на процессах перцепции, мышления и воображения. Результат действия этого механизма зависит от психических свойств «объекта», обусловленных его опытом осмысленного познания мира. Механизм

импульсивной регуляции реализуется в автоматизмах, представляющих собой действия «объекта», осуществляемые на основе врожденных и условно рефлекторных программ без непосредственного участия его сознания. Чувственно-эмоциональная регуляция поведения «объекта» обуславливается чувственной стороной его отношений и установок, сильной или слабой возбудимостью, большей или меньшей эмоциональной устойчивостью, силой и интенсивностью глубинных переживаний. Указанные механизмы психической регуляции поведения «объекта» имеют определенную закономерность взаимодействия: в них реализуются принципы доминирования и дополнения того или иного механизма в зависимости от внешних и внутренних факторов: механизм интеллектуальной регуляции поведения «объекта» доминирует, если ситуация межличностного взаимодействия с детективом отличается для него своей новизной. Импульсивная регуляция – в типичных для «объекта» ситуациях, когда в процессе общения с детективом в его поведении проявляются ранее сформированные социальные установки, способы и навыки действия в системе «человек-человек». Чувственно-эмоциональная регуляция доминирует в неожиданных или критических для «объекта» ситуациях, а также в случае неблагоприятного для него нервно-психического состояния.

В результате адаптации модели психологического сценария установления оперативного контакта, получены следующие средние показатели: время установления оперативного контакта с «объектом» снизилось с 50 ± 5 минут до 35 ± 5 минут; перепроверка полученной информации через иных источников не изменила степень ее качественной информативности [3].

1. Мицкевич, В.В. Психологические примы установления оперативного контакта сотрудниками силовых структур / В.В. Мицкевич, А.И. Бродич. Минск, Институт национальной безопасности Республики Беларусь, 2013. 126 с.

2. Борьба с преступностью за рубежом // Материалы зарубежной печати. Ежемесячный информационный бюллетень, 1993: № 3. С. 41; № 7. С. 41; № 9. С. 48; 1998: № 8. С. 25; № 12. С. 45; 1999: № 2. С. 27; № 8. С. 21; № 12. С. 16; 2000: № 11. С. 36.

3. Metlickij, I. Establishment of contact to an information source // Low and Order. N.Y., 2002. V.8. 97-99 p.p.

Милорадова Наталья Эдуардовна
Харьковский национальный университет
внутренних дел, профессор кафедры
педагогике и психологии факультета №3,
кандидат психологических наук, доцент
61128, Украина, Харьков, пр-кт Л.Ландау
д.16, кв. 387

Miloradova Natalia
Kharkow National university of domestic
affairs, Associate Professor at psychology and
pedagogy department , PhD in psychology
61128, Ukraine, Kharkow, Lev Landau ave.
16, 387
natashaM69@ukr.net

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

PSYCHOLOGICAL GUIDANCE OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Резюме: автором рассмотрены ключевые моменты осуществления психологического сопровождения всех этапов профессиогенеза сотрудников правоохранительных органов.

Abstract: the author considered the key features of psychological guidance of all professional development stages of law enforcement officers.

Ключевые слова: профессиональное развитие, профессиогенез, правоохранители, этапы профессиогенеза, психологическое сопровождение.

Key words: professional development, law enforcement officers, stages of professional development, psychological guidance.

Профессиональное развитие и становление сотрудников правоохранительных органов сложный динамический и поступательный процесс продвижения личности в профессиональной среде от осуществления выбора пути реализации себя, через преодоление последствий негативного профессиогенеза к вершинам профессионализма.

Весь процесс профессионального развития сотрудников правоохранительных органов рассматривается нами в рамках трех этапов: 1) этап профессионального самоопределения (довузовский), включает три стадии первичной, вторичной и третичной оптации; 2) этап профессионального обучения (вузовский), в составе которого выделены: стадия вузовской адаптации, интериоризации и ревизии профессионального потенциала (1 курс), стадия усвоения профессиональных знаний, умений и навыков (2-4 курс), стадия закрепления и осознание профессиональной готовности (окончание вуза, 3) этап профессионального развития (послевузовский), в котором рассматриваются: стадия

профессиональной адаптации (адаптанта), стадия овладения профессиональной деятельностью (интернала), стадия творческого самовыражения (мастера), стадия наставничества, стадия увольнения и социальной переадаптации.

Целью психологического сопровождения профессиогенеза правоохранителей является поддержка и сопровождение гармоничного профессионального саморазвертывания личности в профессиональном пространстве, где уровень личного развития тесно связан с эффективностью профессиональной деятельности.

При осуществлении психологического сопровождения каждого из выделенных этапов профессиогенеза необходимо обратить внимание на такие ключевые моменты. В рамках этапа профессионального самоопределения (довузовского) необходимо рассмотреть вопросы связанные с:

- подготовкой специалистов для проведения профориентационной работы среди населения с учетом интересов, индивидуально-психологических и психофизических особенностей молодежи и потребностей правоохранительной системы;

- повышению качества профессиональной ориентации учащихся, например внедрение в школьную программу специальных курсов, таких как «Основы выбору профессии»;

- повышение интереса родителей будущих абитуриентов к осуществлению молодыми людьми адекватного профессионального выбора;

- организацию и проведение лекций, бесед, «круглых столов» для учащихся, родителей и учителей на темы: помощь в личностно-ориентированном подходе к обучению, межличностное взаимодействие, психологические детерминанты профессионального самоопределения, значение профессиональной рефлексии и проблемы социально-психологической адаптации и индивидуального стиля профессиональной деятельности;

- проведение психопрофилактической и психокоррекционной работы с детьми, которые относятся к льготному контингенту (дети-сироты, дети, родители которых погибли при исполнении служебных обязанностей и др.);

- особенности протекания и преодоления негативных последствий кризиса учебно-профессиональной ориентации, связанного с изменением ведущей деятельности с учебно-познавательной на учебно-профессиональную;

- совершенствование профильной довузовской подготовки и профессионального отбора в вузах системы МВД Украины и др.

В рамках этапа профессионального обучения (вузовского) необходимо уделить внимание таким вопросам:

- изучение и анализ исходного уровня развития ценностей, установок, мотивации; процессов регуляции поведения; особенностей протекания адаптационных процессов; личностных качеств и способностей будущих правоохранителей;

- уменьшение адаптационной нагрузки и понимание курсантами особенностей и специфики профессионально-образовательной среды;

- особенностям протекания кризиса ревизии и коррекции профессионального выбора, сущностью которого является наличие ценностного конфликта как результата изменения ценностей по сравнению с моментом выбора профессии;

- внедрение комплекса организационных, служебных, правовых, социально-экономических, воспитательных, психологических и медицинских мероприятий, направленных на оптимизацию условий, предусматривающих предупреждения профессиональных кризисов и разрушение системы профессиональной мотивации, ценностей и установок личности будущих правоохранителей;

- развитие уверенности курсантов в собственных силах и возможностях и преодоления страха перед будущим;

- осуществление мероприятий, направленных на исправление недостатков психологического развития или поведения правоохранителей во время обучения с помощью специальных средств психологического воздействия;

– подготовка курсантов к освоению новой социальной роли, опыта самостоятельного осуществления профессиональной деятельности после окончания учебы в профильном вузе.

При осуществлении психологического сопровождения правоохранителей на этапе профессионального развития (послевузовском) целесообразно, на наш взгляд, сосредоточиться на таких вопросах:

– изучение и анализ адаптационных характеристик молодого специалиста; уровня согласованности сформированных на предыдущем этапе профессиогенеза профессиональных и личных ценностей и установок; прояснения и конкретизацию карьерных целей; «проверку» на практике полученных теоретических знаний и их согласования с профессиональными требованиями; выполнение новой социальной роли и налаживания профессиональных связей;

– уменьшение адаптационной нагрузки и понимания молодыми сотрудниками, особенно на стадии профессиональной адаптации, особенностей и специфики профессиональной среды;

– развитие и устойчивое использование на стадии овладения профессиональной деятельностью навыков профессионального тайм-менеджмента для равномерного и качественного распределения времени, личных сил и ресурсов;

– на развитие мотивации перехода от накопления профессиональных знаний и опыта к необходимости и целесообразности обмена опытом с коллегами, единомышленниками, учениками, последователями на стадии наставничества;

– на особенности протекания и преодоления негативных последствий профессиогенетичных кризисов: 1) кризиса профессионального роста, когда специалист сознательно или бессознательно испытывает потребность в дальнейшем профессиональном росте, в профессиональном самоутверждении. При отсутствии перспектив профессионального роста личность испытывает психическое напряжение, дискомфорт, появляются мысли о возможном увольнении, смене профессии; 2) кризиса профессиональной карьеры, к которому

могут привести противоречия между желаемым сценарием карьеры и ее реальными перспективами; 3) кризиса социально-профессиональной самоактуализации на стадии мастера, осознание необходимости и целесообразности перехода на стадию наставничества; 4) кризиса потери профессиональной деятельности, обусловленного необходимостью выхода человека на пенсию и завершения профессиональной деятельности;

– внедрение в рамках повышения квалификации, служебной подготовки, наставничества комплекса организационных, служебных, правовых, социально-экономических, воспитательных, психологических и медицинских мероприятий, направленных на оптимизацию условий, предусматривающих профилактику профессиональных кризисов и разрушения системы профессиональной мотивации, ценностей и установок личности правоохранителя на каждой из стадии;

– поддержку процессов переадаптации сотрудников на стадии ухода на пенсию; проведение вторичных профориентационных мероприятий для возможности нахождения себя после увольнения из полиции в условиях гражданской жизни; снижение риска возникновения чувства профессиональной беспомощности и личной непригодности.

Таким образом, мы рассмотрели ключевые моменты, на которых целесообразно сосредоточить внимания при осуществлении психологического сопровождения профессионального развития сотрудников правоохранных органов.

Мороз Людмила Ивановна,
Одесский государственный университет
внутренних дел,
ведущий научный сотрудник, доктор
психологических наук, профессор.
06506, ул. Успенская, 1, Одесса, Украина

Moroz Lyudmila
Odessa State University of Internal Affairs,
leading Researcher
Doctor of Psychology, Professor,
06506, st. Uspenskaya, 1, Odessa, Ukraine,
lm29@ukr.net ,

Яковенко Сергей Иванович,
Одесский государственный университет
внутренних дел,
профессор кафедры психологии и
педагогике,
доктор психологических наук, профессор

Yakovenko Sergey
Odessa State University of Internal Affairs,
Professor of the Department of Psychology and
Pedagogy,
Doctor of Psychology, Professor,
serg_yak@ukr.net

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

PROFESSIONAL-PSYCHOLOGICAL TRAINING AT PREPARATION OF POLICE EMPLOYEES

Аннотация. Традиционные методы профессиональной подготовки не обеспечивают профессиональное направление полученных знаний и умений сотрудника полиции. Преимуществом тренинга по сравнению с традиционными методами профессиональной подготовки является наличие коллективной зоны ближайшего развития. В этой зоне, за счет совместной интеллектуальной и практической деятельности, обеспечивается репродуктивное усвоение и воспроизведение готовых стандартов профессиональных действий, а также и разработка, присвоение, осознание профессиональных действий благодаря участию в дискуссиях, ролевых играх, получению систематической обратной связи, групповой рефлексии.

Annotation. Traditional methods of professional tuition do not provide a professional referral of the acquired knowledge and skills of a police officer. The advantage of the training in comparison with the traditional methods of professional training is the existence of a collective zone of proximal development. In this zone, through joint intellectual and practical activities, reproductive assimilation and reproduction of prepared standards of professional action are ensured, as well as the development, appropriation, recognition of professional actions through participation in discussions, role plays, systematic feedback, group reflection.

Ключевые слова: профессиональная подготовка полиции, профессионально-психологический тренинг.

Keywords: professional police training, professional psychological training.

Применение тренинговых технологий в профессиональной подготовке считаются современной инновацией, хотя элементы тренинга для обучения рабочим профессиям использовал еще Ф. У. Тейлор. Термин «тренинг»

используется для обозначения широкого круга методик, основанных на различных теоретических принципах и применяется в различных сферах человеческой практики.

В XX в. этот термин получил распространение в профессиональном образовании (как разновидность обучения) и практической психологии и психотерапии (как инструмент развития человека).

Индивидуальные формы профессионального тренинга широко внедрялись в 30-е годы XX в. Широкое применение индивидуальные формы тренинга с использованием тренажеров и программируемых инструкций нашли в профессиональной подготовке операторов. Тренажеры помогали моделировать рабочие процессы с помощью механических и электронных устройств, а теперь – компьютеров [3; 7].

Практика профессионального обучения свидетельствует, что наличие алгоритмов профессиональной деятельности и очевидной обратной связи может в несколько раз ускорить обучение трудовым операциям, например, обучению стрельбе.

Для подготовки специалистов социономических профессий незаменимы групповые формы тренинга, ведь только в процессе живого общения и может происходить «формирование человека человеком».

Групповой тренинг [1] не только экономически выгоден, но и действенный благодаря взаимодействию тренеров и участников, взаимного влияния членов группы друг на друга, создание безопасной зоны ближайшего развития, групповых упражнений, ролевых игр, мозгового штурма, предоставление обратной связи и проведения групповой рефлексии.

В Украине тренинги как разновидность психологической работы, появились с середины 70-х годов, а в системе МВД – с 90-х годов. В ВУЗах МВД Украины тренинги впервые были использованы при обучении психологов работе в учреждениях исполнения наказаний и для психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности ОВД [4; 5; 6], а теперь – в

форме профессионально-психологического тренинга (ППТ) для подготовки сотрудников полиции.

Психологический, социально-психологический и ППТ имеют много общего. Во всех этих видах тренинга важно, чтобы тренер четко понимал цель тренинга и его желаемый результат, учитывал индивидуальные различия участников, характер отношений между ними, выбирал правильную методику и алгоритм работы. Для ППТ, в отличие от других видов тренинга, необходимо понимание специфики деятельности, к которой готовят участников занятий. Ключевым вопросом является подбор конкретных тренинговых упражнений, их валидность, надежность, трудность, последовательность, необходимое количество повторений, при надлежащей обратной связи [6].

Вобрав в себя элементы профессионального, психологического и социально-психологического тренинга, ППТ отличается от них целью (становление личности профессионала) и главным методом (моделирование структурных компонентов профессиональной деятельности). ППТ должен обеспечивать ступенчатое повышение мастерства – от начального уровня развития базовых качеств и формирования элементарных умений, простых алгоритмов профессиональной деятельности (речь идет об узко направленных тренингах специальных качеств и умений), до синтетических форм интегрированного тренинга (комплексное обучение), результатом которого является развитие индивидуального стиля профессиональной деятельности в особых, оперативно сложных и нестандартных ситуациях.

Для эффективного применения ППТ необходимо понимать главные факторы предполагаемых изменений. Сущность тренинга заключается в том, что его участники получают доступ к новым орудиям деятельности, перенимая их от других участников тренинга или от ведущего.

Как мы уже отмечали ранее, трансформация личности и поведения происходит сначала во «внешнем плане», с последующим «присвоением» измененных форм поведения и их переносом в практическую деятельность. Ведущий и участники тренинга действуют в специально смоделированной

реальности, вместе отыскивают варианты оптимального взаимодействия и поведения, «прорабатывают» их и доводят до надлежащего уровня, осознавая то, что они делают (ведь слова «ум» и «умение» однокоренные).

В процессе «присвоение» профессионально-психологического орудия происходит его практическая проработка и «подстройки» под пользователя. Правильно составленная программа тренинга оказывает не столько знания, сколько конкретные умения, новые качества и свойства личности.

Роль ведущего заключается в создании условий для изменений, демонстрации соответствующих образцов инновационного поведения, предоставлении обратной связи, поощрении других участников занятий к производительной рефлексии.

Важным результатом этого процесса становится изменение установок личности, как сознательных, так и бессознательных. Главным средством достижения изменений является активная деятельность участников тренинга в интерактивном обучении, упражнениях и ролевых играх, моделирующих значимые ситуации профессиональной деятельности, что позволяют экспериментировать и систематически получать обратную связь от других участников тренинга или средств видеofиксации происходившего.

Для того, чтобы будущий специалист овладел культурными орудиями профессии (методами работы, инструментами, профессиональными качествами, умениями и т.д.), его должны ознакомить с ними, раскрыть их смысл («распредметить» – по А. Н. Леонтьеву) и научить работать с ними.

Итак, в тренинге ведущий и ученик должны включиться в совместную деятельность с этими орудиями, в которой образуется «зона ближайшего развития», когда с помощью других учений приобретает новый опыт, который образует зону уже актуального развития.

Основу тренинга составляют так называемые «структурные упражнения». Наиболее распространенными формами работы при ППТ является мини-лекции, работа в малых группах, парах, «тройках», дискуссии, деловые и организационные игры, психотехнические упражнения (например, на

активизацию интеллектуального потенциала слушателей или открытое проявление ими эмоций), направленные на формирование новых знаний, убеждений, ценностей, соответствующих поведенческих умений и навыков.

Исходные принципы проектирования тренинга содержательно связаны с факторами изменений индивидуально-психологических и групповых феноменов, достижение которых зависит от эффективности выбранных средств развития личности.

Понятие целенаправленного (предполагаемого) изменения адекватно отражает цель, процесс и результат изменений, подчеркивает их осознанный характер. Названное понятие целесообразно применять и к ситуациям, не относящимся к развитию в обще принятом понимании. ППТ направлен на усвоение человеком специфических профессиональных знаний, умений и навыков, коррекцию установок, развитие личностных качеств через интериоризации особенностей профессиональной среды, объектов и особенностей взаимодействия с ним профессионала.

В результате ППТ специалист (или группа специалистов) приобретает новые свойства, достигает нового уровня самосознания и понимания профессиональной среды (социального и физического), овладевает средствами его преобразования для достижения целей профессиональной деятельности.

Принципиальное значение принадлежит правильному воспроизведению в моделируемых ситуациях существенных компонентов профессиональной деятельности, подбор психотехнических упражнений, которые способны задействовать элементы психической жизни человека (актуализированы потребности, мотивы, познавательные и регулятивные психические функции и т.д.), которые необходимы для ее осуществления.

Предоставление четких инструкций, которые делают смысл упражнения понятным, наличие объективной обратной связи и рефлексия процесса действительно делают упражнения эффективным средством выработки индивидуализированных знаний, умений и свойств человека. Это обуславливает необходимость создания в тренинге специфического учебно-

развивающей среды, учитывая требования профессиональной реальности (принцип эквивалентности – И. В. Вачков, или изоморфизма, – С. И. Макшанов), индивидуально-психологические особенности участников тренинга и создает эффекты системной детерминации психологических свойств и образований, которые должны измениться во время тренинга.

При этом учитывается и то обстоятельство, что психологические образования, возникающие в процессе интериоризации внешнего профессионального контекста, активизируют личностный и профессиональный рост, самоконтроль и, как следствие этого, влияние на деятельность, порождает та среда, которая создается в профессиональном тренинге. Она является лишь частью более широкого социального окружения, в котором протекает жизнедеятельность субъекта профессиональной деятельности. Поэтому требуется обоснованный прогноз возможностей переноса изменений, происходящих в ходе тренинга, в реальный и потенциальный профессиональный контекст.

Изменения в профессиональных и личностных характеристиках во время тренинга возможны, если объективные характеристики жизнедеятельности допускают их. Если потенциал этих изменений оказывается недостаточным для преодоления сопротивления среды, то психологические предпосылки развития профессионала остаются нереализованными.

Критериями эффективности тренинга считаются приобретенные умения (действенные знания) и психологические новообразования, которые подлежат количественному и качественному анализу, проявляются в структурной перестройке личности (осознание потребностей и мотивов, ценностей, установок, качеств и свойств).

Следует отметить, что на сегодня психологам не хватает объективных средств контроля эффективности обучения, ведь для многих умений и качеств отсутствуют надежные тесты. Поэтому результативность личностно ориентированных профессиональных тренингов Э. Ф. Зеер предлагает оценивать профессиональный и личностный рост по таким показателям, как

повышение аутопсихологической, психологической и профессиональной компетентности; готовности к изменениям, развитию, самореализации в профессиональной деятельности; осознание профессиональной перспективы и необходимости предотвращения возможной профессионально-психологической деструкции [2].

Средством контроля этих показателей может выступать мониторинг личностного и профессионального роста. Психологические изменения человека как субъекта труда происходят, прежде всего, в процессе профессионального обучения и, собственно, профессиональной деятельности. Чтобы избежать профанации при проведении тренингов, нужны качественно разработанные программы тренинга, которые прошли апробацию и экспертную оценку, сертифицированные тренеры, организационные и материальные ресурсы, в частности, место и время для обработки типовых ситуаций профессиональной деятельности.

Факторы эффективности ППТ: научная обоснованность, надлежащее организационно-методическое обеспечение занятий; информационная насыщенность; эмоциональная значимость; осмысленное использование психотехнических упражнений и других средств воздействия на тренинговые группы, которые предметно наполняют межличностное общение; систематическая оценка эффективности.

Текущий мониторинг эффективности тренинговой работы обеспечивается применением методов дидактической и психологической диагностики, групповой и экспертной оценки результатов выполнения психотехнических упражнений, моделирующих компоненты практической деятельности. Они, активизируя процессы интериоризации-экстериоризации, схематизации-конкретизации, поэтапного формирования умственных действий, упражнения, обратной связи, рефлексии, обеспечивают преобразование имеющихся ценностно-мотивационных, интеллектуальных, эмоционально-волевых, коммуникативных, исполнительных и регулятивных качеств в свойства личности.

Дальнейшие перспективы исследования мы связываем с уточнением актуальных направлений профессиональной подготовки, тематики, целей, задач, содержания тренингов, внедрением цельных тренинговых программ или их отдельных элементов в профессиональную подготовку, совершенствованием психотехнологий целенаправленного становления профессионала личностью.

1. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л., 1985. 167 с.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования. М. : Воронеж, 2003. 480 с.
3. Ковалёв Г.А. Основные направления использования методов активного социального обучения в странах запада // *Психологический журнал*. 1989. Т. 10. № 1. С. 127-136.
4. Лефтеров В.О. Психологічні тренінгові технології в органах внутрішніх справ : / Т. 1: *Методологія психотренінгу та його використання у професійно-психологічному розвитку персоналу, задіяного в екстремальних видах діяльності*. Донецьк, ДЮІ, 2007. 242 с.
5. Мороз Л. І Професійно-психологічний тренінг у становленні особистості фахівця (на прикладі працівників ОВС): монографія / Київський національний ун-т внутрішніх справ. К.: Надвірнянська друкарня, 2007. 312 с.
6. Мороз Л. І., Яковенко С. І. Професійно-психологічний тренінг : підруч. К. : ПАЛІВОДА А. В., 2011. 252 с.
7. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М. : Изд-во МГУ, 1982. 168 с.

Музыченко Диана Сергеевна
Белорусский государственный
университет, кафедра психологии
преподаватель, аспирант
220004, г. Минск, Республика Беларусь,
ул. Кальварийская, 9, кафедра психологии
БГУ
17p-holmes@rambler.ru

Muzychenko Diana
Belarusian State University, lecturer at the
department of psychology, postgraduate student
220004, Minsk, Belarus, Kalvariyskaya 9,
Department of psychology, BSU

ВИКТИМНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

VICTIMITY AS A CRITERION FOR MALADJUSTMENT OF PERSON

Резюме: Буллинг и виктимизация анализируются с позиции стратегической адаптации к среде и ситуации. Адаптивность рассматривается как критерий успешности функционирования личности. Обсуждается эволюционный подход к пониманию виктимности личности. Симптомы дезадаптации выступают в качестве индикатора мотивационной дисгармонии. Приводятся взаимосвязи между типом виктимизации и профилем дезадаптационных нарушений у подростков.

Abstract: Bulling and victimization are analyzed from the position of strategical adaptation to environment and situation. The adaptability as a criterion of the successful functioning of the person is under consideration. The evolutionary approach to understanding of person's victimity is discussed. The symptoms of maladjustment act as an indicator of motivational disharmony. Interrelations between type of victimization and profile of maladjustment disorders in adolescents are presented.

Ключевые слова: виктимизация, виктимность, буллинг, адаптивность, дезадаптационные нарушения, эволюционный подход.

Key words: victimization, victimity, bulling, adaptability, maladjustment disorders, evolutionary approach.

В психологии буллингили специфический вид агрессии в форме запугивания и издевательств традиционно рассматривается как результат неадаптивного развития. Однако традиционным представлениям противостоит точка зрения некоторых авторов, согласно которой буллинг не является расстройством поведения [9]. По мнению исследователей, буллинг, по крайней мере частично, может быть поведением, предназначенным для достижения эволюционно значимых целей, потенциальная роль которого объясняется в контексте адаптации [7]. В частности, издеательства могут быть

усовершенствованной дополнительной адаптивной стратегией, которая предоставляет некоторые преимущества для тех, кто ее осуществляет [8].

Буллинг встречается во всех обществах, в том числе древних цивилизациях и современных племенах. Он считается эволюционной адаптацией, целью которой является достижение высокого статуса и доминирования, получение доступа к ресурсам, обеспечение выживания, уменьшение стресса и получение больших возможностей для передачи своих генов [9]. Подтверждения были обнаружены среди группы вытесняемых охотников-собирателей, испытывающих чрезвычайную нехватку средств, где подростки (и даже маленькие дети) были интенсивно вовлечены в буллинг по вопросам жизненно важных физических ресурсов. Такого рода буллинг можно наблюдать и в погоне за профессиональным успехом или другими материальными ресурсами в сферах с большими возможностями и ограниченным доступом [8]. Помимо того, хулиганы встречаются во всех социально-экономических и этнических группах в отличие от диагностируемых расстройств поведения [9].

Таким образом, распространенность и универсальность издевательств может указывать на обратное: буллинг – это адаптивный и расчетливый ответ личности на социальную среду.

Эмпирическую поддержку теории обеспечивают результаты различных исследований. Прежде всего, в литературе подчеркиваются *соматические преимущества* хулиганов. Хотя нет прямых доказательств того, что издеательства стимулируют большее физическое развитие, имеются данные, что хулиганы (особенно мужского пола) имеют тенденцию быть крупными и сильными [8]. У них также отмечаются наименьшие физические или психосоматические проблемы со здоровьем. Более того, было выявлено, что хулиганы более здоровы и сильны по сравнению с детьми, не участвующими в буллинге [9].

Канадское исследование выявило связь буллинга с интенсивностью поиска партнера и сексуальной активностью [7]. Хотя вовлечение в различные знакомства является более периферическим индикатором, чем сексуальное

поведение, с точки зрения авторов, оно также отвечает цели репродуктивного успеха и, кроме того, поиску статуса. Однако авторы осторожны в интерпретациях, предупреждая, что издевательства могут быть относительно хорошим предиктором только в некоторых выборках – в более старших, так как большую часть различий данных в исследованиях объясняла переменная возраста. Ощущение собственной физической привлекательности в любом возрасте коррелирует с количеством партнеров по свиданиям. Но, если в выборке 11-18 лет оно было связано с восприятием своей способности вызывать расположение (нравиться людям) и вовлеченностью в знакомства, то среди студентов первого курса университета – с наличием сексуального опыта, большим числом сексуальных партнеров, а также предсказывало буллинг в поведении. С другой стороны, возрастная динамика корреляций только подтверждает эволюционную интерпретацию буллинга, поскольку в более старшем возрасте, когда поиск и выбор партнера становится более нормативным, поведение запугивания обнаруживает функциональность, проявляясь в рассмотренных взаимосвязях.

Другими авторами также выделяются позитивные последствия буллинга для *психического здоровья*. По данным исследований качества жизни существует взаимосвязь совершения буллинга с более высоким показателем психологического благополучия студентов в возрасте от 18 лет и старше. Опыт осуществления вербального и реляционного буллинга в период обучения в школе и колледже также связан со значительно более высокой оценкой качества жизни в области социальных отношений [6]. По мнению исследователей, повторяющийся и последовательный паттерн поведения хулиганов отражают лежащие в основе агрессивные черты личности в сочетании с отличными вербальными и межличностными навыками (навыки общения, умение ладить с людьми, коммуникабельность), которые позволяют им участвовать в вербальном и реляционном буллинге.

Издевательства непосредственно связаны с такими положительными психологическими характеристиками, как способность понимать мысли и

чувства других, когнитивная эмпатия, социальная компетентность и самооффективность [8]. Было обнаружено, что хулиганы (но не хулиганы/жертвы) весьма популярны и часто являются компетентными манипуляторами и лидерами [9]. Хулиганы могут заставить других присоединиться (посмеяться, дразнить, ударить, распространять слухи), как в качестве свидетелей, так и подручных. В продольных исследованиях о хулиганах известно не много, но в тех случаях, где это удалось изучить, не было выявлено, что они подвержены повышенному риску каких-либо психических или общих проблем со здоровьем. Вместе с тем хулиганы могут быть девиантными и вероятнее склонны быть менее образованными и оказаться безработными, в дальнейшем проявить антиобщественное поведение и быть обвиненными в серьезном преступлении, краже со взломом или незаконном употреблении наркотиков. Однако отмечается, что при анализе данных многие из влияний осуществления буллинга на делинквентность могут исчезнуть при контроле переменных других неблагоприятных семейных обстоятельств.

Пик проявления буллинга отмечается в подростковом возрасте, что связано с активной социализацией как ведущей направленностью возрастного этапа. Возникающие новые задачи функционирования повышают требования к адаптационному потенциалу. Нахождение в среде сверстников обнаруживает столкновение интересов в реализации своих потребностей, выявляет личные преимущества и дефициты. Успешность адаптации актуализирует расстановку социальной иерархии и определение своей роли относительно других сверстников. Таким образом, социализация представляет собой приспособление личности к определенной роли (статусу), что обычно происходит в соответствии с объективными возможностями.

Исследователями неоднократно подчеркивалось, что виктимизация связана с различными симптомами дезадаптации. В ранее предпринятом нами исследовании была сделана попытка проследить основные взаимосвязи между типом виктимизации и профилем дезадаптационных нарушений у подростков [1]. Согласно полученным данным, склонность к зависимому и беспомощному

поведению обнаруживает прямую связь со снижением интегрального показателя *личностного адаптационного потенциала*, в частности с такими его компонентами как *поведенческая регуляция коммуникативный потенциал*, что указывает на трудности регуляции своего взаимодействия со средой, а также затруднение в построении контактов с окружающими. Помимо того, зависимость и беспомощность коррелирует с возрастанием в личностном профиле акцентуированности черт и самоуничижением, что проявляется в тенденции к подчеркиванию дефектов своего характера и существующих проблем при выполнении теста, что также служит признаком отсутствия гармонии и психологического комфорта. Напротив, некритичное виктимное поведение отличает желание представить себя в более выгодном свете.

Агрессивную, самоповреждающую и некритичную модели виктимизации характеризует тенденция к снижению *морального потенциала* в адаптации как отсутствие стремления соблюдать общественные нормы поведения. В то же время при гиперсоциальном поведении виктимизирующая адаптация осуществляется за счет исключительного приоритета руководства моральной нормативностью и ориентацией на соблюдение общепринятых правил. Склонность к агрессивному поведению поддерживается снижением *социальной желательности* и возрастанием черт *истерии*, то есть желаний личности обратить на себя внимание окружающих, характеристик эмоциональной лабильности, вытеснения сложных психологических проблем, социальной незрелости. Наиболее сильная взаимосвязь с ростом *психотических реакций* наблюдается при склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению наряду с подъемом по шкале *дезадаптационных нарушений*, отражающей невыраженные посттравматические стрессовые реакции и другие донозологические расстройства, еще не являющиеся при этом клиническим диагнозом.

Эволюционная объяснительная парадигма всегда сопряжена с рассмотрением вопросов генетики и роли наследственных характеристик. Продольное близнецовое исследование экологического риска с участием 1116

пар близнецов (2232 человек), родившихся в 1994-1995 годах в Англии и Уэльсе выявило, что в виктимизации детей на *генетические факторы* приходится более двух третей индивидуальных различий (73%) и лишь 27% рассматривается как «*необщие*» *параметры окружающей среды* (опыт, который уникален для каждого близнеца и влияет на каждого ребенка по-разному) [4]. Последнюю группу влияний составляют уникальные группы дружбы, случайные факторы и неудачи (несчастья), такие семейные факторы как дифференцированное материнское обращение (уход, забота), специфический опыт дома или в школе. Необходимо отметить, что генетические факторы имеют особое значение в отношении виктимизации со стороны сверстников, тогда как злоупотребление со стороны взрослых, как и восприимчивость детей к жестокому обращению, такой связи не обнаруживает, коррелируя с характеристиками агрессора или ситуации.

Результаты метааналитических обобщений свидетельствуют, что у тех, над кем издевались, обнаруживается больше симптомов социальной тревожности интернализации (как в качестве следствия виктимизации, так и ее прогностического параметра). Виктимизация взаимосвязана с возникновением эмоциональных нарушений и депрессивных симптомов серьезной степени, развитием пограничного расстройства личности, повышенным риском психотического опыта с возрастом (галлюцинаций или бреда). В продольных исследованиях установлено, что дети, которые стали жертвами издевательств, имеют плохое общее состояние здоровья и более медленное восстановление после болезней, подвергаются более высокому риску психосоматических нарушений и проблем со сном [9]. Жертвы также демонстрируют плохую адаптацию в школе и сообщают о более негативном восприятии школьного климата по сравнению с хулиганами и не вовлеченной в буллинг молодежью. По данным продольных исследований, пострадавшие испытывали больше затруднений в решении проблем или сохранении дружбы и менее вероятно, жили с партнером и имели социальную поддержку.

В связи с негативным эмоциональным фоном, сопровождающим ситуацию виктимизации, отмечается высокий риск самоповреждения, суицидальных мыслей и попыток. Отрицательные эмоции здесь выступают не только как индикатор мотивационной дисгармонии, но и выполняют регулируемую функцию для сообщества. С точки зрения эволюционной психологии, суицидальные тенденции хронически депрессивных субъектов представляют собой процессы внутривидового саморегулирования. Помимо того, в качестве результате одного из механизмов эволюции, опасность регрессии вида контролируется сцеплением склонности к пассивно-оборонительному поведению (отказу от поиска выхода из сложившейся ситуации) с подверженностью патологическим изменениям сердечно-сосудистой системы и др. психосоматике [3]. Качество состава популяции совершенствуется за счет элиминирования особей, плохо адаптирующихся в определенных условиях существования.

Предпринятое нами исследование фокусируется на анализе мотивационно-ценностных особенностей виктимной личности. Согласно полученным результатам были отражены характерные противоречия или конфликты потребностей, определяющие каждый из типов виктимного поведения в подростковом и юношеском возрасте [2]. Виктимность как специфический способ функционирования и межличностного взаимодействия может быть понята в качестве средства (или условия) достижения удовлетворения значимых потребностей, создающего уязвимость по отношению к активности социального окружения. Дополнительной задачей исследования является определение адаптивных ценностей и мотивации для современных лиц юношеского возраста.

В настоящее время могут быть обозначены новые грани в рассмотрении личностной виктимности. О более широком понимании процессов виктимизации говорит появление лонгитюдных исследований жизненных траекторий лиц, подвергшихся виктимизации. На наш взгляд, актуальным является смещение акцента с рассмотрения симптомокомплекса

непосредственных последствий опыта виктимизации к целостному анализу способа функционирования личности и дальнейшей жизненной стратегии. В свою очередь, эволюционный подход дает возможность расширения фокуса изучения от особенностей личности агрессора или профиля жертвы, появления которой выжидает преступник, к функциональному пониманию всего явления.

Однако предполагается, что буллинг является дополнительной адаптацией, которая проявляется только при определенных условиях окружающей среды. Издевательства, как и любое поведение, сопряжены с издержками и выгодами. В ответ на определенную среду подростки могут принимать стратегии, позволяющие получать более прямые и немедленные вознаграждения [8]. При различных материальных и психологических обстоятельствах может быть сделан разный выбор.

Для полного понимания буллинга и виктимизации требуется постановка явления в более широкий контекст *среды* и *ситуации*, в которой эта конкуренция происходит. В разрабатываемом нами исследовании в целях предупреждения абсолютизирующей интерпретации роли личностных факторов в виктимизации рассматриваются дополнительные переменные. Согласно экологической модели понимания виктимизации [5], на феномен оказывают влияние факторы с нескольких уровней, представляющих связанный набор систем. В собранном наборе данных уровень *микросистемы* отражает информация о людях, с которыми человек регулярно взаимодействует (значимых других, с которыми он поддерживает отношения). Уровень *экзосистемы* как включенность в более многочисленное сообщество отражают данные об учреждении образования (школа, ПТУ, колледж) и получаемой специализации, статусе семьи (полная/неполная), специфике профессиональной занятости родителей. *Макросистема* как уровень окружающей среды, формируемой политикой, культурными практиками и нормами представлена информацией о месте жительства респондента (город, поселок городского типа, сельский населенный пункт), с целью чего в исследуемой нами выборке были охвачены разные районы Минской области.

В связи с неуспешностью ряда программ интервенции в работе по предотвращению буллинга в молодежной среде, что обсуждается многими авторами, перспективу вмешательств могут составить некоторые альтернативы. Во-первых, переориентация внимания с психопрофилактики отрицательных эмоций у пострадавших на целенаправленное формирование потребностей, мотивов, ценностей. Во-вторых, внедрение более целесообразных дисциплинарных последствий для издевательств, повышая тем самым «издержки» и снижая предполагаемые «выгоды» и социальные награды.

1. Музыченко, Д.С. Адаптационный потенциал личности, склонной к виктимному поведению в подростковом возрасте / Д.С. Музыченко // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. Вып. 7. в 2-х ч. Ч. 2. / Центр учебной книги и средств обучения РИПО; редкол.: О.С. Попова (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИПО, 2017. С. 141–149.

2. Музыченко, Д.С. Мотивационно-ценностный профиль виктимной личности в юношеском возрасте / Д.С. Музыченко // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. в 2-х ч. Ч. 1. Вып. 6. / Центр учебной книги и средств обучения РИПО; редкол.: О.С. Попова (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИПО, 2016. С. 195–203.

3. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. М.: Наука, 1981. 215 с.

4. Ball, H.A. Genetic and environmental influences on victims, bullies and bully-victims in childhood / H.A. Ball, L. Arseneault, A. Taylor, B. Maughan, A. Caspi, T.E. Moffitt // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. Vol. 49, №. 1. P. 104–112. doi: 10.1111/ j.1469-7610.2007.01821.x

5. Chantal, P.T. Revictimization advancing theory and method : dissertation in psychology / P.T. Chantal ; Georgia State University. USA., 2007. Режим доступа http://scholarworks.gsu.edu/psych_diss/28. [Дата доступа: 19.11.2017]

6. Chen, Y.Y. Precollege and in-college bullying experiences and health-related quality of life among college students / Y.Y. Chen, J.H. Huang // Pediatrics. 2015. Vol. 135, №. 1. P. 18–25. doi: 10.1542/peds.2014-1798

7. Volk, A.A. Adolescent bullying, dating, and mating: testing an evolutionary hypothesis / A.A. Volk, A.V. Dane, Z.A. Marini, T. Vaillancourt // Evolutionary Psychology. 2015. Vol. 13, №.4. P. 1–11. doi: 10.1177/1474704915613909

8. Volk, A.A. Is Adolescent bullying an evolutionary adaptation? / A.A. Volk, J.A. Camilleri, A.V. Dane, Z. A. Marini // *Aggressive Behavior*. 2012. Vol. 38, № 3. P. 222–228. Doi : 10.1002/ab.21418

9. Wolke, D. Long-term effects of bullying/ D. Wolke, S.T. Lereya // *Archives of Disease in Childhood*. 2015. Vol. 100, № 9. P. 879–885. doi: 10.1136/archdischild-2014-306667

УДК 159.9 : 331

Перков Артем Александрович
ФГКОУ ВО «Орловский юридический
институт МВД России имени В.В.
Лукьянова» Преподаватель кафедры
уголовного права, криминологии и
психологии
Россия, Орловская область, г. Орёл, пер.
Артельный, д. 4, кв. 1. Индекс: 302023.
artperk@mail.ru

Perks Artem
FSEE «Orel law Institute of Ministry of
internal Affairs of Russia named after V. V.
Lukyano» Lecturer of criminal law,
criminology and psychology
Russia, Orel region, Orel, per Eng, d. 4, sq
1. Postal code: 302023.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ КАК ЗНАЧИМАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОТРУДНИКА ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ

OBSERVATION AS AN IMPORTANT PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TRAFFIC POLICE

Аннотация: профессиональная наблюдательность остается одной из самых не исследованных тем в психологии труда сотрудника ОВД. Вместе с тем, растет количество специалистов, которые утверждают, что потеря бдительности и рассеянное внимание становятся причиной ранений и гибели сотрудников при решении оперативно-служебных задач. В статье дан обзор точек зрения на феномен профессиональной наблюдательности.

Abstract: professional observation remains one of the most not researched topics in the psychology of labor of a bodies of internal affairs officer. At the same time, there is a growing number of specialists who say that loss of vigilance and distracted attention are the cause of injuries and death of employees in solving operational and service problems. The article reviews the points of view on the phenomenon of professional observation.

Ключевые слова: наблюдательность; опасность; общение; личная безопасность; наблюдение.

Key words: observance; danger; communication; personal safety; observation.

Переход к компетентностному подходу в подготовке специалистов для органов внутренних дел требует пересмотра имеющихся методов и форм обучения. В первую очередь необходимо учесть тот факт, что специалист, подготовленный с использованием такого подхода, должен не только обладать

совокупностью знаний, умений и владений, но и уметь решать имеющиеся служебные задачи, гибко приспосабливаясь к складывающимся обстоятельствам.

Этой цели невозможно добиться без формирования у сотрудника Госавтоинспекции базовых профессиональных компетенций, которые в совокупности составляют профиль компетенций специалиста. Имеющиеся исследования в интересующей нас области, проводимые такими учеными, как Б. Г. Бовина, В. Л. Васильев, М. Г. Дебольский, А. Т. Иваницкий, И. О. Котенев, М. И. Марьина, Н. В. Мартиросова, Н. И. Мягких, В. Е. Петров, М. В. Пряхина, А. Д. Сафронов, А. М. Столяренко, Ю. А. Шаранова, А. Г. Шестаков, В. Н. Смирнова, А. В. Гайнуллина и др., дают основания утверждать, что такая компетенция, как профессиональная наблюдательность является важным слагаемым эффективности деятельности сотрудника полиции.

Профессиональная наблюдательность, то есть способность длительное время сохранять устойчивое внимание, несмотря на усталость и посторонние раздражители, умение распределять внимание при выполнении нескольких действий, функций, задач, умение выбирать при наблюдении данные (информацию), необходимые для решения поставленной задачи [1, с. 120-125].

Главным в наблюдении является умение визуально или с помощью аудиальных каналов восприятия информации подмечать те или иные изменения в наблюдаемом явлении, связывать их с другими явлениями и делать логические выводы. В основу развития наблюдательности у сотрудников ГИБДД должны быть положены принципы целенаправленности, систематичности и планомерности.

В ОрЮОИ МВД РФ имени В.В. Лукьянова в рамках проведения занятий по дисциплинам «Социально-психологический тренинг профессионального общения», «Психология», «Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел» на практических занятиях используются упражнения, позволяющие оценить уровень наблюдательности у курсантов.

В результате проведенного нами исследования, мы можем сделать вывод о том, что у курсантов 3 курса факультета подготовки специалистов ГИБДД уровень наблюдательности не является достаточным для осуществления профессиональных функций. Так, при проведении занятия в учебной группе факультета подготовки специалистов ГИБДД, состоящей из 25 человек, использовались упражнения, разработанные доктором психологических наук, профессором, Л. А. Регуш [2] для оценки уровня наблюдательности. По итогам занятия 19 человек набрали количество баллов, соответствующее среднему уровню развития навыка и 6 – низкому уровню.

Необходимо отметить, что наблюдательность – это профессионально значимое качество для сотрудника Госавтоинспекции, поэтому средний уровень его развития не является желательным. В рамках практических занятий по указанным дисциплинам курсантами выполнялись задания, которые способствовали развитию наблюдательности, но отведенного времени в рамках перечисленных курсов явно не достаточно для формирования навыка. Развитию такой значимой компетенции необходимо уделять больше времени, возможно, в рамках специально организованных тренингов или курсов.

Таким образом, формирование у курсантов компетенции целенаправленной наблюдательности позволит будущим полицейским эффективно выполнять свои профессиональные обязанности по обеспечению безопасности на дорогах и обеспечить личную безопасность на основании прогнозирования поведения партнеров по коммуникации. Новые требования и образовательные стандарты требуют уделять больше времени на отработку практической составляющей компетентности сотрудника Госавтоинспекции путем проведения тренингов, моделирования ситуаций профессиональной деятельности. Данный подход позволит подготовить профессионала, который сможет решать сложные профессиональные задачи.

1. Гайнуллина А.В. Профессиограмма и психограмма инспектора дорожно-патрульной службы ГИБДД. Психопедагогика в правоохранительных органах. № 2. (39). 2012г.

2. Регуш Л.А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. 2-е изд., переработанное и дополненное. СПб. : Питер, 2008. 208 с.: ил. (Серия «Практикум по психологии»).

УДК 159.922.763

Поляков Алексей Михайлович
Белорусский государственный
университет, кафедра психологии, доцент
кандидат психологических наук, доцент
220004 ул. Кальварийская, 9 Минск
Беларусь
polyakov.bsu@gmail.com

Polyakov Alexey
Belorussian State University
Assistant Professor
Doctor of Science in Psychology
220004 Kalvariyskaya st., 9 Minsk
Belarus

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ У
ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ**

**SYMBOLIC MEDIATION OF SOCIAL INTERACTION IN SCHOOLCHILDREN WITH
LEARNING DISABILITIES AS A FACTOR OF WARNING OF SOCIAL
DEZADAPTATION**

Резюме. В статье обсуждаются типичные для школьников с задержкой психического развития проблемы социальной адаптации. Их возникновение связывается с нарушениями построения субъект-субъектных отношений и освоения ценностно-смыслового поля культуры. В качестве основной культурной формы, опосредствующей развитие субъект-субъектных отношений и ценностно-смысловой сферы личности, рассматривается символ. Освоение школьниками с задержкой психического развития символических форм медиации способствует становлению психологических механизмов преодоления и предупреждения различных типов социальной дезадаптации.

Abstract. The article discusses the problems of social adaptation typical for schoolchildren with learning disabilities. Their occurrence is associated with disturbance of the construction of subject-subject relations and the development of the values field of culture. A symbol is considered as a basic cultural form, mediating the development of subject-subject relations and the values sphere of the individual. The development of using of symbolic forms of mediation by schoolchildren with a learning disabilities contributes to the development of psychological mechanisms for overcoming and preventing various types of social desadaptation.

Ключевые слова: школьники, социальная дезадаптация, задержка психического развития, субъект-субъектные отношения, символическая медиация.

Key words: schoolchildren, social desadaptation, learning disabilities, subject-subject relations, symbolic mediation.

Проблемы интеграции школьников с задержкой психического развития (ЗПР) в общество проявляются в разных сферах их жизнедеятельности: в проблемах школьной успеваемости, общения со сверстниками, сотрудничества

со взрослыми и сверстниками, обучения и профессиональной подготовки, в нарушениях поведения и др. [2; 4-15]. Специфика социального взаимодействия детей с ЗПР проявляется также в их социальной дезадаптированности. Дети с ЗПР, в особенности на этапе подросткового возраста, в силу своей неспособности самостоятельно организовать свое социальное поведение и взаимодействие с другими людьми, требующее «гибкого» учета ситуативных изменений, с одной стороны, и собственных интересов – с другой, оказываются зависимыми от интеллектуально более развитых сверстников или взрослых [7; 10; 13].

Проблемы отмечаются и в отношении перспектив взросления детей с ЗПР. Так, в будущем они могут проявляться в трудностях формирования учебных и профессиональных навыков, злоупотреблении психоактивными веществами, возникновении антисоциального расстройства личности, жестокости, демонстративности, несоблюдении социальных правил и других поведенческих проблем, а также эмоциональных нарушениях – тревожности, депрессии, ухода в себя.

И. А. Коробейников указывает, что отдаленные проблемы социализации лиц с ЗПР представляют собой серьезную социальную и экономическую проблему, так как их психологические особенности определяют низкий уровень социального и профессионального функционирования, проблемы в построении межличностных отношений и поддержании здорового образа жизни, а следовательно увеличивают затраты общества [7]. Однако изучение отдаленных последствий ЗПР в период взрослости в зарубежной психологии еще только начались, а в отечественной – практически отсутствуют.

Нарушения поведения, трудности в социальной адаптации и учебной деятельности, которые отмечаются у школьников с ЗПР, говорят, с одной стороны, о проблемах освоения социокультурных норм и ценностей, регулирующих социальное поведение личности, а с другой – о проблемах сотрудничества и построения субъект-субъектных отношений, как со сверстниками, так со взрослыми. В силу этого, проблемы социальной

адаптации и социализации личности напрямую связаны с освоением содержания социокультурных эталонов деятельности – смыслов, мотивов, отношений, ценностей – определяющего как осознание собственного субъектного опыта, так и опосредствующего взаимодействие и отношения с другими людьми. Данное содержание культурного опыта представлено с помощью символических форм, что ставит перед нами проблему их освоения детьми с ЗПР [13; 14].

Именно понимание специфики развития символической медиации у рассматриваемой категории детей позволит выйти на раскрытие механизмов возникновения и преодоления проблем субъект-субъектного взаимодействия в многообразных их проявлениях, от трудностей освоения опыта взрослого в обучении до социальной дезадаптации в группе сверстников.

Л. С. Выготский в «Основах дефектологии» высказывает мысль о том, что при недостаточности натуральных психических функций у умственно отсталого ребенка компенсаторным путем развития для него может послужить опора на формирование высших функций [3]. Последние, как мы знаем, есть функции социальные, изначально «разделенные на двоих», и кроме того – функции сознания, опосредованные применением культурных орудий — знаков, слов, символов и др.

Следовательно, опора, обеспечивающая компенсацию психического недоразвития, находится не «внутри» деятельности, а скорее в сфере субъект-субъектных отношений и сознания.

Однако конкретная разработка форм, возможностей и методов реализации данного компенсаторного механизма при всей его важности осталась незавершенной в специальной и медицинской психологии.

При изучении данного практического аспекта возникают вопросы об особенностях онтогенетического развития сферы интересубъектных отношений и ее осознания у детей с ЗПР, условиях, способствующих их нормальному развитию, особенностях использования культурных медиаторов, участии в этом самого ребенка.

1. Адеева Т.Н. Социальная ситуация развития и актуальные направления воспитания детей с задержкой психического развития. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2014. Том 20. № 1. С. 95-98.
2. Беткер Л.М. Система помощи детям с задержкой психического развития. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2007. № 3(30). С. 59-62.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Под ред. Т.А. Власовой. М.: Педагогика, 1983. Т.5. Основы дефектологии. 368 с.
4. Гаврилушкина О.П., Малова А.А., Панкратова М.В. Проблемы социальной и коммуникативной компетентности дошкольников и младших школьников с трудностями в общении. *Современная зарубежная психология*. 2012. Том 1. № 2. С. 5-16.
5. Ефимова Д.В. Особенности развития толерантности у подростков с задержкой психического развития. *Интеграция образования*. 2009. № 3. С. 92-97.
6. Кисова В.В., Семенов А.В. Сотрудничество как психолого-педагогическое условие социализации дошкольников с задержкой психического развития. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12. С. 882-886.
7. Коробейников И.А. Нарушения развития и социальная адаптация. М.: ПЕР СЭ, 2002. 192 с.
8. Красильникова Е.Д., Никольская И.М. Психологические характеристики семей, воспитывающих детей с различными вариантами нарушения психического развития [Электронный ресурс]. *Клиническая и специальная психология*. 2012. № 4. Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57308.shtml>. [Дата доступа: 07.07.2016.]
9. Ларионова С.О. Вторичная профилактика девиантного поведения детей с задержкой психического развития. *Специальное образование*. 2013. № 2. С. 62-71.
10. Лебединская К.С., Райская М.М., Грибанова Г.В. Подростки с нарушениями в аффективной сфере. М.: Педагогика, 1988. 168 с.
11. Мэш Э., Вольф Д. Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
12. Омарова П.О. Социализация детей с задержкой психического развития. *Известия ДГПУ*. 2007. № 1. С. 44-51.
13. Поляков А.М. Программа психологической коррекции субъект–субъектного взаимодействия и развития символической функции сознания у школьников с трудностями в обучении. *Специальная адукацыя*. 2017. № 1. С. 3-17.
14. Поляков А.М. Субъект и символ. Минск: БГУ, 2014. 255 с.
15. Триггер Р.Д. Психологические особенности социализации детей с задержкой психического развития. СПб. : Питер, 2008. 192 с.

УДК 005.32.(07)

Пономарева Марина Авинировна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, доцент, кандидат психологических наук, доцент

220007, Московская, 17, Минск, Беларусь

Ponomareva_Marina@tut.by

Ponomareva Marina

Academy of management under the President of the Republic of Belarus, associate Professor, candidate of psychological Sciences, associate Professor

220007, Moscow, 17, Minsk, Belarus

ЭМПАТИЯ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНОЕ КАЧЕСТВО СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

EMPATHY AS PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Резюме: в статье автор рассматривает эмпатию как профессионально важное качество сотрудников правоохранительных органов. В работе проанализированы основные компоненты эмпатийного процесса: когнитивный, эмоциональный и коннотативный. В статье представлены результаты эмпирического исследования, обозначены перспективные направления повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Abstract: in this article the author considers empathy as professionally significant quality of law enforcement officers. The paper analyzed the main components of the empathic process: cognitive, emotional and connotative. The article presents the results of the empirical research outlines promising directions of increase of efficiency of professional activity of law enforcement officers.

Ключевые слова: эмпатия, сопереживание, межличностная коммуникация эмоциональная идентификация, личностная рефлексия.

Key words: empathy, empathy, interpersonal communication emotional identification, personal reflection.

В настоящее время деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с высоким уровнем социальной ответственности за результаты труда. Динамичность содержания решаемых профессиональных задач, интенсивность инновационных процессов и мобильность трудовых ресурсов, повышенные требования к обеспечению безопасности – все перечисленные факторы определяют специфику современной профессиональной жизни сотрудников правоохранительных органов.

Для эффективной коммуникации характерно достижение взаимопонимания партнеров, чему способствуют определенные отношения: эмоциональная и личностная открытость, психологический настрой на актуальное состояние собеседника, доверительность, искренность выражения

чувств и состояний. Одним из основных феноменов и механизмов регуляции межличностных отношений и является эмпатия – сопереживание, способность понять внутренний мир другого человека, умение постичь его эмоциональное состояние.

Эмпатия является эффективным средством раскрытия и усвоения внутреннего смысла нравственных отношений, феноменом межличностного контакта. В процессе эмпатического взаимодействия формируется система ценностей, которая в дальнейшем определяет поведение личности по отношению к другим людям.

Таким образом, эмпатия является профессионально значимым качеством, обеспечивающим повышение эффективности профессионального общения и психологического воздействия в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Эмпатия – системное образование, которое включает в себя следующие компоненты: когнитивный (понимание эмоционального состояния другого человека), эмоциональный (сопереживание или сочувствие, которые испытывает субъект к другому лицу), конативный (стремление к помощи объекту эмпатии). Когнитивный компонент характеризуется постижением «личностных смыслов» другого человека, способностью видеть мир его глазами. Воспринимая внешнюю экспрессию и поведенческие реакции объекта эмпатии, эмпатизирующий определенным образом осмысливает поступающую информацию, т.е. приписывает конкретную социальную роль, которая организует совокупность воспринимаемой информации в познавательную структуру. Эмоциональный компонент эмпатического взаимодействия предполагает восприятие субъектом эмпатии эмоций эмпатизируемой личности, передаваемых по каналам межличностной коммуникации и активное воспроизведение воспринимаемых переживаний в собственной психике. Конативный компонент включает комплекс коммуникативных средств, используемых партнерами общения для внешнего выражения своих

психических состояний, которые, в конечном счете, воплощаются в активных поведенческих реакциях помощи и содействия объекту эмпатии.

Полный эмпатический процесс включает в себя сопереживание, сочувствие и содействие. Однако наблюдаются и усеченные формы эмпатии – сопереживание или сочувствие, если при положительной установке на других людей у субъекта была развита только эмоциональная идентификация или личностная рефлексия. Действенный компонент эмпатии проявляется при более высоком уровне нравственного сознания личности и при наличии адекватного социального опыта.

Эмпатийный процесс можно представить в виде модели: сопереживание – сочувствие – импульс к содействию – реальное содействие. Функционирование каждого звена обеспечивается соответствующим психологическим механизмом или сочетанием механизмов. Эмпатийный процесс базируется на функционировании человеческой потребности – потребности в другом человеке. Эмпатогенная ситуация вызывает эмоциональное заражение, «запускающее» эмоциональную идентификацию с объектом эмпатии, которая представлена субъекту в качестве сопереживания, т.е. переживание аналогичных эмоций другого.

Включение в процесс когнитивных элементов, вызываемое желанием разобраться в ситуации, ослабляет идентификацию, способствуя тем самым переходу на свою собственную позицию, а также переход ко второму этапу процесса – сочувствию. Сочувствие, таким образом, является уже эмоционально-когнитивным единством, в отличие от первого звена – чисто эмоционального. Сочувствие и анализ ситуации вызывают импульс к содействию, к «помогающему» поведению, а результатом эмпатийного процесса, по которому можно судить о характеристиках отдельных его звеньев, является реальное содействие.

Эмпатия может рассматриваться как коммуникативный навык – способность сообщать о собственных переживаниях и/или понимании другого человека.

С целью выявления особенностей развития эмпатии у сотрудников правоохранительных органов была использована методика В. В. Бойко «Ваши эмпатические способности». В качестве испытуемых выступили 58 сотрудников правоохранительных органов организаций г. Минска. Испытуемые имели стаж работы 5 – 6 лет.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что среди сотрудников 30% (12 чел.) проявили низкий уровень эмпатии, 66% (44 чел.) – средний, 4% (2 чел.) – высокий. Наибольшее развитие у работников получили шкалы: «Идентификация в эмпатии» ($M = 4,21$) и «Интуитивный канал» ($M = 4,24$). Это указывает на стремление испытуемых к личным контактам, желание понять другого на основе сопереживания, чему способствует постановка себя на место партнера. Сотрудники умеют оценивать поведение другого в условиях дефицита информации о нем, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании.

Рациональный канал эмпатии у испытуемых развит недостаточно ($M=3,02$). Это свидетельствует об отсутствии спонтанного интереса к окружающим, низком уровне направленности мышления на понимание состояния другого. Возможно, это обусловлено тем, что испытуемые располагают некоторым опытом, который детерминируется полученным образованием и, хотя и небольшим, стажем работы. Они пытаются строить взаимоотношения, создавая личные нестереотипные стратегии поведения, ошибочно полагая, что рациональное осмысление внутреннего состояния другого человека может быть замещено другими каналами получения информации.

Таким образом, на основании результатов проведенного исследования, можно сформулировать некоторые выводы. Для повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов целесообразно проводить целенаправленную работу, направленную на развитие эмпатии. Эмпатия как феномен коммуникации предполагает переживание за благополучие других; умение представить себя на месте другого; участливое отношение к переживаниям других; способность переживать то, что чувствуют

другие; способность быстро замечать переживания людей; умение представить состояние другого. Это позволит регулировать взаимоотношения между людьми и способствует оптимизации отношений в коллективе.

УДК 159.99:32.019.51

Прудкая Людмила Николаевна
Одесский государственный университет
внутренних дел, доцент кафедры
психологии и педагогики, кандидат
психологических наук
65000, Успенская 1, Одесса, Украина
13adul77@gmail.com

Prudkaya Lyudmila
OdessaStateUniversityofInternalAffairs,
Associate Professor of the Department of
Psychology and Pedagogy, PhD (psycho.)
65000, Ukraine, Odessa, Uspenskayastr., 1

РОЛЬ СМИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ

THE ROLE OF THE MEDIA IN THE ACTIVITIES OF THE NATIONAL POLICE

Резюме: В статье рассматриваются средства массовой информации как необходимый общественный институт, обеспечивающий двустороннюю связь правоохранительных органов с общественностью и институтами гражданского общества. Раскрывается роль СМИ в подаче и распространении информации о совершенных преступлениях и о состоянии преступности в целом, а также их непосредственное влияние на формирование общественного мнения об имидже полиции.

Abstract: The article considers the mass media as a necessary public institution, which ensures the two-way communication of law enforcement bodies with the public and institutions of civil society. The role of the media in the filing and dissemination of information about crimes committed and the state of crime as a whole, as well as their direct influence on the formation of public opinion on the image of the police, is disclosed.

Ключевые слова: средства массовой информации, общественные организации, полиция, общественность, общественное мнение, имидж полиции.

Keywords: mass media, public organizations, the police, the public, public opinion, the image of the police.

Сегодня в Украине информационно-коммуникационное пространство привлекает к себе достаточно большое внимание. Качественно оптимальной средой для функционирования и развития общественных отношений и процессов является именно средства массовой информации, роль и влияние которых растет в современном украинском обществе.

Будучи незаменимым источником информационного обеспечения общественности и выступая необходимым общественным институтом, который обеспечивает двустороннюю связь правоохранительных органов с общественностью, институтами гражданского общества, средства массовой информации выполняют не только социально значимую, но и функциональную роль в профессиональной деятельности Национальной полиции Украины, включая систематическое освещение различных аспектов ее функционирования.

К основным направлениям взаимодействия правоохранительных органов со СМИ относят: формирование общественного мнения по вопросам борьбы с преступностью; углубление правовой осведомленности населения; информирование о деятельности правоохранительных органов; обеспечение раскрытия и расследования преступлений; профилактика правонарушений [1].

Общественное мнение, официально признано одним из основных критериев деятельности полиции. Так, в п. 3 ст. 11 Закона Украины «О Национальной полиции» определено, что уровень доверия населения к полиции является основным критерием оценки эффективности деятельности органов и подразделений полиции [2].

Нет сомнения, что без учета общественного мнения, условий ее формирования невозможно завоевать доверие людей, привлечь общественность к профилактике преступности и борьбы с ней. Общественное мнение - реакция членов общества на социальные, политические и духовные процессы, на события и отношение к ним.

Отношение значительного числа граждан к правоохранительным органам определяется, в первую очередь, тем, как они осознают роль полиции в обществе. Обобщенное отношение к полиции, можно условно определить, как:

- 1) положительное, доброжелательное (воспринимает полицию как социальный институт, который обеспечивает законность и правопорядок в обществе);

2) отрицательное (выражает в основном контингент с криминальным прошлым или тот социальный слой, который негативно относится к государству и его правоохранительным органам);

3) нейтральное (из-за отсутствия личного опыта и взаимоотношений с работниками полиции).

В свою очередь общественное мнение во многом формируется не только при непосредственном участии подразделений Национальной полиции в решении проблем граждан, сколько под влиянием средств массовой информации.

Формируя общественное мнение, используют различные методы. Не все из них являются честными. Есть много путей для обмана, известных как пропаганда:

1. Наклеивание ярлыков. Оно может быть положительным и отрицательным. (Например, «Еще один работник Национальной полиции» погорел «на взятке»)

2. Звучащие выражения. Когда определенные события сопровождаются расплывчатыми эмоциональными понятиями «возбужденная толпа» или «толпа разъяренных титушек».

3. Переключение или отвлекание. Общество не терпит информационного вакуума, поэтому чтобы отвлечь аудиторию от одной информации, необходимо переключить ее внимание на другую, поданную в максимально сенсационном виде.

4. Свидетельство. Это очень эффективный прием, особенно в рекламных целях, когда известных публичных людей (артистов, певцов, спортсменов и др.) используют в качестве стимулирования и привлечения к определенному объекту (продукту, услуге и др.) Это своеобразное манипулирование доверием.

5. Простота. «Я такой же человек, как и вы» – несмотря на высокий статус.

6. Примыкайте к большинству. Обработка тех, кто колеблется, так, чтобы они перешли к большинству.

7. Подтасовка. Подача фактов только одной стороной события, по сути, замалчивая другие факты или мысли, из-за чего отображается необъективная картина произошедшего.

В итоге мы имеем дело с искажением и неправильным освещением сути событий и фактов, происходящих.

8. Эмоциональные стереотипы. Использование представлений всех видов (коррупцированный чиновник, богатый иностранец и т.д.).

9. Умалчивание. Это приемы «тонкой» пропаганды, такие как намеки, предположения, инсинуации и др.

10. Уничтожение с помощью риторики. Дискредитация мотивов личности для обесценивания идеи. [3, с. 38] (Например, можно заявить, что задержанного отпустили, так как он является родственником руководителя местного подразделения полиции).

Средства массовой информации выражают и формируют общественное мнение, которое принято рассматривать как коллективное суждение людей, в котором отношение к событиям и явлениям оказывается в форме одобрения, осуждения или требования. Общественное мнение формируется в процессе движения информации в обществе, отражает человеческое бытие, общественную практику людей и выступает как регулятор деятельности. [4]

СМИ является инструментом, с помощью которого происходит непосредственное формирование общественного мнения, а также они являются рычагом участия в социальном управлении. СМИ обладают манипулятивно-управленческим потенциалом, меняя установки, модели поведения и восприятия действительности [5, с. 384].

Относительно вопроса информирования СМИ о деятельности правоохранительных органов можно сказать что укрепление нашего государства зависит не только от уровня социально-экономического, политического, культурного развития общества, но и состояния силовых структур.

Право на доступ к информации является конституционным правом человека, которое предусмотрено и гарантировано Конституцией Украины, Законом Украины «Об обращениях граждан», Законом Украины «Об информации», Законом Украины «О доступе к публичной информации».

Независимо от того, что Законом Украины «О Национальной полиции» определено, что в целях информирования общественности о деятельности полиции руководитель полиции и руководители территориальных органов полиции раз в год готовят и публикуют на официальных веб-порталах органов полиции отчет о деятельности полиции, главным источником информирования населения о деятельности полиции остаются СМИ.

Согласно ч. 2 ст. 86 Закона Украины «О Национальной полиции» ежегодный отчет о деятельности полиции и территориальных органов полиции должен содержать анализ ситуации с преступностью в стране или регионе соответственно, информацию о мерах, которые принимались полицией, и результаты этих мероприятий, а также информацию о выполнении приоритетов, поставленных перед полицией и территориальными органами полиции соответствующими полицейскими комиссиями [2].

Необходимо отметить, что правоохранительная деятельность всегда была под пристальным вниманием СМИ.

Многое зависит от того, каким образом подается событие, с какой точки зрения представитель СМИ освещает тот или иной факт. От трактовки новости зависит отношение общества к этому явлению.

Недостатками при освещении работы правоохранительных органов можно считать приведенные данные статистики, характеризующие преступность среди работников правоохранительных органах, без необходимого в таких случаях анализа и объяснений. Как известно, факт уголовного дела против работника полиции, необязательно завершается осуждением последнего. В реальности число осужденных может быть в разы меньше в связи и прекращение уголовных дел на стадии предварительного следствия, вынесением оправдательных приговоров.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в отдельных СМИ не приводят различия между действующими сотрудниками и уже уволенными из правоохранительных органов. Крайне редко встречается информация о героических поступках, профессиональном выполнении служебного долга работниками полиции.

Практически не встречается материалы в защиту работников полиции, которые подвергались оскорблениям в процессе выполнения своих служебных обязанностей, унижением человеческого достоинства от правонарушителей, в том числе и должностных лиц. Поучителен пример с отставкой министра по международному развитию британского правительства Эндрю Митчелла, который обозвал полицейского, охранявшего канцелярию премьер-министра, «плебеем», используя при этом нецензурную брань за то, что тот не открыл ворота министру, который выезжал на велосипеде, предложив ему воспользоваться пешеходной калиткой. Полицейский подал рапорт своему руководителю о данном событии, вследствие чего Е. Митчелл вынужден был извиниться перед полицейским и подать в отставку. Это было освещено всеми британскими СМИ [6]. Трудно представить что-то подобное в нашей стране.

Информирование населения о совершенных преступлениях и о состоянии преступности в целом, а также о методах борьбы с ней - это, с одной стороны, реализация права граждан на информацию о том, что происходит в обществе, а с другой стороны – это нужно для создания условий деятельности правоохранительных органов, обеспечение благоприятного климата во взаимодействии с населением, общественными организациями СМИ.

СМИ принадлежит очень важная роль в подаче и распространении информации о деятельности правоохранительных органов. Поэтому, мнение о ненадлежащем или неудовлетворительное состояние работы сотрудников Национальной полиции, высказанное СМИ или общественными организациями, рождает сомнение у населения в надежности правовой защиты своей жизни, своего имущества, своих конституционных прав от преступных посягательств, чем и формирует негативное общественное мнение.

В процессе взаимодействия полиции с представителями СМИ, важно понимать, что такие отношения составляют один из важнейших аспектов связи с общественностью.

Следовательно, можно сделать вывод, что разработка современных механизмов оптимизации информационного взаимодействия с масс-медиа и общественными организациями должны стать одним из основных направлений в деятельности Национальной полиции Украины с целью эффективного взаимодействия с общественностью.

1. Bakhin V. P. (2002) *Kriminalistika. Problemy i mneniya (1962-2002)*. Kiev. (in Ukrainian)
2. Vedomosti Verkhovного Soveta. (2015) *Zakon Ukrainy «O Natsionalnoy politzii»* (electronicresurs). Availableat:<http://zakon0.rada.gov.ua/laws/-show/580-19>.
3. Bolotova V. O. (2001) *Pablikrileyshnz v OVD: [Konspekt lektsiy]*. Kharkov: NUVD. (inUkrainian)
4. Gorodenko L.N. (2003). *Sredstva massovoy kommunikatsii v kontekste obshchestvennogo mneniya: formirovanie, funktsionirovanie, zhanrovyepriemy*. (PhD Thesis), Kiev: Kievskiy natsionalny yuniversity imeni Tarasa Shevchenka.
5. Pocheptsov G. (2008). *Media: teoriya massovy khkommunikatsiy*. Kiev: Alterpres. (in Ukrainian).
6. Wintour P. (2012) *Andrew Mitchell resigns following allegation shecalled police 'plebs'* (electronicresurs). Availableat:<https://www.theguardian.com/politics/2012/oct/19/andrew-mitchell-resigns-police-pleb>.

Ростомова Лада Николаевна
Одесский государственный университет
внутренних дел, кандидат психологических
наук, доцент, доцент кафедры иностранных
языков
Украина, 65000, г. Одесса, ул. Успенская, 1
rostomova1@gmail.com

Rostomova Lada
Odessa State University of Internal Affairs,
Associate Professor of the Department of
Foreign Languages, PhD (psych.)

Ukraine, 65000, Odessa, Uspenskaya str., 1

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНСТРУКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ВИНЫ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, СКЛОННЫМИ К ПРАВОНАРУШЕНИЯМ, КАК
ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РЕЦИДИВА**

**ACTUALIZATION OF THE CONSTRUCTIVE GUILT SUFFERING BY MINOR
DELINQUENTS AS A FACTOR OF REPITED CRIME PREVENTION**

Резюме: В статье раскрыта психологическая сущность феномена чувства вины и особенности её переживания несовершеннолетними, склонными к правонарушениям. Обобщены взгляды относительно значения самоотношения (самооценки, «Я-концепции», самоидентификации) для детерминации противоправного поведения, роли механизмов психической защиты в отрицании вины. Экспериментально установлено, что у несовершеннолетних, склонных к правонарушениям, переживания вины мало выражено. В профиле ведущих механизмов психической защиты доминируют вытеснение, регрессия и проекция. В профиле ведущих тенденций взаимодействия с окружающими приваливает агрессивно-доминантный стиль взаимоотношений, не принятие позиции повиновения и зависимости. Структурно-функциональный анализ профилактической деятельности, ее особенностей относительно разных объектов влияния, уровней, форм и методов осуществления позволил уточнить квалификационные требования к работникам КМСД, разделить их на специалистов в области профилактики и оперативно-розыскной деятельности. Для преодоления действия защитных механизмов предложены: методика рефлексивного психологического анализа проступков, рефлексивный тренинг личностного роста, способствующие повышению самокритичности несовершеннолетних, состоящих на учете в КМСД, их согласию на участие в процедурах восстановительного правосудия.

Abstract: The essence of the guilt suffering by minor delinquents is discovered and analyzed in the article. There was proposed a classification of the persons who suffer their guilt in various ways. There were summarized some points of view as for self-attitude of the delinquents and the role of mechanisms of their psychological defense when they deny their guilt. It was determined that suffering of the guilt by minor delinquents is barely expressed and correlates with a very high unfavorable self-appraisal, extraversion, low sensitivity and empathy, with a tendency to the dominant-independent relationships, a conflict with mother, noncritical attitude towards their actions and to shift the responsibility off. Such types of principle mechanisms of psychological defense like ejection, regression and projection are dominant in their behaviour. Structural-functional analysis of the preventive activity has permitted to determine the qualified demands as for the officers of criminal militia in children's affairs and to propose their division into the specialists of preventive activity and operative-detective activity. We used the methods of the psychological analysis of actions, reflexive training of personal growth for comprehension of the activity of psychological defense and actualization of the constructive guilt suffering by minor delinquents.

Ключевые слова: «Я-концепция», самоотношение и переживание вины, механизмы психической защиты, рефлексивный анализ поступков, актуализация конструктивного переживания вины.

Key words: «I-conception», self-attitude and guilt suffering, mechanisms of psychological defense, reflexive analysis of actions, actualization of the constructive guilt suffering.

Актуальность темы исследования обусловлена высоким уровнем преступности несовершеннолетних в Украине и недостаточной эффективностью ее профилактики. Для устранения такого положения дел необходимо усиливать профилактическую составляющую борьбы с преступностью детей, отыскивать действенные средства устранения нарушений в их морально-психологическом развитии и предотвращения рецидива.

Современными научными исследованиями по криминологии, возрастной, педагогической, социальной, юридической психологии и девиантологии (Ю. М. Антонян, В. И. Барко, А. Н. Джужа, А. В. Змановская, Г. Зер, Л. И. Казмиренко, Ю. А. Клейберг, И. С. Кон, М. В. Костицкий, В. М. Кудрявцев, Н. Ю. Максимова, В. С. Медведев, Л.И. Мороз, К. Муздибаева, М. Райт, В. М. Оржеховская, А. П. Санникова, Т. Е. Семикоп, В. А. Татенко, И. А. Фурманов, Л. Б. Шнайдер, С. И. Яковенко и др.) заложена основа для создания эффективной системы профилактики нарушений в морально психологическом развитии несовершеннолетних. Понятно, что эту систему нужно постоянно совершенствовать с учетом изменений, которые происходят на уровне общественного и индивидуального сознания.

В отечественной психологии исследований, посвященных феномену переживания вины не так уж много. Это работы Ф. В. Басина, Ф. Ю. Василюка, С. А. Гарьковця, Д. А. Дружиненко, А. Л. Малеев, С. И. Яковенко. Однако проблема переживания вины в связи с противоправным поведением детей специально не ставилась.

Анализ работ по психологии переживание вины свидетельствует, что в зарубежной психологии это направление активно развивалось последние пятьдесят лет (К. Barret, R. Baumeister, M. Berkowitz, J. Bybee, N. Eisenberg,

T. Ferguson, M. Hoffman, M. Lewis, M. Mosher, J. Tangney). Однако существуют трудности по применению результатов этих исследований. Будучи социальным как по сути, так и по происхождению, переживания вины значительным образом зависят от ментальности граждан, отношение к нарушителям в обществе, рефлексии ними последствий своих действий для пострадавших, или эгоистической концентрации на собственных интересах.

Цель исследования – обоснование целесообразности использования методики актуализации конструктивного переживания чувства вины несовершеннолетними, при осуществлении индивидуальной профилактической работы с ними.

Согласно цели определены следующие задачи:

– определить роль отношения к себе в регуляции поведения и влияние этого отношения особенности переживания вины за конкретные поступки;

– исследовать «Я-концепцию» несовершеннолетних правонарушителей и особенности переживания ими чувства вины, выяснить возможность влияния на эти психические образования при проведении профилактически корректирующей работы;

– найти средства психологического воздействия на содержание и характер переживания вины несовершеннолетними для использования в индивидуальной профилактической работе с этими детьми.

Объект исследования – отношение к себе и своим поступкам, как субъективный фактор правомерного или противоправного поведения.

Предмет исследования – особенности переживания вины детьми, склонными к правонарушениям.

Методы исследования. Для реализации поставленных задач, использован комплекс теоретических и экспериментальных методов исследования. Для теоретического исследования использованы общенаучные методы познания, анализа, синтеза, сравнения, моделирования, обобщения статистических данных. При эмпирическом исследовании использованы методы анкетирования, сфокусированного интервью, комплекс опросников для

изучения Я-реального и идеального (Т. Лири), самоотношения (В. Столин, Р. С. Пантлеев), «Кто Я» (М. Кун, Т. Макпартленда), склонности к девиантному поведению (А. Н. Орлов), самосознания (А. Ю. Веретенников), психологической защищенности личности (Б. А. Баева), ведущих механизмов психической защиты (Р. Плутчик), которые обеспечили объективацию «Я-концепции» испытуемых, предоставили возможность выяснить ведущие механизмы психической защиты.

Содержание и интенсивность переживаний несовершеннолетними вины за действия, противоречащие моральным и правовым нормам были исследованы с помощью авторского опросника, а также теста цветовых выборов М. Люшера в модификации Е. Ф. Бажина и О. М. Эткинда, методику рефлексивного анализа поступков несовершеннолетних (как элемент подготовки к участию в «круге примирения»), разработанное автором стандартизированное интервью «Кто виноват?», отдельные процедуры рефлексивного тренинга личностного роста.

На основании анализа теорий детерминации правомерного и девиантного поведения несовершеннолетних, роли отношения к себе («Я-концепции») в регуляции поведения, выяснено ведущее значение переживания несовершеннолетними чувства вины для формирования стремления исправить причиненный ущерб и исправиться, для осознания собственной ответственности за конкретные противоправные действия и жизни в целом. Переживание вины тесно связано с уровнем самосознания (самооценка, содержанием «Я-концепции»), ощущением собственной идентичности, человеческого достоинства, защищенности и принадлежности к обществу, отсутствии страха отторжения и наказания, которые тесно связаны с чувством стыда, угрызениями совести, которые могут быть невротическими и компенсироваться действием механизмов психической защиты.

Экспериментально обнаружено статистически достоверные различия «Я-концепции» представителей основной и контрольной группы. Самохарактеристика представителя основной группы содержит негативные оценочные суждения, что указывает на низкую самооценку, одновременно

самохарактеристика представителя контрольной группы – преимущественно нейтрально-описательная. В профиле ведущих тенденций взаимодействия с окружающими у представителей основной группы преобладают агрессивно-доминантный стиль взаимоотношений: не принятие позиции покорности и зависимости, агрессивность и подозрительность, неподверженность проявлений альтруизма. Коэффициенты доминирования и дружелюбия несовершеннолетних основной и контрольной группы, по тесту Т. Лири, отличаются на уровне достоверности $> 0,05\%$.

Общий уровень самоуважения представителей основной группы низкий, они «живут в мире» внутренних и межличностных конфликтов. В то же время они чрезмерно уверены в себе, что свидетельствует о нехватке самокритичности. Высокий уровень внутренней конфликтности парадоксально соединен с низким уровнем самообвинения. У несовершеннолетних, склонных к правонарушениям, переживание вины мало выраженное и коррелирует с такими особенностями, как высокая и неадекватная самооценка, экстраверсия, низкая сензитивность и эмпатийность, тенденция к доминантно-независимым отношениям, конфликт с матерью. В их общем профиле ведущих механизмов психологической защиты доминируют механизмы вытеснения, регрессии и проекции.

Проанализированы возможности применения методики рефрейминг для индивидуальной и групповой профилактической работы с несовершеннолетними, в том числе для побуждения несовершеннолетних правонарушителей к переосмыслению своих поступков и осознанию их негативных последствий одновременно с показом преимуществ участия в социально-положительной деятельности.

В зависимости от того, насколько несовершеннолетний доверяет инициатору профилактической работы, для обработки можно применить три различных формата взаимодействия: 1) конфиденциальный – один на один; 2) псевдо-групповой (в присутствии других несовершеннолетних, вплоть до участия в полномасштабном «круге примирения»); 3) групповой тренинг

(рефлексивный – по содержанию и личностного роста – по цели), который является не только ретроспективным (воспроизводит события прошлого), но и конструктивным, направленным на моделирование настоящего и будущего. Первая форма основана на способности несовершеннолетнего воспользоваться помощью другого человека при анализе своих поступков и переживаний. Для этого нужны доверие, авторитет, стремление быть честным перед собой. Две другие формы работы используют ресурсы групповой зоны ближайшего развития. Все эти формы могут применяться последовательно или отдельно и независимо друг от друга.

На этапе подготовки несовершеннолетних к участию в «круге примирения» соискателем проводилось стандартизированное интервью «Кто виноват?», которое позволило разделить респондентов на тех, кто признает свою вину за конкретные противоправные действия (44%), и тех, кто ее отрицает (56%). Затем они привлекались к рефлексивному психологическому анализу собственных поступков и разработке программы реинтеграции в общество, в том числе путем участия в «круге примирения» с потерпевшим. Все 100% несовершеннолетних, которые согласились на рефлексивный анализ их поступков, не только признали себя виновными, но и пережили катарсис. Впоследствии все они приняли участие в «круге примирения», в результате которого искренне раскаялись в содеянном и получили прощение пострадавших.

Несовершеннолетние, которые отрицали свою вину, отказались от рефлексивного анализа своих поступков. Формально они стали участниками «круга примирения», но не смогли найти общий язык с другими. Им было рекомендовано принять участие в рефлексивном тренинге личностного роста. В конце тренинга уровень общей интернальности вырос на 12%, что свидетельствует о росте готовности принимать на себя ответственность за успехи и неудачи.

Предложена классификация лиц, переживающих вину для тех, у кого она:

- 1) безосновательная (невротическая, не связанная с конкретными нарушениями

норм поведения) и 2) детерминированная конкретными аморальными или противоправными действиями. Последние делятся на тех, кто переживает: а) вину за конкретное действие или бездействие; б) вину не связанную с конкретными событиями; в) вину перед конкретным лицом; г) вину перед большим количеством людей. Кроме того выделено категории невиновных и тех, кто не чувствует вины, хотя основания для этого есть. Переживание вины замещают тревожность, гнев на тех, кто их обвиняет, страх наказания и т. п.

Показано, что в профилактике правонарушений несовершеннолетних ведущее место должно предоставляться общей профилактике, направленной на устранение предпосылок возникновения отклонений в развитии личности ребенка, который еще не стал на путь преступлений. Структурно-функциональный анализ профилактической деятельности, ее особенностей в отношении объектов воздействия, уровней, форм и методов осуществления, позволил уточнить квалификационные требования к специалистам по профилактической деятельности.

Ростомова Л.Н. Особенности переживания вины несовершеннолетними, склонными к правонарушениям : Автореф. дис ... канд. психол. наук. К.,2010. 17 с. / на укр. яз.

Семенов Владимир Николаевич
Государственный комитет судебных
экспертиз Республики Беларусь, эксперт-
психолог
220053, Долгиновский тракт, 146, г. Минск,
Республика Беларусь
Vlad.seme2012@yandex.ru

Semenov Vladimir
State Committee of forensic expertise of the
Republic of Belarus, expert-psychologist
220053, Dolginovsky tract, 146, c. Minsk,
Republic of Belarus

**ПРОБЛЕМА СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ
ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МАТЕРИ, ОБВИНЯЕМОЙ В УБИЙСТВЕ
НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА**

**PROBLEM OF FORENSIC-PSYCHOLOGICAL EXPERT EVALUATION OF MENTAL
STATUS OF MOTHER, WHO ACCUSED OF THE MURDER OF A NEWBORN CHILD**

Резюме: Тезисы посвящены обсуждению проблемы пределов компетенции эксперта-психолога при оценке психического состояния матери, совершившей убийство новорожденного ребенка, ее источников и путей решения. В контексте обсуждаемой проблемы представлены результаты анализа экспертиз, проводившихся в отношении матерей, подозревавшихся (обвинявшихся) в убийстве новорожденного ребенка, отражающие сведения о социально-демографических, психологических характеристика матерей-детоубийц, особенностях их криминального поведения и специфике экспертных выводов.

Abstract: The theses are devoted to the discussion of the problem of the competence of the forensic-psychologist in assessing the mental state of the mother, who committed the murder of a newborn child, its sources and ways of solving. In the context of the problem discussed the results are presented of analysis of the examinations, carried out for mothers, suspected (accused) of killing a newborn child, reflecting information on the socio-demographic and psychological characteristics of mothers-filicide, the specifics of their criminal behavior and the specifics of expert conclusions.

Ключевые слова: нежелательная беременность, мать-детоубийца, экспертиза, экспертная оценка, психическое состояние, стресс, фрустрация, психотравмирующая ситуация, состояние повышенной эмоциональной напряженности.

Keywords: unwanted pregnancy, mother-filicide, examination, expert evaluation, mental state, stress, frustration, psycho-traumatic situation, a state of heightened emotional tension.

Существование феномена «нежелательной беременности», сопряженность состояния беременности и родов с воздействием психотравмирующих факторов и риском совершения криминальных агрессивных действий в отношении новорожденного ребенка явились основанием для появления в уголовном законодательстве Республики Беларусь (далее – РБ) особой юридической нормы (ст. 140), выделяющей специфический состав преступления, и позволяющей рассматривать эти обстоятельства в качестве смягчающих при

назначении наказания [1]. Одновременно с этим возникла потребность в применении специальных знаний в области судебной психологии для оценки психического состояния матери-детоубийцы, которая трансформировалась в один из предметных видов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее – КСППЭ) [2].

В целях лучшего понимания актуальных тенденций, сложившихся в сфере применения специальных знаний психологов, при проведении КСППЭ матерям-детоубийцам были проанализированы заключения экспертов по таким уголовным делам, выполненные в период с 2008 по 2012 гг. в областных судебно-психиатрических подразделениях и управлении судебно-психиатрических экспертиз Государственной службы медицинских судебных экспертиз (далее – УСПЭ ГСМСЭ)¹. Так, в период с 2008 по 2012 гг. в областных судебно-психиатрических подразделениях и УСПЭ ГСМСЭ была проведена 31 КСППЭ женщинам, совершившим криминальные агрессивные действия в отношении своих новорожденных детей. При этом в одном случае КСППЭ проводилась по материалам проверки вследствие наличия сомнений в причастности матери к смерти новорожденного ребенка. 14-ти исследуемым (45,1%) было предъявлено обвинение по ст. 140, 14-ти (45,1%) – по ст. 139 и 2-м (6,5%) по ст. 159 УК РБ. Одна из исследуемых повторно привлекалась к уголовной ответственности по ст. 140 УК РБ.

Средний возраст исследуемых на момент проведения экспертизы составил 26,9 лет. Самой младшей роженице было 16, а самой старшей – 46 лет. Среди исследуемых 17 человек (54,8%) в период прохождения экспертизы не состояли в браке (проживали с родителями либо сожителями), 12 (38,7%) – были замужем, 1-на (3,2%) состояла в повторном браке и 1-на (3,2%) – была разведена. 9-ть обвиняемых (29%) не имели детей, 8 (25,8%) имели одного ребенка, 8 (25,8%) – двоих детей, 2 (6,5%) – троих детей, 1 (3,2%) – четырех и 3

¹ Исключение составляет лишь ОАСПЭ по г. Минску и Минской области, который представил данные о КСППЭ, проводившихся с 2004 по 2012гг.

(9,7%) – пятерых детей. Во всех случаях беременность являлась незапланированной, нежелательной и ее факт скрывался от близких родственников и окружающих.

По способу совершения криминальных агрессивных действий в отношении новорожденных детей все исследуемые были разделены на две группы. В первую группу вошли исследуемые (54,8%), использовавшие пассивные способы умерщвления новорожденного, среди которых преобладали оставление новорожденного без должного ухода и заботы (82,3%) и асфиксия под влиянием условий родовой деятельности (17,7%). Во вторую группу вошли исследуемые, которые использовали активные способы умерщвления новорожденного (45,2%), среди которых преобладали механическая асфиксия (64,3%) и причинение тяжких телесных повреждений в виде колото-резаных ранений и падения с высоты (35,7%).

Описанные по результатам экспериментально-психологического исследования психологические особенности позволяют разделить всех матерей-детоубийц на три большие группы в зависимости от степени активности их личностного склада. В первую группу вошли исследуемые (41,9%), обладающие активным личностным складом, представленным такими психологическими особенностями, как: стеничность, преобладание мотивации достижения, общительность, демонстративность, маскулинность полоролевого поведения, доминантность, низкая конформность, стрессоустойчивость, ригидность, упрямство, эмоциональная неустойчивость, возбудимость и импульсивность. В отдельных случаях структура активного личностного склада дополнительно включала свойства враждебности, конфликтности и агрессивности. Вторую группу (38,7%) составили женщины с пассивным личностным складом, представленным следующими психологическими особенностями: общая личностная незрелость, неуверенность в себе, тревожность, преобладание мотивации избегания ответственности, неудач и конфликтов, трудности в принятии решений, зависимость от мнений и оценок окружающих, низкий уровень развития коммуникативных способностей,

замкнутость, неустойчивость самооценки, низкий уровень притязаний, обидчивость, трудности социальной адаптации. В третью группу (19,4%) вошли исследуемые, обладающие смешанным типом личностного склада, структура которого представлена чертами первых двух типов.

Анализ экспертных решений, принятых психологами показывает, что в 6-ти случаях (19,3%) экспертные вопросы не были решены, в 6-ти случаях (19,3%) был сделан вывод об отсутствии психотравмирующей ситуации, связанной с родами. В отношении 12-ти исследуемых (38,7%) был сделан вывод об отсутствии признаков повышенной эмоциональной напряженности, связанной с психотравмирующей ситуацией, вызванной родами. В 3-х случаях (9,7%) эксперты-психологи пришли к выводу о том, что исследуемые в период совершения инкриминируемого им деяния находились в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. При этом в одной из экспертиз вывод о наличии психотравмирующей ситуации сочетался с выводом об уменьшенной вменяемости. У 3-х исследуемых (9,7%) было выявлено состояние повышенной эмоциональной напряженности, вызванное психотравмирующей ситуацией, обусловленной родами. В отношении 1-ой исследуемой (3,2%) был сделан вывод о существенном влиянии индивидуально-психологических особенностей на ее способность к осознанно-волевой регуляции своего поведения в период совершения инкриминируемого ей деяния.

В ходе анализа реальной практики проведения КСППЭ в отношении матерей-детоубийц были выявлены: отсутствие единого подхода и различия в понимании экспертами-психологами предмета и цели данного вида экспертизы. С одной стороны, это связано с редкостью проведения таких экспертиз, а с другой – со спецификой юридической формулы ст. 140 УК РБ, которая может провоцировать неверное толкование предмета исследования у эксперта-психолога.

Субъектом уменьшенной уголовной ответственности, согласно ст. 140 УК РБ, является вменяемое лицо – мать, совершившая умышленное убийство

новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них, находясь в условиях психотравмирующей ситуации [1]. В качестве смягчающего уголовную ответственность обстоятельства в этой статье выступает юридическое понятие «*психотравмирующая ситуация*». При использовании заимствованного из психологии термина «психотравмирующая ситуация» в качестве юридического понятия ст. 140 УК РБ, законодатель уклоняется от определения его значения. Это создает ситуацию неопределенности для эксперта-психолога при необходимости использования специальных знаний и сохранения пределов своей компетенции.

Обобщенно структура психологического термина «психотравмирующая ситуация» складывается из следующих элементов: психологические особенности обвиняемой, опосредующие реакцию на воздействие стрессовых либо фрустрационных факторов, стрессовые либо фрустрационные факторы (субъективные и объективные), имеющие отношение к состоянию беременности и предстоящим родам, психологический конфликт (межличностный, внутриличностный и смешанный), связанный с состоянием беременности и родами, и *интенсивное негативно окрашенное эмоциональное состояние, отражающее существующий психологический конфликт, и субъективно переживаемое как стресс либо фрустрация* [2]. При необходимости обязательного экспертного психологического исследования всех элементов психотравмирующей ситуации лишь *интенсивное негативно окрашенное эмоциональное состояние, отражающее существующий психологический конфликт, и субъективно переживаемое как стресс либо фрустрация*, составляет сущность уголовно-релевантного психологического состояния, являющегося предметом и целью экспертного психологического исследования в данном виде КСППЭ. В современной судебно-психологической литературе для обозначения такого уголовно-релевантного психологического состояния используется термин «повышенная эмоциональная напряженность» [2].

Таким образом, предметом судебно-психологического исследования в КСППЭ матери, обвиняемой в убийстве своего новорожденного ребенка, является состояние повышенной эмоциональной напряженности, которое опосредует юридический термин «психотравмирующая ситуация» и в сжатом виде отражает: личностную позицию обвиняемой, фрустрационные либо стрессовые факторы, связанные с беременностью и родами, сущность психологического конфликта и ведущие эмоциональные переживания. Переживание роженицей состояния повышенной эмоциональной напряженности обуславливает аффектогенный характер ее действий в родовой и постродовой ситуации и снижает способность к полноценной осознанно-волевой регуляции своего поведения.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003. 232 с.

2. Качаева, М.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного / М.А. Качаева, Ф.С. Сафуанов // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Науч. центр социальн. и судебн. психиатрии им. В.П. Сербского ; под ред.: Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М. : Генезис С. 460-480.

Середницька Інґа Анатоліївна
Одеський державний університет
внутрішніх справ, доцент кафедри
громадянсько-правових дисциплін,
кандидат психологічних наук, доцент
65000, Успенська 1, Одеса, Україна
ingaodessa@ukr.net

Serednitskaya Inga Anatolievna
OdessaStateUniversityofInternalAffairs, Associate
Professor of the Department of Psychology and
Pedagogy, PhD (psycho.)
65000, Ukraine, Odessa, Uspenskayastr., 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ, КОТОРЫЕ ВЕДУТ БРОДЯЖНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CHILDREN WHO HAVE A WORM LIFESTYLE

Резюме: В статье рассматриваются бродяжничество детей, как социально-психологический феномен. Раскрываются поведенческие особенности и возрастные периоды детей-бродяг. Отдельно выделяется влияние родителей и среды обитания бродяжничество несовершеннолетних.

Abstract: In the article vagrancy of children is considered as a social and psychological phenomenon. Behavioral features and age periods of children-vagrants are revealed. Separately, the influence of parents and the environment on the vagrancy of minors is notable.

Ключевые слова: дети-бродяги, агрессивное поведение, возрастные периоды, социальная среда, влияние родителей.

Keywords: children-vagrants, aggressive behavior, age periods, social environment, the influence of parents.

Украинское государство главным своим приоритетом, наивысшей социальной ценностью признала человека, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность. Именно поэтому составляющей концепции развития украинского общества является современная государственная политика защиты детства. Ратифицировав в 1991г. Конвенцию ООН о правах ребенка и проголосовав за Всемирную декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей, Украина приняла на себя международно-правовые обязательства по осуществлению международных стандартов прав ребенка, соответственно с которыми она должна обеспечить благосостояние, здравоохранение, жилье, образование для каждого ребенка без любой дискриминации, а также обеспечить ее надежная защита от любых форм насилия и эксплуатации.

Однако, социальные и политические изменения, которые происходят в Украине, и отсутствие надлежащего механизма реализации правовой защиты детей обусловили катастрофическое распространение такого негативного явления, как детское бродяжничество.

К наиболее существенным внутренним факторам, которые детерминируют генезис эмоциональной сферы детей-бродяг, можно отнести потребностно-мотивационную активность, развитие адаптивных и защитных функций организма. К внешним факторам – условия жизнедеятельности, среди которых как социально-психологические, так и природно-техногенные.

Бродяжнический образ жизни предопределяет наличие повышенной агрессивности (как крайнее проявление – жестокость) – свойства личности, которая характеризуется наличием деструктивных тенденций, в основном в плоскости субъектно-субъектных (межличностных) отношений. Под агрессией понимают поведение или действия, направленные на задание психологического или физического вреда или на уничтожение почему-либо [1].

Бродяжничающие социальные деструкции, при отсутствии адекватного преодоления, имеют проявление в преступном способе выявления агрессии. Чаще всего к преступлениям через собственную агрессивность дети удаются в критические возрастные периоды.

Анализируя склонность детей к бродяжничеству, следует отметить, что существуют объективные (общие) и субъективные (специфические) факторы для любого ребенка [2].

Первый случай: дети скорее могут попасть в группу риска, чем взрослые, а младшие дети – скорее, чем подростки старшего возраста.

Второй случай: дети, лишенные заботы родителей, скорее окажутся в группе риска, чем дети, обеспеченные заботой и защитой; в городах больше факторы риска, чем в сельской местности.

Беря за основу структуру личности, предложенную Б. Г. Ананьевым [3], детей-бродяг, целесообразно объединить в следующие группы:

1. Возрастные и социально-психологические особенности;

2. Индивидуально-психологические и социально-психологические особенности.

Проанализировав поведенческие особенности детей-бродяг, можно сделать вывод о зависимости поведения от характера. К таким детям относятся:

Агрессивные бродяги – их поведение связано с агрессивными проявлениями относительно окружающих, с приставаниями к ним, вымогательством денег, угрозами или с другими действиями такого же характера: обидами, насмешками, издевательствами и др.

Для детей-бродяг этой группы характерно преднамеренно создание конфликтных ситуаций. Их поведение может быть преступным, административно-наказуемым или аморальным. Агрессивные бродяги в зависимости от стойкости и направленности своего отношения к другим лицам распределяются на *агрессивных общего плана* (обнаруживают агрессию ко всем без исключения) и *избирательно агрессивных* (агрессивные реакции вызывают только отдельные категории лиц, например, лица преклонных лет или однолетки), по содержанию поведения – на *агрессивных насильников* и *агрессивных провокаторов*. Для первых характерно нападение на прохожих (навязчивые требования материальной помощи), для вторых – разного рода обиды, клевета, издевательства.

Активные бродяги – в эту группу входят дети, поведение которых не связано с нападением или провокацией в форме конфликтного контакта, но они активно способствуют причинению вреда. Это лица, которые сознательно или неосторожно подстрекают окружение к агрессивным действиям.

Позитивные бродяги – лица, поведение которых имеет доброжелательный (позитивный) характер как к окружению, так и для представителей других прослоек общества, но также несет антиобщественную составляющую через не критическое восприятие ими норм и атрибутов маргинальной субкультуры, которая имеет место среди бродяг.

Пассивные бродяги – лица, которые восприняли антиобщественные внушения через нежелание самостоятельно нести ответственность за

собственное противоправное или аморальное поведение. Необходимо отметить, что пассивность поведения и отнесения детей-бродяг к этой группе не всегда отражают черты конкретной личности, поскольку активная, инициативная или, даже, агрессивный человек может не проявить своих черт из-за обстоятельств, которые заставили избрать ее пассивный тип поведения.

Пассивные бродяги делятся на:

- объективно неспособных к противодействию (стабильно или временно);
- объективно способных к противодействию.

Некритические бродяги – группу составляют лица, которые демонстрируют неосмотрительность, неумение адекватно оценить жизненную ситуацию. Некритичность может быть следствием как негативных свойств (например, жадность и корыстолюбие), так и позитивных (доброта, чуткость, смелость), а также невысокого культурно-просветительного уровня.

Некритические бродяги делятся на:

- некритических общего плана;
- избирательно некритических.

Первые некритически воспринимают любые жизненные ситуации, вторые, – лишь ситуации определенного содержания.

Нейтральные бродяги – в эту группу входят лица, поведение которых не является антиобщественным; в пределах своих возможностей лицо критически оценивает ситуацию [4]. Речь идет о минимальной индивидуальной склонности лица к бродяжничеству, оно является лишь результатом неподобающего присмотра со стороны попечителей [5].

Целесообразно выделить три основных возрастных периода, когда ребенок прибегает к бродяжничеству, и каждый из них имеет свои специфические отличия.

Первый период – это дошкольники (3-7 лет), в которых интенсивно формируется личностная сфера (потребности, мотивация). Они особенно отмечают потребность в общественно значимой и общественно оцениваемой деятельности как таковой, что позволяет ребенку чувствовать

собственную полезность и значимость. Этот возрастной период в контексте угрозы для ребенка стать бродягой характеризуется повышенной чувствительностью к таким проявлениям жестокого обращения в семье как издевательства, игнорирования не только потребностей ребенка, но и ее в целом как личности.

Побои ради развлечения взрослых (их самоутверждения за счет унижения несовершеннолетнего) и методы воспитания через битье являются решающими факторами для детей любого возраста относительно их нежелания жить в такой семье. Но самые молодые ее члены с малолетства привыкают к подобному поведению (в большинстве случаев кризисные семьи находятся на постоянно деструктивном сабле) и становятся бродягами через издевательство над живым существом, чьи потребности не находят удовольствия – дети не имеют ни достаточно еды, ни одежды, ни надежд, что родные взрослые пожелают получить для них самое необходимое. Ситуацию усложняет то, что ребенок возлагает вину за все, что происходит, на себя («я недостаточно хороший», «я вел себя неправильно») [6]. Соответственно, они получают комплекс вины, который, вместе со стремлением к физическому выживанию (удовлетворение потребительских потребностей), создает ощущение того, что прибегая к бродяжничеству, ребенок уходит от своего нестерпимого, как его убедили родители, присутствия в семье.

Второй период – дети младшего школьного возраста (7-11 лет). Предпосылками бродяжнического образа жизни (кроме фона жестокого обращения в семье) является отсутствие возможностей для саморазвития в любой позитивной плоскости через негативную психоэмоциональную перегрузку со стороны родителей (других близких взрослых) – ссоры, конфликты в семье, которые, даже при отсутствии непосредственного физического прикосновения к ребенку, деструктивно влияют на ее самоосознание, чувство защищенности. При таких условиях ребенок не имеет психоэмоциональных ресурсов как для учебы в общеобразовательном заведении, так и для установления конструктивных взаимоотношений с

окружающими поза функционально несостоятельной семьей. Соответственно, такой ребенок становится изгоем, такой, которую больше всего обижают и унижают в общеобразовательных учебных заведениях.

То есть, жестокое обращение с ребенком родителей приводит к цепной жестокости относительно этого ребенка со стороны других (взрослых и детей). Все это провоцирует его искать выход из ситуации, которым становится или девиантное или делинквентное поведение, или же бродяжничество как к средство самосохранения.

Третий период – подростковый возраст (11-15лет), когда бродягами становится наибольшее количество детей. Половое созревание и появление психических новообразований, обусловленных изменением и развитием ведущих видов деятельности, обуславливает острые конфликтные ситуации в функционально несостоятельных семьях. Это объясняется, тем, что родители или лица, которые их заменяют, в таких семьях не связаны с ребенком глубокой психоэмоциональной привязанностью и не воспринимают его как лицо, которое нуждается в любви, опеке, беспокойстве, духовном и материальном обеспечении.

Подросток, с которым жестоко ведут себя в семье, не только не чувствует уважения к своей личности, но и понимает, что его личность воспринимается родителями как объект ненависти именно из-за юного (физически и психически виктимный) возраста. Иными словами, взрослые в таких семьях, во-первых, самоутверждаются за счет унижения и издевательств над ребенком, а во-вторых, воспринимают собственных детей (подростков) как растущих конкурентов на материальные ресурсы семьи: взрослые желают тратить средства на себя, а не на детей, которых они воспринимают враждебно, по вышеприведенным причинам. Здесь же возникает вопрос интеллектуального развития детей, которое обеспечивает возможность социального признания и самоутверждения самого ребенка вне пределов функционально несостоятельной семьи. Принимая во внимание это, «кризисные» родители препятствуют подростку положительно развиваться или, вообще,

конструктивно (самостоятельно) взаимодействовать с социумом. Такие родители, не достигнув желательных целей в собственной жизни, деструктивно влияют на своих детей, ради борьбы с мнимыми противниками получения социальных благ, пытаясь укротить ощущение собственной неполноценности, делая социально неполноценными своих детей.

Негативные семейные влияния (побои, издевательства, обиды, насмешки) причиняют вред здоровому развитию ребенка, чья психофизическая незрелость становится провоцирующим фактором для дальнейших злоупотреблений властью над ребенком со стороны родственников в функционально несостоятельных семьях. Такая семья является для ребенка кругом вражды и унижения не только личных вкусов, но и личности в целом. Поэтому стремление к бродяжническому образу жизни в подростковом возрасте выступает как средство самосохранения – избрание окружения менее виктимизирующего, чем семья.

1. Bjeron R. (1997) Agressija. Piter. (in Rossija)
2. Orzhehova V.M. (1996) Pedagogichna profilaktika deviantnoï povedinki nepovnlitnih. Kiev. (in Ukrainian)
3. Anan'ev B. G. (2001) O problemah sovremennogo chelovekoznanija. Piter.(in Rossija)
4. Rjabchuk A. (2005) Zajvi ljudi: bezdomni na vulicjah Kieva. Kiev. (in Ukrainian)
5. Komitet Verhovnoï Radi Ukraïni z pitan' social'noï politiki ta praci; Ministerstvo praci ta social'noï politiki Ukraïni; Ministerstvo vnutrishnih sprav Ukraïni; Derzhavnij komitet Ukraïni u spravah sim'ï ta molodi (2004) Pro problemu bezdomnih gromadjan ta bezpritul'nih ditej i shljahi їi podolannja. Kiev. (in Ukrainian)
6. Maksimova N. Ju. (2000) Kurs lekcij po detskoj patopsihologii. [Konspekt lektsiy po detskoj patopsihologii]. Rostov-na-Donu. (in Rossija) .

Смирнова Юлия Сергеевна
Белорусский государственный университет,
кафедра психологии кандидат
психологических наук, доцент
220004, ул. Кальварийская, 9,
г. Минск, Республика Беларусь
yulia-sm@mail.ru

Smirnova Yuliya S.
Belarusian State University, the department
of psychology, PhD (Psychol), docent
220004, 9, Kalvaryiskaia str,
Minsk, Republic of Belarus

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

ON THE QUESTION OF NORMATIVE REGULATION OF PERSONALITY SOCIAL BEHAVIOR

Резюме: В статье анализируются закономерности функционирования социальных норм как регулятора социального поведения личности. Особое внимание уделяется демонстрации потенциала изучения социальных норм в объяснении таких деструктивных и проблемных ситуаций социального взаимодействия как конфликты, правонарушения и др., а также поиска путей их профилактики и преодоления.

Abstract: The functioning of social norms in regulation of personality social behavior is analyzed in the article. The author demonstrates that studying of social norms is important to explain conflicts, delinquencies and other social problems and to define the ways of their prevention and resolution.

Ключевые слова: социальная норма, нормативная регуляция, социальные санкции, социальное поведение, социальное взаимодействие, конфликты

Key words: social norm, normative regulation, social sanctions, social behavior, social interaction, conflicts

Одним из центральных понятий социально-психологической науки является социальное поведение, которое определяется как «особая форма существования активности человека в обществе, социальных группах, направленная на поддержание и развитие этого общества, групп и самой личности» [2, с. 74]. Интерес к изучению факторов, детерминирующих социальное поведение личности, побуждает исследователей обратиться к анализу его регуляторов, среди которых особое место занимают нормативные регуляторы – выработанные обществом или социальными группами общепризнанные правила, образцы поведения и стандарты деятельности. Именно социальные нормы определяют поведение личности в той или иной социальной ситуации, они предписывают, регламентируют или запрещают те

или иные действия, обеспечивая тем самым упорядоченность социальной жизни, уравновешенность и стабильность социального взаимодействия и социальных отношений [2, с. 80; 7, с. 135]. Социальные нормы выполняют целый ряд очень важных функций: саморегуляция поведения личности, регуляция социального взаимодействия, социальный контроль и оценивание, сохранение и трансляция социального опыта, предотвращение и разрешение конфликтов, обеспечение функционирования социальных институтов, поддержание единства социальных групп и существования общества в целом. Социальные нормы очень разнообразны по своему происхождению, содержанию, способу фиксации, характеру воздействия на поведение, степени значимости, универсальности и т.д. Они могут быть формальными и неформальными, осознаваемыми и неосознаваемыми, позитивными и негативными, предписывающими и запрещающими, специфическими и общезначимыми, внешнего вида, рабочими, учебными, досуговыми, коммуникативными, дистрибутивными, культурными, организационными, групповыми, ролевыми, морали, права и др. [1; 2; 3; 7]. Понятие норм, таким образом, применимо к анализу широкого спектра социальных ситуаций, всеохватывающий обзор которых невозможно реализовать в рамках одной статьи. Остановимся лишь на некоторых из них, преследуя цель демонстрации потенциала изучения социальных норм в объяснении деструктивных и проблемных ситуаций социального взаимодействия, а также поиска путей их профилактики и преодоления.

Начнем с анализа связи социальных норм с конфликтами. Одной из функций социальных норм является регуляция социального взаимодействия, субъекты которого обладают различными и даже противоположными интересами. Нарушение норм в этом случае может привести к возникновению конфликта, поскольку поведение участников взаимодействия в этом случае сопряжено с реализацией собственных интересов и ущемлением интересов партнера, становящегося оппонентом или даже противником. Такая «игра без правил» становится характерной чертой социальной жизни в переходные и

кризисные периоды функционирования общества, когда существующие нормы устаревают, а новые действенные нормативные регуляторы еще не выработаны. Такое состояние ценностно-нормативного вакуума известно как аномия. Термин был введен в научный оборот Э. Дюркгеймом и активно используется для объяснения деструктивных конфликтов, а также различных форм отклоняющегося поведения [1, с. 20]. Выработка действенных социальных норм и поддержание их эффективного функционирования в этом контексте выступают в качестве основной меры профилактики конфликтов. Сами конфликты могут рассматриваться как источник новых более действенных норм, обеспечивая их приспособление к изменившимся условиям, что является одной из важнейших конструктивных функций конфликта.

Еще один вопрос, который необходимо затронуть в контексте рассмотрения связи социальных норм и конфликтов, – это вопрос о нормативной регуляции конфликтного взаимодействия. Исследования в данной области проводились Н. В. Гришиной, которая пришла к выводу о наличии в конфликте «двойного стандарта» нормативов – для себя и для других [3, с. 249]: то, что считается приемлемым, если речь идет о собственном поведении, вызывает осуждение, если проявляется в поведении оппонента, причем зачастую даже в случае признания наличия формального права субъекта так себя вести. Например, человек может считать для себя приемлемым и нормальным обратиться за помощью к руководителю в случае затянувшегося конфликта с коллегой, но при этом осуждать подобную стратегию поведения со стороны партнера [3, с. 247–249]. Причем по данным Н. В. Гришиной, именно в межгрупповом взаимодействии «двойной стандарт системы оценивания обнаруживается наиболее явно и неприкрыто» [3, с. 250].

Здесь будет уместным сказать несколько слов о групповых нормах и их функционировании в условиях межгруппового конфликта. Группа, вовлеченная во внешнюю борьбу с другими группами, предъявляет более жесткие требования к соблюдению внутригрупповых норм и применяет более жесткие санкции по отношению к их нарушителям. Нормой для группы в условиях

такого конфликта становится осуждение противника, негативное к нему отношение, недоверие к представителями группы-оппонента, ограничение контактов с ними; появляются нормы, поддерживающие дух соперничества и борьбы. И если внутригрупповые нормы становятся более жесткими, то социальные нормы, регулирующие поведение, направленное на аутгруппу, напротив, ослабевают. Ряд закономерностей социальной перцепции, проявляющихся в условиях межгруппового конфликта, облегчает нарушение его участниками социальных норм во взаимодействии друг с другом. Так, характерная для эскалации дегуманизация противника создает условия, при которых нормы человеческого общения, запрещающие причинение вреда другим людям, соблюдать по отношению к представителям стороны-противника не обязательно, потому что последние в восприятии субъекта лишены собственно человеческих качеств (это «нелюди», «животные», «темные силы» и т.д.).

Следует также заметить, что существуют особые правила – нормы, регулирующие взаимодействие людей в условиях конфликта. Попытка установить такие «правила конфликта» была предпринята Н. В. Гришиной в исследовании когнитивных схем, описывающих последовательность действий и естественный ход событий в конфликтных ситуациях [3, с. 258-263]. Автором было обнаружено наличие у участников исследования «типовых» представлений о правилах взаимодействия в конфликтах. В частности, в условиях горизонтальных и вертикальных конфликтов правило обращения за помощью к вышестоящему руководству применимо в различной степени: в наибольшей степени – в конфликтах с руководителем, в наименьшей степени – в конфликтах с подчиненным. Автор также обратила внимание на действие этических норм в условиях конфликта, определяющих «правила честной и нечестной игры» [3, с. 265-270]. Причем исследования каузальной атрибуции в условиях конфликта неоднократно фиксировали тенденцию к использованию самозащитной атрибуции, позволяющей оправдать собственные неприемлемые

действия как вынужденный ответ на провокацию противника, т.е. проявление честной, а не нечестной игры.

Нормы усваиваются индивидом в процессе социализации. Причем они могут выступать и как внешне заданные требования, и как внутренние регуляторы поведения, ставшие таковыми в результате интернализации социальных норм в процессе социализации. В этом случае нормы становятся внутренними, принимаемыми, входят в состав системы личностных регуляторов поведения. Действенность социальных норм, таким образом, может поддерживаться благодаря внешним и внутренним факторам. Среди внешних факторов, обеспечивающих функционирование социальных норм, следует указать социальные санкции. Это реакция других людей на отклонение поведения человека от социальных норм. Они могут быть формальными, официально предусмотренными, зафиксированными документально, а также неформальными, действующими неофициально.

Интересной иллюстрацией в данном случае может выступить описание действий, которые может совершить человек в условиях, когда за нарушение социальных норм ему не грозит применение санкций. На практических занятиях по социальной психологии для получения таких описаний может использоваться шутивное задание «Невидимка на один день», описанное в практикуме по данной дисциплине [6, с. 240]. В соответствии с инструкцией участнику опроса необходимо пофантазировать о следующем: «Что бы вы стали делать, если бы могли стать невидимым на 24 часа и были полностью уверены, что вас не обнаружат?». Опыт использования данного задания позволил нам выделить следующие категории наиболее часто встречающихся ответов респондентов: получение желаемого, но малодоступного или вообще недоступного в силу ограниченности ресурсов, прав и т.д. (путешествия в другие страны, походы в музеи, кинотеатры, на выставки и концерты, в дорогие рестораны, магазины, а также места, куда доступ обычно запрещен и т.д.); нарушение границ частной жизни (подслушивать и подсматривать за интересующими людьми, например, какими-то известными личностями,

близкими, друзьями, партнерами и др., следить за ними и узнавать их секреты, уклад жизни, привычки, их мнение о самом себе); подшучивание над другими; оказывать помощь другим людям (уберечь от опасности, подарить то, в чем они нуждаются); нарушение некоторых правовых норм и предписанных инструкциями правил поведения (грабеж, угон машины, безбилетный проезд, граффити); скрытое наблюдение за работой специалистов. Такие ответы свидетельствуют о наличии социальных норм, в том числе моральных и правовых, поддерживаемых социальными санкциями. В условиях отсутствия угрозы наказания (когда никто не заметит и не применит санкции) эти нормы могут нарушаться, т.е. они могут перестать выполнять функцию регулятора социального поведения. С другой стороны, ответы-фантазии респондентов описывают поведение, укладывающееся в определенные границы, которые отражают имеющиеся у респондентов интернализированные нормы, действующие даже в условиях отсутствия угрозы наказания за их нарушение. В частности, практически не встречаются ответы, описывающие действия, сопряженные с прямым причинением вреда другим людям, если не считать подшучивания над ними. Интернализированной во многих случаях выступает норма оказания помощи нуждающимся, а также норма стремления к профессиональному росту; относительно редко встречаются «фантазии невидимки», допускающие нарушение правовых норм.

Здесь уместным будет перейти к вопросу о поиске путей повышения значимости социальных норм, обеспечивающих конструктивную регуляцию социального взаимодействия. На наш взгляд, достаточно серьезная проработка этого вопроса осуществляется в рамках исследований нормативной регуляции поведения в социальных ситуациях, связанных с нарушением правовых норм, в качестве одной из мер профилактики которого рассматривается формирование правосознания. Последнее выступает в том числе как «элемент мотивации действий индивида и социальных групп в соответствии с нормами права»; оно предполагает признание социальных норм, «признание личностью

обязательного подчинения установлениям государства, содержащимся в юридических нормах» [4, с. 229].

Так, формирование экономического правосознания молодежи рассматривается российскими социальными психологами как стратегическое направление противодействия коррупции в условиях роста интереса молодежи к проблемам достижения материального достатка [4, с. 219].

В свою очередь, информационная среда, создающая снисходительное, а порой даже поощрительное отношение к коррупции, способна составить серьезное препятствие противодействию ей.

Так, исследование отношения россиян к коррупции продемонстрировало, что подавляющему большинству респондентов доводилось сталкиваться в своей жизни с коррупцией, причем наряду с преобладающим негативным отношением к таким ситуациям, участники исследования продемонстрировали нейтральное или даже позитивное [5, с. 113-116]. Подавляющее большинство опрошенных считают коррупцию острой проблемой современного общества, признавая при этом, что сами могли бы прибегнуть к коррупции для положительного решения своих личных проблем [5, с. 129].

В свете сказанного особую актуальность приобретают социально-психологические исследования, фиксирующие доминирующие среди различных категорий населения аттитюды в отношении к коррупции, что позволит определить социально-психологические направления профилактики и противодействия коррупционным правонарушениям.

Таким образом, анализ социальных норм и закономерностей их функционирования обладает серьезным объяснительным потенциалом в изучении проблемных ситуаций социального взаимодействия (конфликтов, социальных ситуаций, связанных с нарушением закона и прочих), а также определении социально-психологических перспектив их профилактики и противодействия им.

1. Анцупов, А.Я. Словарь конфликтолога / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. СПб. : Питер, 2006. 528 с.
2. Белинская, Е.П. Проблемы социализации: история и современность / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М. : МПСУ; Воронеж : МОДЭК, 2013. 216 с.
3. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. СПб. : Питер, 2000. 464 с.
4. Китова, Д.А. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегическое направление противодействия коррупции / Д.А. Китова // Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 219–237.
5. Китова, Д.А. Эмпирические исследования отношения населения к коррупции и коррупционным правонарушениям / Д.А. Китова // Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 63-129.
6. Пайнс, Э. Практикум по социальной психологии / Э. Пайнс, К. Маслач. СПб. : Питер, 2000. 528 с.
7. Толстых, А.В. Нормы социальные / А.В. Толстых // Социальная психология. Словарь / Под ред. М.Ю. Кондратьева. М. : ПЕРСЭ, 2006. С. 135-136.

Солодухо Александр Сегреевич
кандидат психологических наук, доцент
кафедра психологии Белорусского
государственного университета

Saladukha Aleksandr S.
PhD in Psychology Associate Professor
of the Department of psychology of BSU

Фофанова Галина Александровна
старший преподаватель кафедры психологии
Белорусского государственного университета
220004, ул. Кальварийская, 9, г. Минск,
Республика Беларусь
asoloduhu@gmail.com
gfofanova@gmail.com

Fofanova Galina.A.
Senior lecturer of the Department of
psychology of BSU
220004, 9, Kalvaryiskaia str, Minsk,
Republic of Belarus

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РЕКЛАМЫ

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF PSYCHOLOGICAL EXPERTISE OF ADVERTISING

Резюме: В статье рассматриваются ограничения психологической экспертизы рекламы. Аргументируется необходимость разработки научно обоснованной процедуры экспертизы рекламы. Обосновывается привлечение для этих целей результатов эмпирического исследования психологической оценки рекламы потребителями. Рассматриваются возможности привлечения психолога к процессу создания рекламы и ее анализа.

Abstract: This article is discussed the difficulties associated with the organization of psychological expertise of advertising. The necessity of the development of science-based examination procedures of covert advertising is argued. The reasons of using the results of empirical research of psychological assessment of advertising customers are justified. The possibilities of involving a psychologist in the process of creating and analyzing of advertising are considered.

Ключевые слова: психологическая экспертиза, реклама, ассоциативный эксперимент, компетенции психолога-эксперта.

Key words: psychological expertise, advertising, associative experiment, competence of an psychologist-expert.

Необходимость психологической экспертизы рекламы обусловлена несовершенством нормативной базы, регулирующей рекламную деятельность (ее отставание от современных технологий рекламного воздействия, непроработанность категориально-понятийного аппарата и отсутствие учета всех психологических составляющих рекламы), бурным развитием рекламных технологий воздействия на потребителей во всех сферах его жизнедеятельности и внедрением психологического знания в практику рекламной деятельности.

Под экспертизой в целом понимается специальное изучение определенных вопросов в определенной сфере знаний с целью подготовки материалов, необходимых для обоснованного принятия решения и сведения к минимуму риска ошибки. Обязанность эксперта состоит в предоставлении заказчику информации, которую он самостоятельно получить не в состоянии и которая должна помочь ему лучше понять проблемную ситуацию.

Функция эксперта требует позиции «стороннего наблюдателя», который не отвечает за собственно принятие решения. Он предоставляет ответы по существу вопросов, составляющих предмет экспертизы, гарантируя их обоснованность, однако принятие окончательного решения и его реализация лежит вне зоны ответственности эксперта [1]. Другими словами, задача психолога-эксперта состоит в том, чтобы определить и спрогнозировать психологическое содержание рекламы, психологические последствия ее восприятия потенциальным потребителем.

На настоящий момент основной запрос на психологическую экспертизу рекламы исходит от контролирующих органов, и предметом экспертизы является соответствие рекламы существующему законодательству, то есть оценка рекламы на предмет ее социальной эффективности. Такая экспертиза имеет целью определить, насколько допустимы конкретные рекламные акции и их последствия, не нарушает ли реклама условия нормальной жизни граждан, которые государство по закону обязано защищать. Запрос на психологическую экспертизу возникает, если нет возможности непосредственно сопоставить содержание рекламы с предъявляемыми к ней требованиями. Именно такая задача часто встает при оценке соответствия рекламы таким требованиям, как, например, этичность и пристойность.

Область психологической экспертизы в данном случае – вопросы, касающиеся оценки рекламы с точки зрения допустимости применяемых в ней методов, приемов, средств психического воздействия на потребителя.

Для признания результатов экспертизы надежными, экспертиза должна соответствовать ряду принципов: 1) отсутствие предвзятости эксперта по

отношению к анализируемому материалу; 2) дизайнерская элегантность и прагматическая ценность рекламы не могут выступать в качестве оправдания угрозы ущерба психике потенциального потребителя рекламы; 3) учет изменчивости и разнородности социокультурной среды, в которой существует реклама; 4) ориентация эксперта на корректное и прозрачное использование приемов экспертной проверки материала, а не на поиск «единственно верных» значений использования образов в рекламном сюжете, учет подвижности и гетерогенности языковых норм, существующих в современной культуре; 5) создание интегративной модели экспертного заключения и учетом представлений всех сторон, задействованных в процессе принятия решения; б) авторитет экспертных заключений, определяющийся их официальным статусом и общедоступностью, может выступать в качестве двигателя развития повседневного контроля корректности рекламного воздействия с позиций всех вовлеченных в данный вид деятельности сторон – от рекламопроизводителей до контролирующих органов [1; 2].

Реализация психологической экспертизы по запросам контролирующих органов имеет ряд сложностей, существенно ограничивающих как возможности самой экспертизы, так и рекламной деятельности. Во-первых, значительное *ограничение времени* для проведения экспертизы не позволяет эксперту подкрепить свое заключение результатами эмпирического исследования.

Процедура юридического доказательства предполагает детальный анализ экспертного заключения, с максимально подробным отображением каждого экспертного действия в соответствующей документации (отчет о проведении экспертизы). Это предполагает наличие эталонного образца проведения подобных экспертиз, зафиксированного в соответствующих методических пособиях и научных публикациях, которые на настоящий момент в Республике Беларусь не представлены. В то же время возникает вопрос о правомерности использования в данных условиях приемов сбора эмпирических данных, построенных на методе опроса: насколько корректно определять отношение субъекта к проблеме, имеющий социальный характер, с помощью вопросов,

содержание которых, пусть даже и в переформулированной форме, подталкивает респондента к поиску социально приемлемого (нормативного, запоминающегося) ответа.

Когда речь идет о доказательстве особенностей воздействия того или иного текста на генеральную совокупность, не подлежащую непосредственному измерению, особую роль приобретает эмпирическое доказательство на ограниченной выборке испытуемых с помощью метода научного эксперимента, в частности, направленного ассоциативного эксперимента, который позволяет осуществить обоснованную проверку своеобразия воздействия на сознание субъекта продуктов массовой коммуникации. Но и на реализацию данной схемы экспертизы требуется больше времени, чем эксперт располагает в реальности. Во-вторых, определенные сложности создает *формулировка самого запроса* на экспертизу. Как правило, запрос формулируется с прямым отсылком к нарушениям законодательства (с необходимостью указания экспертом конкретных статей закона, которые были нарушены), тем самым вынуждая эксперта выходить за рамки своих профессиональных компетенций. Безусловно, эксперт-психолог должен знать законодательную базу, регуливающую рекламную деятельность. Но он не должен отвечать на вопросы, не входящие в предметную область психологической экспертизы рекламы и, тем более, принимать решение о нарушениях законодательства. В-третьих, сама законодательная база содержит существенные пробелы и неопределенности, касающиеся феноменологии потребительского поведения и психологического воздействия на него.

Отсутствует единая четкая трактовка ключевых понятий, присутствующих в Законе Республики Беларусь «О рекламе» и используемых в ситуации экспертизы (в частности, понятия «влияние», «воздействие», «неосознаваемое воздействие», «скрытая реклама», «внушение» и т.д.). Так, например, статья № 26 п. 4 закона гласит: «Использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции, а также в иной продукции и размещение (распространение) иными способами *скрытой рекламы*, то есть рекламы, которая *оказывает не*

осознаваемое потребителем рекламы *воздействие* на его восприятие, в том числе путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и *иными способами*, не допускаются» [3].

В силу обозначенной выше проблемы, согласно данной статье, ненадлежащей может быть признана практически любая реклама. Экспертиза рекламных сюжетов на предмет соответствия действующему законодательству в данной ситуации, либо отдается полностью на откуп эксперту, либо контролирующим органам, но практически полностью лишает определенности и защиты рекламопроизводителей. В этом контексте необходима совместная работа представителей законодательной сферы, рекламопроизводителей, психологического сообщества по коррекции законодательной базы и созданию прозрачной, научно-обоснованной модели проведения психологической экспертизы рекламы (в особенности спорных товаров – алкоголя, азартных игр, лекарственных препаратов), которая позволит стандартизировать и ускорить процесс проведения психологической экспертизы рекламы, установить научно обоснованные закономерности организации рекламных сообщений, создать юридически обоснованную, подтвержденную с помощью научного эмпирического исследования доказательную базу, содержащую идентификационные признаки недобросовестной рекламы [1].

И, наконец, пятая проблема связана с тем, что экспертиза рекламы, как проводится уже после ее запуска «в поле». Это сопряжено, с одной стороны, со значительными финансовыми потерями рекламодателей и рекламопроизводителей, а с другой – с нанесенным вредом потребителям в случае признания рекламы ненадлежащей. Финансовых затрат и существенного урона имиджу рекламопроизводителю и рекламодателю можно было бы избежать, если бы экспертиза рекламы производилась на претестовом этапе – т.е. до ее запуска. Бизнес, связанный с рекламой, заинтересован, в целом, в том, чтобы реклама благоприятно оценивалась и принималась обществом (т.е. потребителями). Ему невыгодна неэффективная в социокультурном плане

реклама, потому что она рискует утратить влияние на потребителей и экономически оказаться также неэффективной.

В этом смысле, привлечение бизнесом психологов, владеющих предметным полем, к различным этапам создания рекламы может быть весьма продуктивно. Первое направление – первоначальная работа с клиентом-рекламодателем. Ключевыми компетенциями психолога на этом этапе являются способности находить общий язык и максимально понимать потребности клиента. Помимо общих формальных вопросов об истории торговой марки, самом товаре, финансовых вопросах, каналах распространения и временных интервалах необходимо выяснить ключевые моменты, а именно: почему нужна реклама, какова ее цель, на какую целевую аудиторию ориентирован товар, и какого эффекта хочет добиться клиент после запуска рекламы «в поле». Вторая область, в которой компетенции психолога особенно ценны – исследование целевой аудитории.

Следует отметить, что может быть реализован достаточно глубокий анализ предпочтений, мотивов и потребностей целевого сегмента, предполагающий применение различных психологических инструментов: глубинные интервью, фокус-группы, эксперименты и т.д. Знание целевой аудитории вызовет разработать наиболее адекватные маркетинговые стратегии, грамотно спланировать и реализовать позиционирование, создать понятное целевой аудитории рекламное сообщение и сформировать положительный имидж товара и его производителя.

Третья область реализации психолога – собственно разработка идеи рекламы. Психолог в этой области может выступать в двух ипостасях: как организатор-фасилитатор творческого мышления в креативном отделе рекламного агентства (проведение мозгового штурма, тренинга креативности и прочее) или в качестве самостоятельного создателя идеи рекламного сюжета. Знания психолога в области формально-динамических характеристик восприятия текста, цвета и формы позволят ему быть грамотным консультантом в процессе создания собственно рекламы.

И, наконец, пятая область – анализ рекламы до ее трансляции в средства массовой информации, другими словами, его психологическая экспертиза, которая может реализовываться в двух направлениях: 1) определение психологического эффекта на потребителя после восприятия им рекламы; 2) соответствие рекламы действующему законодательству, определение «проблемных точек» рекламы и их коррекция. Следует отметить, что применение психологом знания нормативной базы рекламной деятельности на всех этапах создания рекламы также позволит рекламопроизводителю избежать потенциальных сложностей с контролирующими органами и не нанести вред потребителям.

Таким образом, психологическая экспертиза рекламы – необходимое звено рекламной деятельности. Трансформация психологической экспертизы рекламы из «карательного инструмента» в созидательный, направленный на благо потребителей, рекламопроизводителей, рекламодателей и контролирующих органов, предполагает привлечение всех заинтересованных сторон, в том числе психологов к совершенствованию законодательной базы, регуливающей рекламную деятельность, а психологов – к процессу создания рекламы.

1. Солодухо, А. С. Психологическая экспертиза скрытой рекламы: проблемы и перспективы / А.С. Солодухо, Г.А. Фофанова // Философия и социальные науки. 2014. № 4. С. 75-78.

2. Пронина, Е.Е Психологическая экспертиза рекламы. / Е.Е. Пронина. М. : РИП-холдинг, 2005. 247 с.

3. О рекламе: Закон Респ. Беларусь 10 мая 2007 г. № 225-3: с изм. и доп. от 11 мая 2016г. № 362-3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700225>. [Дата доступа: 20.10.2017]

Сорока Анатолий Владимирович
Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, доцент кафедры
прикладной психологии, кандидат пси-
хологических наук, доцент
61022, площадь Свободы 6, г. Харьков,
Украина
Anatolij_soroka@ukr.net; Anatolij_soroka@mail.ru

Soroka Anatoly Vladimirovich
Associate professor. Applied psychology
department V. N. Karazin national university.
61022, Freedom Square 6, Kharkov, Ukraine

АПРОБАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

APPROBATION OF SELECTED RESULTS OF THE PROGRAM OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF RESOSCALIZATION OF PERSONS, RELEASED FROM THE SITUATION OF FREEDOM

Резюме: в статье представлены исследования апробации отдельных результатов программы психологической коррекции ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы в соответствии с выполнением предложенного нами ранее системно-комплекса. Практическая значимость исследования заключается в апробации и успешном внедрении результатов исследования, а именно: «Психодиагностической и психокоррекционной программ исследования готовности до ресоциализации лиц, после освобождения из мест лишения свободы» в соответствующих центрах социальной адаптации трех областей Украины.

Abstract: in the article are presented the researches of approbation of separate results of the program of psychological correction of resocialization of persons released from places of deprivation of liberty in accordance with the fulfillment of the proposed earlier system complex. The practical significance of the study is the approbation and successful implementation of the results of the study, namely: «Psychodiagnostic and psychocorrectional programs of readiness studies before resocialization of persons after release from prison» in the respective centers of social adaptation of the three regions of Ukraine.

Ключевые слова: системный подход, системно-комплекс, психокоррекционная программа, ресоциализация личности.

Key words: system approach, system-complex, psychocorrection program, resocialization of personality.

Актуальность проблемы ресоциализации и реадaptации лиц, освобожденных из мест лишения свободы способствует их благоприятной адаптации к современной жизни в обществе, предупреждения рецидивной преступности личности находящейся в соответствующих учреждениях социальной адаптации. В настоящее время проблема ресоциализации лиц,

освобожденных из мест лишения свободы, не нашла должного развития в отечественной системе пробации Украины.

Пробация – система надзорных и социально-воспитательных мер, применяемых по решению суда и в соответствии с законом к осужденным, выполнение определенных видов уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и обеспечение суда информацией, характеризующей обвиняемого. Пробационная программа – программа, назначается по решению суда лицу, освобожденному от отбывания наказания с испытанием, и предусматривает комплекс мероприятий, направленных на коррекцию социального поведения или ее отдельных проявлений, формирование социально благоприятных изменений личности, которые возможно объективно проверить [1].

В частности, для этих целей недостаточно используются возможности активного обучения психологов пробации Украины. Можно констатировать, что психологическая работа пробации ещё не вышла за пределы отдельных экспериментов и не стала отработанной и научно обоснованной системой. Этому препятствуют не только малочисленность психологов пробации и слабая методическая оснащённость их деятельности, но и недостаточная научная проработка подходов к созданию технологий восстановления и развития у субъектов пробации жизненно важных умений и качеств, необходимых для их успешной реинтеграции в общество. Дефицит эффективных технологий психологической ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы затрудняет профилактическую работу, нацеленную на ослабление десоциализирующего влияния тюремной среды, поскольку задачи (ресоциализация, профилактика, психокоррекция) тесно связаны.

Практическая значимость исследования заключается в апробации и успешном внедрении результатов исследования, а именно: «Психодиагностической и психокоррекционной программ исследования готовности до ресоциализации лиц после освобождения из мест лишения свободы» в соответствующих центрах социальной адаптации Харьковской, Полтавской,

Сумской областей Украины. Результаты исследования используются в практической деятельности психологов учреждений исполнения наказаний, пробации выше перечисленных областей, а также при проведении занятий в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации психологов учреждений исполнения наказаний, пробации Украины.

Материалы исследования могут быть использованы в работе с несовершеннолетними правонарушителями; с осужденными, отбывающими наказание в колонии – поселении или без изоляции от общества; в таких областях психологии, как юридическая, превентивная, ювенальная психология.

Цель статьи: определить отдельные результаты исследования после применения нами авторской программы психологической коррекции ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Исследования проводились на базе трёх соответствующих центров социальной реабилитации бездомных лиц (различных форм собственности) трех областей Украины. Выборка исследования составляет общим количеством – 100 исследуемых мужского пола (первые шесть месяцев после освобождения с мест лишения свободы). Из этой выборки выделились 48 испытуемых, которые по собственному желанию входили в четыре экспериментальных группы и отвечали следующим критериям:

1) их внутренние убеждения относительно изменений своей жизни в лучшую сторону были насколько желанными, что они с большим удовольствием принимали участие в проведении апробации психокоррекционной программы;

2) отсутствие наркотической, алкогольной или игровой зависимости;

3) исследуемые в группах были близки по возрасту.

Исследуемым была предоставлена возможность участвовать в групповой работе в течение 2,5 месяцев, 1 занятие в неделю продолжительностью 4 академических часа каждое (всего 36 часов).

Таким образом, было сформировано 4 экспериментальных группы:

– первая группа испытуемых (молодежь) – 24 человека в возрасте от 28 до 39 лет – подразделяется на 2 подгруппы по 12 человек;

– вторая группа испытуемых (старшие по возрасту) – 24 человека в возрасте от 40 до 50 лет – подразделяется на 2 подгруппы по 12 человек.

Общее количество исследуемых экспериментальных групп составляет – 48 мужчин.

Контрольную группу составили 52 испытуемых, вошедших в выборку на начальном этапе исследования, но не участвовавших в групповой работе; с ними в различных учреждениях социальной адаптации велась другая работа по ресоциализации и реинтеграции в современное общество.

Необходимо специально отметить, что в психокоррекционном тренинге *не принимали участие* лица, имеющие *патопсихологические* отклонения.

Достигнутые в процессе научно-экспериментальной работы результаты сравнивались и оценивались по показателям «Системы ценностно-нормативной сферы личности», а именно: шкала базовых убеждений личности; шкала общей коммуникативной толерантности личности; шкала склонности к агрессии личности в отношениях с окружающими. Также по показателям «Системы волевой саморегуляции личности», в которую входят следующие показатели психологической характеристики: шкала волевой саморегуляции личности; шкала контроля за действием (показатель самоконтроля) личности; шкала способность к самоуправлению личности. По нашему мнению, негативные показатели выше перечисленных переменных – обуславливают недостаточную ресоциализацию личности после освобождения от отбывания срока наказания в современном обществе.

Полученные на начальном этапе исследования данные мы подробно описали в наших предыдущих публикациях [2–5]. Основной целью проведения психокоррекционной программы по исследуемым характеристикам является исправление негативных показателей соответствующих переменных исследуемого нами системокомплекса, то есть выровнять общее отставание в развитии ценностно-нормативной сферы и волевой саморегуляции личности,

поэтому анализ достижений результатов исследования мы начинаем с первого интеграционного показателя.

1. Динамика показателей «Шкалы базовых убеждений» и ее субшкал наглядно показано в таблице 1.

Таблица 1

Распределение испытуемых по уровням сформированности компонентов шкалы базовых убеждений на начальном и завершающих этапах работы

Уровень сформированности компонентов шкалы базовых убеждений	Начальный этап	После завершения работы
Ценность собственного «Я»		
Низкий	22 чел. (47,3%)	4 чел. (3,8%)
Средний	15 чел. (33,35%)	23 чел. (48,7%)
Высокий	11 чел. (19,35%)	21 чел. (47,5%)
Способность управлять случайностью событий		
Низкий	24 чел. (50%)	5 чел. (4,74%)
Средний	14 чел. (27,5%)	23 чел. (49,11%)
Высокий	10 чел. (22,5%)	20 чел. (46,15%)
Степень удачи или везения		
Низкий	20 чел. (40,11%)	6 чел. (12,5%)
Средний	19 чел. (38,15%)	18 чел. (37,5%)
Высокий	9 чел. (21,74%)	24 чел. (50%)
Контролируемость мира и законов Украины		
Низкий	3 чел. (4,75%)	Нет
Средний	29 чел. (60,11%)	10 чел. (22,5%)
Высокий	16 чел. (35,14%)	38 чел. (77,5%)
Справедливость мира и правосознание личности		
Низкий	29 чел. (60,11%)	5 чел. (11%)
Средний	12 чел. (24,5%)	30 чел. (61,5%)
Высокий	7 чел. (15,39%)	13 чел. (27,5%)

Достоверность различий, установленная с помощью t-критерия Стьюдента, свидетельствует о том, что на начало и завершение работы с исследуемыми значимо отличаются показатели субшкал ценность собственного «Я» ($t = 15,07$, $p < 0,00001$), способность управлять случайностью событий ($t = 8,07$, $p < 0,000001$), степень удачи или везения ($t = 9,25$, $p < 0,000001$), контролируемость мира и законов Украины ($t = 13,09$, $p < 0,00001$), справедливость мира и правосознание личности ($t = 11,68$, $p < 0,00001$). Полученные в ходе статистической обработки данные свидетельствуют о том, что на начальном этапе исследуемые нами

показатели были менее выражены, чем на завершающем этапе. Установленные различия являются статистически значимыми.

Таким образом, апробация отдельных результатов авторской программы психологической коррекции ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, распределение испытуемых по уровням сформированности показателей исследуемого нами системокомплекса на начальном и завершающем этапах групповой работы определили следующие результаты, а именно:

1) исследование показало, что предлагаемая модель авторской программы психологической коррекции ресоциализации исследуемых обуславливает коррекцию *шкалы базовых убеждений* по следующим *субшкалам*: ценность собственного «Я» (исследуемые начали верить в ценность собственного «Я» в трех аспектах: «Я хороший человек» (самоценность), «Я правильно себя веду» (контроль) и оценка собственной успешности); способности управлять случайностью событий; степень удачи или везения; контролируемость мира и законов Украины; справедливость мира и правосознание личности. По данным переменным исследуемые стали благосклоннее относиться к контролируемости и справедливости окружающего мира и законам Украины, стали четче определяться с тем, что происходит во взаимоотношениях с ними и другими людьми это добро или зло;

2) высказанная нами гипотеза о том, что негативные показатели выше перечисленных переменных – обуславливают недостаточную ресоциализацию личности после освобождения из мест лишения свободы в современном обществе доказана нами в процессе проведения психокоррекционной работы с 4-мя экспериментальными группами испытуемых. В результате работы произошли существенные изменения в целом ряде показателей исследуемого нами системокомплекса, выраженность которых на момент завершения исследования по сравнению с его началом позволяет утверждать, что процесс ресоциализации исследуемых идет успешно. Восемь исследуемых в дальнейшем успешно женились (материальную помощь им оказали

соответствующие благотворительные, религиозные организации Украины) и счастливо живут в семье, воспитывают детей. Автор, являясь председателем общественной организации Северо-Восточного межрегионального управления исправления наказаний и пробации Министерства юстиции Украины, всячески старается оказывать им помощь.

Перспективою наших дальнейших исследований и публикаций будет раскрытие результатов работы после проведения психокоррекционной программы с исследуемыми.

Литература

1. Закон України Про пробачію. Відомості Верховної Ради, 2015, № 13, ст.2.
2. Сорока А. В. Програми дослідження розвитку ефективності соціальної адаптації особистості після звільнення із пенітенціарних установ / А. В. Сорока // Проблеми екстремальної та кризової психології. Збірник наукових праць. Частина II. X. : НУЦЗУ, 2013. С. 330-337.
3. Сорока А. В. Особливості показників базових переконань бездомної особи після звільнення від відбування покарання. /А. В. Сорока // Вісн. Харк. нац. ун. імені В. Н. Каразіна. Збірник наукових праць. № 1095. Серія: Психологія. 2014. Вип. 53. С. 233-237.
4. Сорока А. В. Системний підхід щодо ресоціалізації особистості після звільнення від відбування покарання. /А. В. Сорока // Вісн. Харк. нац. ун. імені В. Н. Каразіна. Збірник наукових праць. Серія «Психологія». Вип. 58. 2015. С. 147-151.
5. Сорока А. В. Психологические особенности социальной реадaptации лиц, освобождённых из мест лишения свободы. Современные проблемы прикладной юридической психологии [Электронный ресурс]: материалы I Респ. науч.-практ. конф., Минск, 23 нояб. 2016 г. / ред. кол.: И. А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. Электрон. дан. (17,1 Мб). Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 101-106.

Стуканов Виталий Григорьевич
Учреждение образования «Академия
Министерства внутренних дел Республики
Беларусь», профессор кафедры психологи
и педагогики, кандидат психологических
наук, доктор педагогических наук, доцент
220005, г. Минск, пр. Машерова, 6
Республика Беларусь
Stukanoff@tut.by

Stukanov Vitalij
Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus, candidate of
psychological sciences, Ph.D, associate
professor, doctor of pedagogical sciences
220005, Minsk, 6 Masherov Ave.
Republic of Belarus

Социальная профилактика правонарушений и правовое воспитание граждан: состояние, проблемы, задачи

Social prevention of offenses and legal education of citizens: status, problems, tasks

Резюме. Осуществлен анализ состояния правового воспитания в современных условиях Республики Беларусь. Отражены результаты эмпирического исследования особенностей правосознания населения республики, представлений об уровне правопорядка в стране, о деятельности милиции. Сформулированы задачи по совершенствованию социальной профилактики правонарушений.

Abstract. The analysis of the state of legal education in the modern conditions of the Republic of Belarus is carried out. The results of an empirical study of the peculiarities of the legal consciousness of the population of the republic, representations about the level of law and order in the country, and the activities of the militia are reflected. The tasks on the improvement of social prevention of offenses are formulated.

Ключевые слова: правовое воспитание, правосознание, правопорядок, органы правопорядка.

Key words: legal education, legal conscience, law and order, law enforcement agencies.

Одной из главных задач государства является социальная профилактика правонарушений. Она предусматривает не только устранение причин и условий преступности, но и правовое воспитание членов общества, направленное на *формирование определенных свойств и качеств личности, которые образуют правосознание и выступают внутренней предпосылкой правомерного поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, регулируемых нормами права.* В Республике Беларусь заложены основы достаточно стройной системы правового воспитания, важность которого подчеркивается в соответствующих нормативных правовых актах. Так, например, в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике

правонарушений» от 4 января 2014г. № 1223, а также Кодексе Республики Беларусь об образовании закреплен государственный заказ на формирование правосознания нормоправной направленности, высокой правовой культуры населения. Правовое воспитание является предметом деятельности уполномоченных государственных органов (министерства внутренних дел, образования, информации, генеральной прокуратуры), учреждений образования всех уровней, органов внутренних дел при профилактике правонарушений, исправительных учреждений при исправлении личности преступника, печатных и электронных средств массовой информации, общественных объединений («БРСМ», «Белая Русь», «ДОСААФ», «Белорусский союз женщин»), религиозных организаций и др. Особая роль в этом вопросе отводится семье.

Уровень правопорядка в обществе

Принимаемые государством меры по социальной профилактике правонарушений и правовому воспитанию граждан приносят положительные результаты. Так, анализ криминогенной обстановки в стране свидетельствует об улучшении ситуации в последнее десятилетие. После длительного периода постоянного роста совершаемых в обществе правонарушений (рис. 1) с 2006 года по настоящее время наблюдается существенный спад преступности (рис. 2) и стабилизация криминогенной обстановки в стране.

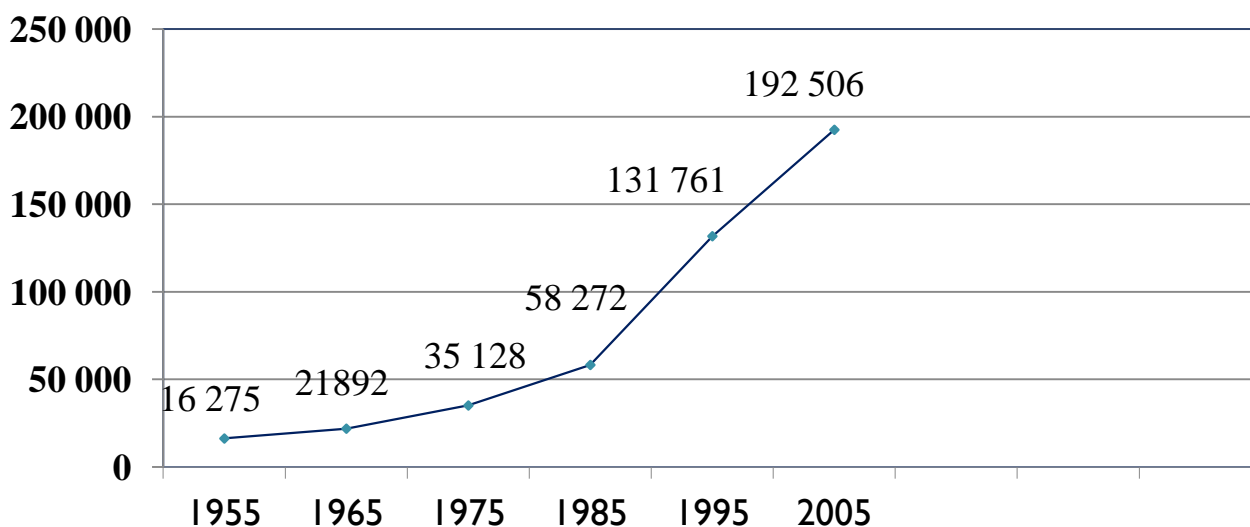

Рисунок – 1. Динамика зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь в 1955–2005 гг.

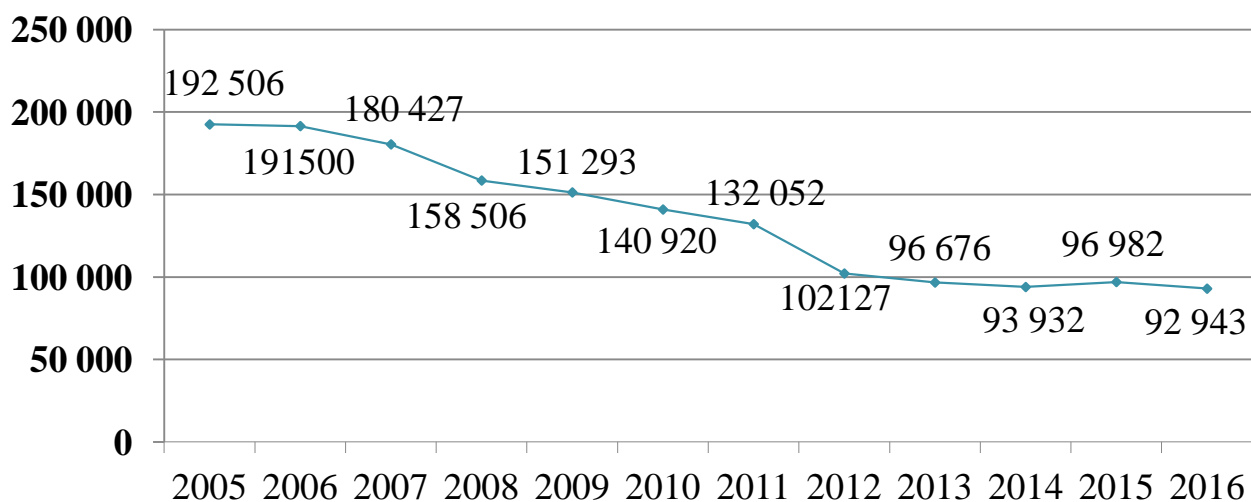

Рисунок – 2. Динамика зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь в 2005–2016 гг.

Усилия государства, органов правопорядка существенно повлияли на восприятие Беларуси в мире. Если в 2009 году Беларусь занимала 52-е место [1] в международном рейтинге по критерию «безопасность», то в 2016 году – 18-е² [2] (табл. 1).

Таблица – 1. Международный рейтинг уровня преступности в Беларуси*

Место в рейтинге	Наименование страны	Коэффициент преступности	Коэффициент безопасности
1	Южная Корея	14,99	85,01
2	Сингапур	16,49	83,51
3	Грузия	19,26	80,74
4	Тайвань	19,52	80,48
5	Япония	19,98	80,02

²Анализ уровня преступности в странах мира в 2016 г. осуществлен по данным Numbeo - популярной базы данных пользователей о разных странах и городах. Сведения о странах основаны на мнениях граждан, проживающих в них либо их посещающих. Индекс преступности и безопасности основан на опросах пользователей сайта и является оценкой общего уровня преступности в городе или стране.

...
15	Эстония	25,93	74,07
16	Мальта	26,31	73,69
17	Финляндия	26,5	73,5
18	Беларусь	27,25	72,75
...
114	Южная Африка	77,49	22,51
115	Южный Судан	78,18	21,82
116	Гондурас	79,45	20,55
117	Папуа - Новая Гвинея	81,93	18,07
118	Венесуэла	84,92	15,08

*Оценка уровня преступности:

- менее 20 баллов – очень низкий уровень преступности;
- от 20 до 40 баллов – низкий уровень преступности;
- от 40 до 60 баллов – умеренный уровень преступности;
- от 60 до 80 баллов – высокий уровень преступности;
- свыше 80 баллов – очень высокий уровень преступности.

На протяжении последнего десятилетия уровень зарегистрированной преступности в стране снизился более чем в 2 раза, однако *восприятие населением преступности как постоянно растущей и неконтролируемой остается*. По результатам проведенного нами исследования *60,6% опрошенных (здесь и далее N – 1206) считают, что в обществе совершается много преступлений [3]*.

В Республике Беларусь высокий по европейским меркам процент раскрываемости преступлений [4] (рис. 3).

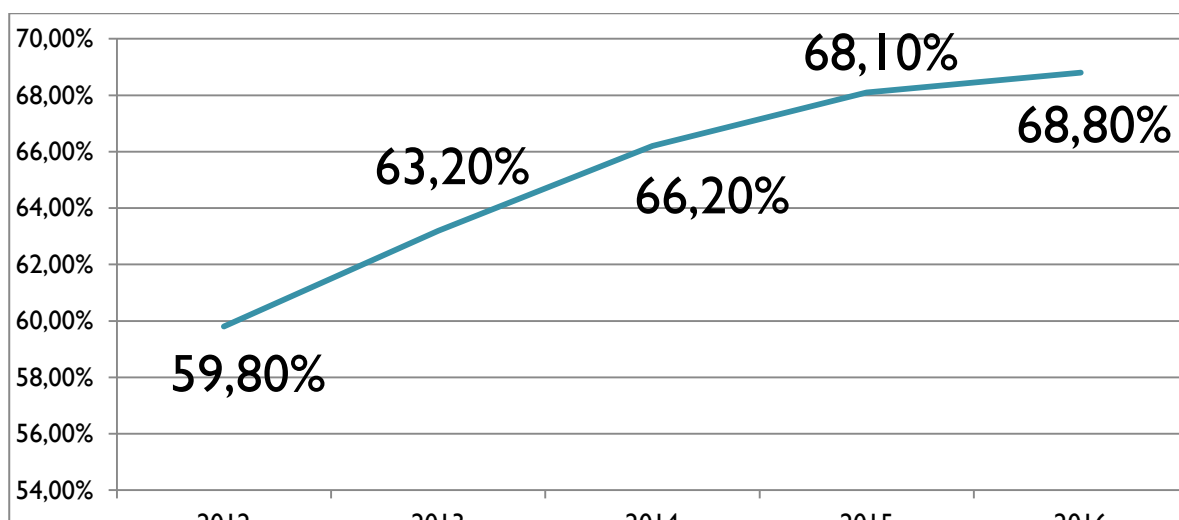

Рисунок – 3. Динамика раскрываемости преступлений в Республике Беларусь за последние 5 лет (2012–2016 гг.)

То есть на практике объективно реализуется принцип неотвратимости наказания, когда виновные несут заслуженное наказание за содеянное. Вместе с тем в общественном правосознании сформирован негативный стереотип, что большинство преступников избегают наказания. Так, лишь 20,0% опрошенных считают, что виновные будут изобличены и наказаны [3]. Именно этим можно объяснить, что респонденты в большинстве своем негативно оценивают уровень правопорядка в обществе, а также считают, что органы правопорядка ничего не делают для улучшения криминогенной ситуации в стране, слабо раскрывают преступления.

Таким образом, одной из задач правового воспитания является формирование общественного мнения о том, что преступность находится под контролем органов правопорядка, интенсивность борьбы с преступностью никогда не ослабевает, а также представлений о реальной реализации в стране принципа неотвратимости наказания.

Отношение к милиции и другим органам правопорядка

Отношение населения к правоохранительным органам, в первую очередь, к милиции и суду, является одним из основных элементов правосознания, детерминирующих социально-правовое поведение людей. При этом, характер

этих отношений определяет уровень правовой активности граждан в поддержании правопорядка.

Социологические опросы проводимые МВД свидетельствуют о высоком уровне доверия к милиции [5]. Так, по данным МВД Республики Беларусь в 2016 году 65,2% опрошенных выразили доверие к органам внутренних дел, 68% готовы оказывать помощь милиции в борьбе с преступностью [5]. Вместе с тем, современное состояние науки позволяет утверждать, что опросные методы не достаточно надежны, изучают не истинное отношение к явлениям, а декларируемое или желаемое [6]. Для получения объективных данных оправдано применение комплексного подхода, включающего наряду с опросами такие методы, как контент-анализ суждений граждан в социальных сетях, блогах, форумах, а также фокус-группы, позволяющие выяснить мотивы (аттитюды) оценочных суждений.

Результаты нашего исследования с использованием вышеуказанных методов свидетельствуют, что в общественном правосознании в отношении органов правопорядка, в первую очередь, милиции сложились отрицательные стереотипы[3]. Так, большинство респондентов (80,0%) считают, что в милиции работают «не профессионалы», которые постоянно нарушают законодательство (63,0%). Оценивая личностные качества сотрудников милиции, респонденты указывают на их враждебность, грубость, некомпетентность, нечестность. В итоге, *большинство граждан не доверяют милиции, и лишь 25,6% доверяют.*

В целях изучения *причин* отрицательного отношения населения к милиции мы использовали метод дискуссионных фокус-групп, а также контент-анализ интернет-форумов (onliner.by; tut.by). Причинами отрицательного отношения к милиции явились сформированные в общественном правосознании граждан *негативные стереотипы*: 1) о незаконных методах, которые использует милиция в своей деятельности; 2) об отсутствии со стороны милиции помощи, волоките, бюрократизме и формализме в служебной деятельности; 3) о широкой распространенности коррупции среди сотрудников,

особенно среди руководителей ОВД; 4) о выполнении милицией несвойственных функций, а именно – решение политических задач; 5) о наличии у сотрудников ОВД необоснованных социальных льгот и высокие зарплаты; 6) о том, что в Беларуси высокая численность милиции, на содержание которой уходит значительная часть налогов граждан; 7) о не эффективной борьбе с преступностью. При этом, абсолютное большинство участников фокус-групп (около 90%) и форумчан (около 60%) сами никогда не сталкивались с противоправным отношением к ним сотрудников милиции, всю информацию получили из рассказов друзей, близких и соседей, а также средств массовой информации.

Отрицательное отношение к милиции продуцирует негативную оценку криминогенной ситуации в стране, а также не желание принимать участи в оказании помощи милиции в поддержании общественного порядка и раскрытии преступлений. В этой связи важнейшей задачей государства является формирование адекватного отношения к милиции и повышение доверия ко всей правоохранительной системе. Первоочередными психолого-педагогическими задачами формирования конструктивного отношения к органам правопорядка являются: укрепление в правовом сознании положительных представлений и ценностной значимости правоохранительной системы, в первую очередь, милиции; формирование в правовом сознании ценностной значимости сотрудника правопорядка, позитивного, эмоционально привлекательного образа сотрудника ОВД; разрушение убеждений о широкой распространенности в обществе противоправных деяний; формирование положительного отношения к участию в поддержании правопорядка, пресечению преступных посягательств, оказания помощи работникам правоохранительных органов в изобличении виновных; закрепление представлений (убеждений, ощущений) о состоянии безопасности от преступных посягательств, которые испытывают граждане.

Влияние информации на социальное поведение людей

Угрозой безопасности белорусского общества все чаще становятся так называемые «новые» преступления, для которых лишь сравнительно недавно появились экономические, политические, социальные, технические и иные предпосылки. К ним относятся преступления, совершаемые с использованием компьютерной техники и сети Интернет (неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ и др.), уклонение от уплаты налогов, незаконное предпринимательство, наемничество, ложные сообщения об акте терроризма, детская порнография, работорговля с целью сексуальной эксплуатации и др. Одна из серьезных медико-социальных угроз – рост потребления наркотиков и проблема зависимости от них.

В последние десятилетия все больше возрастает *роль информации в осуществлении социального влияния на людей: информация становится доминирующим средством формирования общественного мнения и настроений*, при этом «распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам» [7]. Анализ свидетельствует, что белорусское общество открыто для деструктивного информационного воздействия со стороны электронных СМИ (в первую очередь из-за рубежа). По данным многочисленных исследований в настоящее время доминирующим источником информации является интернет – здесь особое место начинают занимать социальные сети (Одноклассники, ВКонтакте, Мой мир, Facebook, Twitter, YouTube, форумы интернет-сайтов и т.д.), которые из средства общения и обмена информацией трансформировались в средство организованного распространения деструктивной информации (в том числе по координации протестных политических движений в современном мире). В Республике Беларусь впервые наиболее активно социальные сети были задействованы при организации несанкционированных массовых мероприятий 2011 году. «Революция через социальную сеть» или акции «молчаливого» протеста – название серии акций

протеста, вызванных недовольством части населения финансовым кризисом и девальвацией белорусского рубля. Акции организовывались инициативными группами через социальные сети ВКонтакте и Facebook. Приходится констатировать, что данные *деструктивные информационные атаки приносят серьезный вред состоянию правопорядка в обществе.*

Интернет также становится и анонимной площадкой для совершения преступлений. Так, до настоящего времени во всем мире, в том числе и в нашей стране, Tor-browser используется для незаконных сделок по купле-продаже запрещенных к легальному обороту предметов (наркотики, оружие, предметы антиквара и пр.), занятий проституцией, распространения детской порнографии и т. д.

В этой связи одним из средств правового воспитания и формирования правосознания личности является *целенаправленная информационная деятельность уполномоченных государственных органов, средств массовой информации, учреждений образования* в рамках образовательного процесса и др. Данная деятельность, направленная на решение психолого-педагогических задач, становится важнейшим инструментом формирования устойчивых свойств и качеств личности, которые обуславливают направленность социально-правового поведения человека, его моральную и антикриминальную устойчивость.

Проведенный нами анализ государственных печатных СМИ свидетельствует, что содержание информационного потока, как правило, соответствует нравственно-правовым ценностям [3]. Однако печатные материалы зачастую не ориентированы на формирование конкретных и понятных законопослушных моделей поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, не раскрывают правомерные способы удовлетворения потребностей материального характера, взаимодействия с другими людьми, развлечения и проведения свободного времени, досуга. В печатных СМИ чрезвычайно мало убеждающих читателя материалов о том, что правопослушные способы решения жизненных проблем являются единственно

возможными, а также крайне редко даются четкие, конкретные, понятные и, главное, реальные разъяснения, как поступать и вести себя, не нарушая закон, в сложных ситуациях (например, межличностный конфликт, нехватка денег, невозврат долга, криминогенные события в общественных местах и др.), как сформировать антикриминальную устойчивость, умение сказать «нет» на призыв к совершению криминального действия. Публикации газет часто отличаются выраженной прямолинейностью и односторонностью в преподнесении материала, иногда утрированным отстаиванием пропагандируемых государственной идеологии идей.

Еще одним важным информационным ресурсом сегодня является наружная социальная реклама. Проведенное нами исследование [3] свидетельствует, что наружная социальная реклама преимущественно направлена на формирование у граждан национальной идентичности, чувства патриотизма и любви к Родине (35,3%); профилактику дорожно-транспортных происшествий (17,4%), насилия в семье, работоторговли и сексуальной эксплуатации, незаконного оборота оружия (14,2%); формирование положительного имиджа милиции (6,8%). Вместе с тем наружная социальная реклама в большинстве своем не привлекательна, большинство плакатов не нравится респондентам (55,2%), поскольку они содержат тривиальные образы и призывы, и только 19,6% информируют о социально приемлемых альтернативных моделях поведения. Абсолютное большинство бигбордов (87,9%) не побуждают к активному действию, хотя одно из главных предназначений социальной рекламы – изменение социально-правового поведения людей. Кроме того, необоснованно часто образы социальной рекламы носят шокирующий либо отталкивающий характер, крайне редко используются эмоционально привлекательные герои, которые могли бы стать примером для подражания, демонстрирующие правомерные модели поведения, способы разрешения конфликтов, побуждающие к социально-правовой активности в поддержании правопорядка.

Необходимо подчеркнуть, что контрпропаганда в ответ на деструктивное информационное воздействие на общественное правосознание граждан является недостаточно эффективной.

Вопросы правового просвещения в системе образования

В настоящее время особая роль в социальной профилактике правонарушений и правовом воспитании подрастающего поколения отводится системе образования. Отдельные нравственно-правовые темы включены в учебные программы дошкольного, а также общего среднего образования (предметы «Основы безопасности жизнедеятельности» для 2–9 классов и «Обществоведение» для 9–11 классов). Проведение информационно-просветительской работы и мероприятий по пропаганде здорового образа жизни предусмотрены во внеурочное время на всех уровнях образования – от детского сада до вуза.

Школьная учебная дисциплина «Основы безопасности жизнедеятельности» наиболее ориентирована на правовое воспитание: в процессе преподавания курса разъясняются правила поведения в криминогенных ситуациях, дорожного движения, осуществляется антиалкогольное и антинаркотическое просвещение. Содержание тем излагается доступно, понятно, приводятся конкретные примеры. К сожалению, небольшой объем курса «ОБЖ» не позволяет *целостно* формировать готовность ученика к правопослушному поведению. Кроме того, практико-ориентированная дисциплина предполагает использование педагогом тренингов, ролевых игр, дискуссий и других интерактивных форм обучения, но, как правило, детям предлагаются лекции или беседы.

В рамках учебной дисциплины «Обществоведение» правовому воспитанию посвящены в основном программы для 9 и 11 классов. Так, в разделе «Человек и нравственность» (9 класс) раскрываются вопросы морали, нравственных ценностей и нравственного поведения, однако учебный материал в основном носит затеоретизированный характер, труден для восприятия и не позволяет сформировать в сознании обучающихся понятные и конкретные

нравственно-правовые категории. В 11 классе на уроках обществоведения изучается конституционный строй Беларуси, государственная политика в различных сферах, основные отрасли права, но учебный материал имеет констатирующий характер с изложением выдержек из нормативных правовых актов и преимущественно направлен на *правовое информирование*. Часто сведения изложены сугубо научным языком, напоминая язык монографий или академических лекций, а формулировки, понятия и определения сложны для восприятия, почти отсутствуют образные примеры и сравнения. К сожалению, в учебниках отсутствуют разъясняющий и воспитывающий компоненты, которые бы позволили сформировать у обучающихся положительное отношение к социально-правовым ценностям, уважение к конституционному строю, действующим законам, органам государственной власти и управления. В целом для учебных пособий по обществоведению характерна абстрактность описания правовых категорий, отсутствие четких и понятных для школьников жизненных ориентиров, ясных моделей правопослушного поведения и решения проблем законопослушным способом.

В высших учебных заведениях правовому образованию и воспитанию уделяется еще меньше внимания. Так, образовательный стандарт «Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин», а также типовые учебные программы соответствующего цикла не предусматривают изучение тем правовоспитывающего характера. Нет для обязательного изучения и специальных дисциплин, направленных на правовое просвещение и формирование правосознания личности.

Кризис института семьи

Одна из острейших проблем, влияющая на состояние правового воспитания и, как следствие, криминогенную обстановку в стране, – *кризис института семьи*. В белорусском обществе снижается количество зарегистрированных браков и укрепляется институт «гражданских», растет уровень расторжения браков и супружеская неверность. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь на 1000

жителей в 2015 г. пришлось 8,6 браков и 3,5 развода. При этом, подростки из семей, где встречается супружеская неверность, в 10 раз (!) чаще становятся правонарушителями [8, с. 20]. Кроме того, в стране один из самых высоких в мире уровней пьянства и алкоголизма. Подчеркнем, что *алкоголизация подрастающего поколения начинается и продолжается в семье, где поддерживаются и культивируются алкогольные традиции общества.*

Одним из маркеров *кризиса семьи* выступает социальное сиротство. По данным Министерства образования Республики Беларусь из более чем 21 тыс. детей-сирот 80% – социальные, имеющие живых родителей; более 27 тыс. детей признаны проживающими в социально опасном положении, более 3 тыс. из них нуждаются в государственной защите. А ведь неблагополучная семья в 58,6% случаев служит основным источником антиобщественного поведения ребенка [8, с. 20]. Приходится констатировать, что сегодня семья, к сожалению, уже не является фундаментальным условием формирования должного правосознания у подрастающего поколения.

Эффективность правовоспитательной деятельности

Критериями эффективности деятельности уполномоченных государственных учреждений и общественных формирований в рамках социальной профилактики правонарушений и правового воспитания граждан являются объективные и субъективные результаты.

Объективные результаты проявляются в снижении уровня уголовных и административных правонарушений в обществе, повышении активности граждан по участию в охране общественного порядка, оказанию помощи в изобличении преступников. Проведенный нами анализ свидетельствует о снижении в последнее время уровня преступности в обществе и стабилизации криминогенной обстановки в стране. Однако в современных условиях наметилась тревожная тенденция увеличения количества совершаемых гражданами преступлений и появления целой серии «новых» преступлений. При этом результаты проведенного исследования свидетельствуют, что достаточно низкий уровень доверия населения к органам правопорядка

обуславливает осторожное отношение людей к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка и оказанию помощи в охране имущества, поимке преступника, предупреждения преступления и т. д. Так, только 28,6% респондентов готовы оказывать помощь милиции в поддержании правопорядка, не выдвигая при этом никаких условий, 24,9% – «если не будет неприятностей», 13,5% – «если мне это будет выгодно» [3].

Субъективные результаты эффективности правовоспитательной деятельности выражаются в повышении уровня правовой осведомленности граждан, социально-правовых представлений об органах правопорядка, в положительном отношении к закону и т. д. Необходимо отметить, что сегодня, с одной стороны, уровень образованности людей, в том числе правовой, растет; утверждается и реализуется принцип неотвратимости наказания; почти 80% граждан уверены в своей безопасности [3]. С другой стороны, приходится констатировать, что почти 40% законопослушных членов общества считают законы несправедливыми, при этом многие убеждены в том, что закон защищает власть, государство и лишь в последнюю очередь права гражданина. Абсолютное большинство респондентов считают, что по своим личностным качествам способны жить, не нарушая закон, в достаточной степени знают правовые требования, необходимые для правопослушной жизни. Однако *более половины из них признались, что когда-либо нарушали закон*. Значительной частью опрошенных было высказано положительное отношение к отдельным коррупционным преступлениям, а точнее традициям, например, «благодарить» деньгами, подарками врачей, учителей, государственных служащих. При этом в представлениях почти 40% респондентов в этих поступках *отсутствует отрицательный смысл, осуждение либо порицание*.

Таким образом, изучение состояния современной практики правового воспитания позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время государственная информационная политика в данной сфере в достаточной степени не определяет стратегические ориентиры, цели и задачи формирования правосознания личности нормоправной направленности, не служит в этом

плане идейным источником правотворческой деятельности. Уполномоченные органы и учреждения не реализуют в полной мере задачу по воспитанию законопослушной личности.

Выполнение государственного заказа на формирование высокой правовой культуры населения предполагает разработку актуального содержания правового воспитания как важного ресурса по социальной профилактике правонарушений, что обуславливает необходимость уточнения структуры правосознания личности, проведения исследования свойств и качеств личности, которые в совокупности представляют собой дефекты правосознания и выступают причиной противоправных отклонений в поведении. Знание дефектов правосознания необходимо для разработки комплекса дифференцированных психолого-педагогических задач правового воспитания, а также для определения эффективных средств информационно-педагогического воздействия, направленных на формирование правосознания личности нормоправной направленности и исправление правосознания личности противоправной направленности.

1. Как выглядит Беларусь в международных рейтингах? (по данным исследовательского института международной инвестиционной группы LegatumProsperityIndexLegatum). Режим доступа: <http://marketing.by/analitika/kak-vyglyadit-belarus-v-mezhdunarodnykh-reytingakh>. [Дата доступа: 12.04.2017].

2. Уровень преступности в странах мира в 2016 г. Режим доступа: <http://total-rating.ru/1700-uroven-prestupnosti-v-stranah-mira-2016.html>. [Дата доступа 12.04.2017].

3. Стуканов, В. Г. Информационно-педагогическая система формирования правосознания личности / В. Г. Стуканов; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Академия МВД, 2016. 279 с.

4. Большое интервью Министра внутренних дел Игоря Шуневича в проекте «Крупным планом». Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=373383>. [Дата доступа 12.04.2017].

5. Уровень доверия населения растет // На страже. 2017. № 6. С. 4-5.

6. Франц, В. А. Управление общественным мнением : учеб. пособие / В. А. Франц ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 135 с.

7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P31000575>. [Дата доступа: 21.04.2016].

8. Павлухин, А. Н. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних средствами правового воспитания: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. Н. Павлухин, З. С. Зарипов, Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 111 с.

УДК 159.9

Сутович Елена Иосифовна

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», профессор кафедры идеологической работы, кандидат психологических наук, доцент
220003, г. Минск, ул. Славинского, д.4
Sutovich@yandex.ru

Sutovich Alena

State Educational Establishment « Institute of Frontier Service of the Republic of Belarus», Professor of Chair of Ideology, Candidate of Psychology, Associate Professor
220103, 4 Siavinsky Str, Minsk

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА В ОРГАНАХ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

HISTORIC ASPECTS PROFESSIONAL SELECTION IN THE BORDER SERVICE BODIES

Резюме. В представленной статье излагаются исторические аспекты формирования подходов к осуществлению профессионально-психологического отбора в органах пограничной службы Республики Беларусь. Описывается деятельность лаборатории профессионально психофизиологического отбора пограничных войск, а также современные подходы к отбору пограничников в органах пограничной службы Республики Беларусь.

Abstract. The article deals with the historical aspects to form the approaches of the implementing the professional and psychological selection in Border Service Authorities bodies of the Republic of Belarus. It is also considered the modern approaches of border gnarls' selection in Border Service Authorities bodies of the Republic of Belarus.

Ключевые слова: профессиональный отбор, профессионально-психологический отбор, военные специалисты, пограничники.

Key words: professional selection, professional and psychological selection of military experts, the border guards.

История профессионально-психологического отбора в пограничное ведомство уходит корнями в глубокую древность. В то же время первой попыткой профессионально-психологического отбора как солдат, так и офицеров в пограничное ведомство, носящей системный, документально (юридически) оформленный характер, по праву можно считать подход, выработанный в Отдельном корпусе пограничной стражи. Так, согласно результатам исследования А. М. Плеханова и А. А. Плеханова, в процессе оценки личность офицера-пограничника описывалась по одиннадцати позициям: от общих сведений (чин, количество лет на службе, участие в военных кампаниях и т.д.) до индивидуально-психологических качеств, поведения на службе и вне нее. Особое внимание уделялось уровню развития когнитивной сферы личности, знаниям иностранных языков, познаниям в каких-либо науках и др. [6].

Рассматривая историю профессионально-психологического отбора в пограничном ведомстве особое внимание следует уделить факторам, детерминирующим развитие научных подходов к обозначенной проблеме, а именно, поднятие впервые в мире вопроса о специальном отборе лётчиков во «Всероссийский аэроклуб» (1909 г.) [5]; поставку задач распределения призванных на военную службу по специальностям и должностям, а так же приема и распределения гражданского населения на предприятиях вместо призывников во время Первой и Второй мировых войн; выделение комплексных требований к руководителям и сотрудникам спецподразделений и разработку мультиразмерного профиля качеств указанной категории специалистов [3] и т.д.

В контексте рассмотрения обозначенной проблемы особую ценность имеют результаты исторического анализа отбора военнослужащих в СССР, представленные в работах А. В. Булгаковым и И. В. Сыромятниковым. Начало исследований в сфере психофизиологического отбора специалистов для армии и флота авторами связывается с созданием Центральной комиссии по организации психофизиологических испытаний в Красной армии (1924 г.). В то

же время, авторами подчеркивается тот факт, что с 1937 г. до конца 50-х годов проблема профессионально-психологического отбора в СССР была предана забвению, «любая психодиагностика военнослужащих была практически запрещена» [1, с. 47].

Активизация интереса к проблеме профессионально-психологического отбора военнослужащих в СССР, согласно мнению А. Я. Кибанова и И. Б. Дураковой, отмечается в 60-х годах. Авторы указывают на тот факт, что в результате научных психологических исследований были разработаны батареи компьютерных методик «Звезда» (1976 г.), первая в мире экспертная система «Кедр» для отбора в закрытых структурах (1979 г.) и др. [3].

На территории БССР активизация научных исследований в области профессионально-психологического отбора военных специалистов начинается с 70-х годов и осуществляется в рамках политики, проводимой руководством СССР. Так, согласно результатам исследования В. П. Прилепина, в начале 70-х годов на базе Минского высшего инженерного зенитно-ракетного училища было начато масштабное лонгитюдное исследование, с участием ведущих белорусских ученых (Л. А. Кандыбовича, А. Т. Ростунова, В.Н. Юринкова, В. М. Козубовского, Р.А. Макаревича и др.), результатом которого явилось введение со середины 80-х годов в силовых министерствах и ведомствах групп профессионально-психологического отбора [7]. В пограничных войсках Республики Беларусь лаборатория профессионального психофизиологического отбора была создана в 1994 г. В июне 1998 г., после проведения в пограничных войсках Республики Беларусь организационно-штатных мероприятий, направления деятельности данной лаборатории были существенно расширены и включали: профессионально психофизиологический отбор военнослужащих срочной службы, контролерского состава, курсантов пограничного факультета Военной академии Республики Беларусь и др. Расширение направлений деятельности лаборатории во многом также определялось следующими факторами: кардинальными изменениями в отношении профессионально-психологического отбора сотрудников (будущих сотрудников) силовых

министерств и ведомств стран бывшего СССР, проведением широкого перечня научных психологических исследований по обозначенной проблеме (Е. И. Приходько, 2000; Н. А. Артемьев, 2001; А. И. Адаев, 2004; С. В. Кузнецов, 2007; В. Н. Курганов, 2009) и т.д. Например, результатом психологического исследования, проведенного В. Н. Кургановым, явилась разработка алгоритма оценки профессиональной пригодности кандидатов на должности младших командиров в пограничные органы ФСБ России [4].

В современной психологической науке большое внимание уделяется вопросам профессионально-психологического отбора сотрудников силовых министерств и ведомств. В открытых источниках вопросы профессионально-психологического отбора представлены в работах М. М. Решетникова, М. И. Марьина, В. Н. Смирнова, В. П. Вишневской и др.

Существенные изменения в систему профессионально-психологического отбора в пограничные войска (органы пограничной службы) были внесены в 2006 г. и предполагали осуществление данного процесса войсковыми психологами, командирами (начальниками) подразделений совместно с должностными лицами кадровых органов.

В то же время, расширение задач, которые начали осуществлять пограничные войска, способствовало: изменению требований, предъявляемых к разным категориям пограничников; расширению перечня лиц, проходящих профессионально-психологический отбор; выделению в качестве вопроса, требующего научного рассмотрения, психологическую основу, на которой следует формировать требования к личности пограничника и т.д.

Результаты проведенного социально-психологического исследования по обозначенной проблеме свидетельствуют о том, что в качестве феномена, который может рассматриваться как основа профессионально-психологического отбора, авторами [2; 4; 7 и др.] выделяется ряд терминов (образ профессии, модель специалиста, профиль специалиста, психограмма и т.д.). Имеются все основания полагать, что наиболее полно требования, предъявляемые современной обстановкой на государственной границе к

личности пограничника, могут быть раскрыты в понятии «эталонный образ профессионала» («эталонный образ пограничника»), вопросам формирования и функционирования которого посвящено ряд публикаций В.П. Вишневской. Автором подчеркивается индивидуально-специфический характер процессов формирования и функционирования «эталонного образа офицера-пограничника; указывается на целесообразность дальнейшего изучения обозначенной проблемы [2].

Анализируя современное состояние проблемы профессионально-психологического отбора в органы пограничной службы целесообразно обратить внимание на использование различного рода компьютерных психодиагностических систем как зарубежного (аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультипсихометр», автоматизированная система психологического сопровождения деятельности (АСПСД) и др., так и отечественного производства.

В качестве особого аспекта рассмотрения профессионально-психологического отбора в органы пограничной службы на современном этапе следует выделить разработку и использование специального компьютерного психологического диагностического инструментария для выявления уровня сформированности у военнослужащих органов пограничной службы профессионального, антикоррупционного, нравственного, патриотического самосознания, а также особенностей анализа информации, получаемой из разных информационных источников, принятия на его основе решения.

1. Булгаков, А. В. Психодиагностика: учеб. пособие / А. В. Булгаков, И. В. Сыромятников. М. : Военный ун-т, 2007. 588 с.

2. Вишневская, В. П. Некоторые теоретические и прикладные аспекты формирования и функционирования «эталонного образа офицера» / В. П. Вишневская // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук (АПГ-СЭН-1): материалы Всероссийской науч.-практич. конф.; 29-30 ноября 2010г. Смоленск : Изд-во «Смоленская гор. типография», 2010. С. 172-183.

3. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: отбор и оценка при найме, аттестация: учеб пособие / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во «Экзамен», 2004. 416 с.
4. Курганов, В. Н. Психологическое обоснование методов оценки профессиональной пригодности кандидатов на должности младших командиров пограничных органов ФСБ России : автоеф. дис... канд. психол. наук : 19.00.03 / В. Н. Курганов. М., 2009. 170 с.
5. Лебедев, В. И. Экстремальная психология / В. И. Лебедев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 431 с.
6. Плеханов, А. М. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893-1919): научно-популярное издание / А. М. Плеханов, А.А. Плеханов. М. : Граница, 2012. 520 с.
7. Прилепин, В. П. Профессиональный психологический отбор в силовых структурах Республики Беларусь и пути его совершенствования / В. П. Прилепин // История психологии в Беларуси: состояние и перспективы развития: материалы II Междунар. науч.-практич. конф. / Под ред. Л.А. Кандыбовича; г. Минск, 17-18 апр. 2003. Минск, 2003. С. 281-284.

УДК 159.9:351.743.(477)

Твердохлебова Наталья Евгеньевна
 Национальный технический университет
 «Харьковский политехнический
 институт», старший преподаватель
 61002, Украина, Харьков, ул. Кирпичева, 2
 natatv@ukr.net

Tverdokhliebova Natalya
 National Technical University "Kharkov
 Polytechnic Institute", Senior Lecturer
 61002, Ukraine, Kharkov, Kyrpychova str.,
 2

ЛИЧНОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛИЦЕЙСКОГО

PERSONAL TRANSFORMATIONS DEFINED BY PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE POLICEMAN

Резюме: автором исследованы личностные изменения работников правоохранительных органов с позиции позитивных приобретений и совершенствования профессиональной деятельности.

Abstract: the author investigated personal changes of law enforcement officers from the position of positive acquisitions and improvement of professional activity.

Ключевые слова: компоненты профессиональной деятельности, личностная сфера, профессиональная компетентность, коммуникативное взаимодействие, профессиональное

общение, эмоциональная устойчивость, саморегуляция поведения, адаптационный потенциал.

Key words: components of professional activity, personal sphere, professional competence, communicative interaction, professional communication, emotional stability, self-regulation of behavior, adaptive potential.

Профессиональная деятельность работников полиции вызывает личностные трансформации, которые существенно влияют на особенности их профессиональной самореализации.

Выделим и проанализируем компоненты профессиональной деятельности полицейского, которые подлежат трансформации в процессе его профессиональной деятельности: интеллектуальный, личностный, мотивационный, когнитивный, коммуникативный, сенсорно-перцептивный и аттенционный, эмоционально-волевой, ценностно-смысловой, поведенческий.

Анализ требований к интеллектуальному компоненту полицейского позволяет выделить его характеристики, основными из которых по мнению Т. Полозовой являются способности к быстрому принятию решений, нестандартность мышления, быстрый анализ информации, развитая образная и словесно-логическая память, избирательность запоминания [1].

Со стороны личностного компонента профессиональная деятельность полицейского предъявляет особые требования к честности, добросовестности, справедливости и ответственности. Динамика трансформаций личностной сферы работников правоохранительных органов на разных уровнях профессиональной самореализации прослеживается в проявлениях устойчивых мировоззренческих установок, смысложизненных стратегий, обеспечивающих возможность переживать опыт связей с миром в контексте профессиональной деятельности.

Мотивационный компонент включает в себя мотивационную готовность полицейского к выполнению профессиональных действий, мотивацию к соблюдению законности и служебной дисциплины, профессиональные интересы, приоритет безопасности в системе мотивов и установок. С. Москвичов отмечает, что основная функция мотивов – мобилизация

способностей, функциональных возможностей, профессионального опыта человека на выполнение поставленной трудовой задачи [2].

Когнитивный компонент – владение достаточной профессиональной компетентностью, развитые интеллектуальные качества, функции мышления, памяти, внимания и др., способность к обучению, адекватный объем профессиональных знаний. Профессиональная компетентность определяет точность и правильность действий работника в штатных и внештатных ситуациях, обеспечивается всеми видами подготовки специалиста. Повышенная сложность профессиональной деятельности работников правоохранительной системы предъявляет высокие требования к обучению, подготовке и переподготовке ее сотрудников.

Эффективность выполнения профессиональной деятельности правоохранителей невозможна без организации эффективного коммуникативного взаимодействия. Профессиональное общение полицейского отличается, прежде всего, многообразием целей и задач, а также средств реализации коммуникативного взаимодействия в зависимости от категории собеседника, определяющих степень влияния и взаимопонимания. Такие условия профессиональной деятельности требуют от работника владения определенными характеристиками, в частности: экстравертированность, эмпатийность, внушаемость, вербальная эрудиция. Мы поддерживаем мнение Ф. Коблова о том, что важна также низкая внушаемость и эмоциональная устойчивость, проявляющаяся в первую очередь в способности сохранять самообладание в напряженной обстановке и в конфликтных ситуациях [3, с. 111-115].

Со стороны сенсорно-перцептивного и аттенционного (качества, отвечающие за концентрацию и объем внимания) компонентов деятельности необходимо выделить способность умение видеть малозаметные изменения в объекте, в обстановке в целом; вести наблюдение за большим количеством объектов одновременно, выбирая данные, необходимые для решения конкретной задачи; сохранение большого объема и высокой устойчивости

внимания при наличии посторонних раздражителей. Д. Швец и В. Шевченко подчеркивают, что деятельность работников правоохранительных органов предъявляет высокие требования к состоянию внимания [4; 5].

Эмоционально-волевой компонент полицейского включает ответственность, исполнительскую самодисциплину, инициативность, способность к самоконтролю эмоциональных состояний, профессиональную самооценку, коммуникабельность, толерантность, эмпатийность.

Ценностно-смысловой компонент включает систему представлений (профессиональный образ «Я» правоохранителя), рефлексивность, ценностные ориентации, осознание социальной значимости и личностной ответственности за результаты правоохранительной деятельности, нравственную нормативность, правовое сознание.

Поведенческий компонент – умеренная склонность к риску, применение эффективных защитных механизмов, копинг поведение, копинг стратегии, саморегуляция поведения, адаптационный потенциал.

Таким образом, мы выделили основные компоненты профессиональной деятельности работников полиции, которые подлежат трансформации в процессе их профессиональной самореализации в современных условиях реформирования системы правоохранительных органов.

1. Полозова Т. Ю. Эмпирическое исследование развития интеллектуальных качеств будущих сотрудников полиции. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2012. № 3 (50).

2. Москвичов С. Г. Мотивація, діяльність і управління (як взаємопов'язані категорії) : автореф. дис. на здобуття наук. ступ. докт.психол. наук: 19.00.01 «Загальна психологія, історія психології». К., 2004. 36 с.

3. Коблов Ф. Ч. Коммуникативная компетентность и культура общения в служебной деятельности сотрудника полиции. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика*. 2011. № 4, Т. 17. С. 111-115

4. Швець Д. В. Підготовка майбутніх офіцерів МВС України до охорони і забезпечення громадського порядку як актуальна проблема фахової підготовки. Режим доступа: http://www.asconf.com/rus/archive_view/473

5. Шевченко В. Є. Психофізіологічні особливості працездатності фахівців спецпідрозділів Міністерства оборони України : автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. психол. наук: 19.00.02 «Психофізіологія». К., 2002. 16 с.

УДК 159.97

Фролова Юлиа Геннадьевна
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры психологии, кандидат
психологических наук, доцент
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь
jfrolova@yandex.ru

Fralova Y.
Belarusian State University, Psychology
Department, associate professor, PhD
220030, Minsk, 4, Nezavisimosti
ave., Republic of Belarus

Ладо А.В.
Республиканский научно-практический
центр психического здоровья, психолог
220053, Республика Беларусь, г. Минск,
Долгиновский тракт, 152
nastialado@gmail.com

Lado A.V.
Republican Research and Practice Center for
Mental Health, psychologist
220053, Republic of Belarus, Minsk,
Dolginovsky tract, 152

НАРУШЕНИЕ ПРОЦЕССА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ БОЛЬНЫХ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

EMOTIONAL LEARNING DISORDER AS A FACTOR OF CRIMINAL BEHAVIOR AMONG PATIENTS WITH ALCOHOL DEPENDENCE

Резюме: исследование посвящено выявлению особенностей принятия решения в ситуации неопределенности индивидами с алкогольной зависимостью. В качестве теоретической основы использовалась концепция соматических маркеров А. Дамасио, для сбора данных применялась игровая задача. Результаты свидетельствуют о значительных различиях как в качестве решений, так и в характеристиках процесса научения между испытуемыми из контрольной и экспериментальной групп.

Abstract: the study is devoted to identifying the features of decision making in a situation of uncertainty by individuals with alcohol dependence. As a theoretical basis, the concept of somatic markers (A. Damasio) was used; the game task was used to collect data. The results indicate significant differences both in the quality of solutions and in the characteristics of the learning between subjects from the control and experimental groups.

Ключевые слова: больные алкоголизмом, эмоциональное научение, соматические маркеры, процесс решения задач, негативное подкрепление

Keywords: patients with alcohol dependence, emotional learning, somatic markers, problem solving, negative reinforcement

В числе основных факторов преступности среди больных с зависимостью от алкоголя чаще всего называют вызванные состояниями опьянения нарушения сознания и патологию личностно-мотивационной сферы. Однако стоит заметить, что само по себе доминирование мотива употребления алкоголя над другими мотивами не может объяснить все многочисленные виды криминального поведения таких больных. В когнитивном подходе к анализу алкогольной зависимости акцент делается на нарушениях познавательных процессов, в частности, на неадекватных способах принятия решений в ситуации неопределенности. Индивиды с ранним развитием зависимости от алкоголя малоспособны к научению на основе негативного подкрепления [6], А. В. Копытов отмечает, что больные алкоголизмом в целом затрачивают меньше времени на принятие решения [1]. В концепции А. Дамасио постулируется наличие соматических (эмоциональных) маркеров, помогающих индивиду принимать решения в ситуации неопределенности. Эти маркеры связаны с прошлым опытом и способствуют восприятию объекта (варианта решения) как более или менее привлекательного [5].

Методы исследования. Для создания ситуации неопределенности нами была использована компьютерная версия *Игровой задачи* (Iowa Gambling Task, в адаптации Т. В. Корниловой с соавт.). Данную методику можно рассматривать как обучение решению прогностической задачи в условиях неопределенности, где участники сталкиваются с необходимостью формирования вероятностных представлений о возможных приобретениях или потерях [2]. Задача имитирует сложность выбора, с которым люди сталкиваются в повседневной жизни [3; 4]. Для успешного выполнения задания испытуемые должны [4]:

- «угадать» имплицитные, неявные правила, существующие в задаче, основываясь на обратной связи, получаемой после каждого выбора (размер выигрыша или проигрыша), т.е. в процессе выполнения задания происходит обучение;

- придерживаться долгосрочной стратегии, направленной на извлечение максимальной выгоды, т.е. постоянно выбирать карты из колод, которые приносят небольшой выигрыш после каждого отдельного выбора, но в перспективе являются выигрышными, так как содержат меньшие штрафы.

Эти цели могут быть достигнуты, если испытуемые будут руководствоваться своими «эмоциональными предчувствиями» (соматическими маркерами).

Описание выборки. Экспериментальная группа состояла из 50 испытуемых с алкогольной зависимостью, проходящих стационарное лечение в учреждениях ГУ «РНПЦ психического здоровья» и «Лечебно-трудовой профилакторий № 1» УДИН МВД Республики Беларусь по Гомельской области. Контрольная группа состояла из 52 индивидов, не имеющих опыта злоупотребления психоактивными веществами, алкогольной зависимости и других психических заболеваний в анамнезе (на основании пороговых значений по тесту AUDIT < 8 баллов).

Основные результаты исследования. При решении игровой задачи испытуемые с алкогольной зависимостью характеризовались более низким качеством принятия решений, Статистически значимых различий между группами в качестве принимаемых решений в блоке № 1 не обнаружено. Низкие значения показателя качества принимаемого решения в блоке №1 для основной и контрольной группы свидетельствуют о том, что во время принятия решения в первых двадцати ходах испытуемые обеих групп не знают условий получения поощрения или наказания и реализуют поисковое поведение.

Однако уже в блоке № 2 испытуемые контрольной группы значительно улучшают качество принимаемых решений, что свидетельствует о научении. Такая же тенденция наблюдается в блоке № 3. Поведение испытуемых контрольной группы изменяется в сторону выбора большего числа карт, выигрышных в долгосрочной перспективе. Качество принятия решения незначительно снижается в блоке №5, по сравнению с блоком №4, однако

статистически значимых различий для испытуемых из контрольной группы между 4 и 5 блоками не выявлено.

У индивидов с алкогольной зависимостью также наблюдается научение в процессе выполнения задания в блоках № 1-4. Однако оно наступает медленнее, в сравнении с контрольной группой, о чем свидетельствуют более низкие средние значения показателя качества принятых решений. Лица с алкогольной зависимостью продолжают чаще выбирать карты из невыгодных колод, несмотря на возрастающие штрафы (негативные последствия). Такой паттерн выполнения задания свидетельствует об их нечувствительности к негативным последствиям в будущем и сверхчувствительности к высокой награде.

Полученные результаты позволяют выдвинуть обоснованное предположение о том, что в сложных, конфликтных жизненных ситуациях индивиды с алкогольной зависимостью будут более склонны к правонарушениям, нежели здоровые люди, поскольку они импульсивны, пресыщаемы, неспособны адекватно предвидеть негативные последствия своих действий, ориентируются на немедленное исполнение своих желаний.

1. Копытов, А. В. Алкогольная зависимость у подростков и молодых людей мужского пола (социально-психологические аспекты) / А.В. Копытов. Минск : БГУ, 2012. 400 с.
2. Bechara, A. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex / A. Bechara, A.R. Damasio, H. Damasio, S.W. Anderson // *Cognition*. 1994. Vol. 50. P. 7-15.
3. Clark, L. The neuropsychology of ventral prefrontal cortex: Decision-making and reversal learning / L. Clark, R. Cools, T.W. Robbins // *Brain and Cognition*. 2004. Vol. 55. № 1. P. 41-53.
4. Claus, E.D. Behavioral control in alcohol use disorders: relationships with severity / E. D. Claus, S. W. Feldstein Ewing, F. M. Filbey, K. E. Hutchison // *J. Stud. Alcohol. Drugs*. 2013. Vol. 74(1). P. 141-151.
5. Damasio, A.R. *Descartes' error: Emotion, reason and the human Brain* / A.R. Damasio. New-York : Grosset Putmann, 1994. 312 p.

6. Warner, L.A. Longitudinal effects of age at onset and first drinking situations on problem drinking / L. A. Warner, H. R. White // Subst. Use & Misuse. 2003. Vol. 38 (14). P. 1983-2016.

УДК 159.99

Харченко Светлана Вячеславовна
Харьковский национальный университет
внутренних дел, профессор кафедры
педагогике и психологии факультета № 3,
кандидат психологических наук, доцент

61080, пр-т Л.Ландау, 27, г. Харьков, Украина

svekharchenko@yandex.ua

Kharchenko Svitlana

Professor of the Department of Pedagogy
and Psychology, Faculty №. 3 of Kharkiv
National University of Internal Affairs,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor

61080, Ave L. Landau, 27, Kharkov,
Ukraine

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

SOCIAL INTELLIGENCE AS A SUBJECT OF STUDY IN LEGAL PSYCHOLOGY

Резюме: Проанализировано современное состояние изучения проблемы социального интеллекта в юридической психологии. Показаны отличия способностей социального интеллекта у лиц, которые совершили преступления, молодежи с девиантным поведением от способностей субъектов с нормативным поведением. Приведены результаты исследования способностей социального интеллекта в структуре личности правоохранителей и курсантов ВУЗов со специфическими условиями обучения.

Abstract: The modern state of study of problem of social intellect is analyzed in legal psychology. It is shown the differences between the abilities of social intelligence in individuals who have committed crimes, youth with deviant behavior to the abilities of the subjects with normative behavior. The results of the research abilities of social intelligence in the structure of personality of law enforcement officers and cadets of higher education institutions with specific conditions of learning.

Ключевые слова: социальный интеллект, межличностное общение, девиантное поведение, полицейский, курсант.

Keywords: social intellect, interpersonality communication, deviant behavior, policeman, cadet.

Социальный интеллект объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению, группы людей и т.д.), обеспечивает понимание речи, поступков и действий людей, а также невербальных реакций окружающих

(мимики, поз, жестов), предвидение последствий поведения, является когнитивной составляющей коммуникативной компетентности субъекта.

В юридической психологии изучение особенностей социального интеллекта велось по следующим направлениям:

– особенности социального интеллекта лиц, которые совершили преступления (Гресса Н.В., Шилина А.А., 2010; Чухрова М.Г., Черепкова Е.В., 2014);

– особенности социального интеллекта лиц с девиантным и деликвентным поведением (Егорова О. М., 2013; Елшанский С. П., 2005, 2010; Зенцова Н. И., 2009; Камалова А. М., 2013; Крейдун Н. П., 2013; Плотникова А. Л., Родионова О. Г., 2015);

– социальный интеллект как возможный ресурс реадaptации несовершеннолетних правонарушителей (Верхотурова И.Н., 2008; Сасько О.О., 2010) и профилактики противоправного поведения (Гильяно А.С., Ромашина Е.Ю., 2012);

– социальный интеллект как составляющая профессионально важных свойств личности полицейских (Монастирный М.М., 2008; Погонина Е.А., Коваленко Е.В., Белимова А.А., 2016; Фетисова М.М., 2007; Харченко С.В., 2010), в том числе и на этапе профессиональной подготовки (Харченко С.В., 2014, 2016 и др.).

М. Г. Чухрова и Е. В. Черепкова изучали социальный интеллект у осужденных за экономические преступления и выявили, что у них социальный интеллект является выше, чем средне нормативный, и достоверно выше, чем у осужденных за другие виды преступлений. Как выявили Гресса Н.В. и Шилина А.А., осужденные преступники имеют средний уровень распознавания невербальных проявлений других людей, низкий уровень распознавания сложных межличностных отношений, а общий уровень более 85 % осужденных слишком низкий. При этом преступники, которые осознают свою вину, в большей степени способны правильно понимать языковую экспрессию в контексте конкретной ситуации, понимать конкретные взаимоотношения, при

этом они способны проявлять ролевую пластичность, чем исследуемые, которые практически не осознают свою вину.

О. М. Егорова (2013) выявила, что свыше 70 % подростков с девиантным поведением, которые воспитываются в специальной школе закрытого типа, имеют низкий уровень социального интеллекта. Эти данные согласуются с результатами исследований Н. П. Крейдун, которой было установлено, что подросткам с девиантным поведением присущие: низкий показатель общего уровня социального интеллекта; недостаточный уровень выраженности способностей понимания связи между поведенческими поступками и их последствиями; нивелировка социальными нормами; отсутствие понимания невербального поведения окружающих: они имеют трудности в ситуациях межличностного взаимодействия; девианты достаточно часто конфликтуют с взрослыми, демонстрируя непринятие позиции взрослого. Расстройства в сфере социального интеллекта, по мнению автора, принадлежат к факторам риска асоциального поведения личности в подростковом возрасте [2, с. 110].

Учеными проводятся исследования особенностей социального интеллекта у лиц, которые склонны к определенной зависимости. С. П. Елшанский изучал особенности социального интеллекта у больных алкоголизмом и героиновой наркоманией мужчин. Ученым выявлено, что у больных наркоманией, показатель общего уровня социального интеллекта ниже, чем у больных алкоголизмом. При этом в группе больных алкоголизмом данный показатель был значительно ниже, чем в группе нормы. В целом больные алкоголизмом и наркоманией плохо распознают связь между поведением и его последствиями, плохо понимают характер, содержание, контекст социальных отношений, испытывают трудности при анализе межличностных ситуаций.

В исследованиях А. М. Камаловой студентов, склонных к алкогольной и наркотической зависимостям, выявлено, что у них существенно снижена социальная компетентность относительно анализа структуры и динамики межличностного взаимодействия. У этих студентов способность анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимать логику их развития,

чувствовать изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию развито чрезвычайно слабо. Отмечена характерная для этих студентов тенденция – завышать собственные социальные навыки по сравнению с навыками своих одноклассников [1].

А. Л. Плотникова и О. Г. Родионова выявили, что уровень развития социального интеллекта у подростков, которые употребляют наркотические курительные смеси, ниже, чем у подростков с нормативным поведением и характеризуется как заниженный, а у подростков с нормативным поведением – как средний. У подростков, которые употребляют наркотические курительные смеси, хуже развиты такие составляющие социального интеллекта, как способность предусматривать последствия поведения людей в определенной ситуации (прогностическая компетентность) и способность к логическому обобщению невербальных реакций человека. Девушки, которые употребляют наркотические курительные смеси, имеют ниже уровень развития социального интеллекта, чем ровесницы контрольной группы за счет недостаточного развития способности предвидеть последствия поведения людей в определенной ситуации (прогностической компетентности) [3].

В исследовании О. О. Сасько выявлено, что у студентов существует обратная взаимосвязь между уровнем социального интеллекта и склонностью к алкогольной и наркотической зависимости. Студенты, которые склонны к алкогольной зависимости, затрудняются при интерпретации вербальных реакций в контексте различных ситуаций. Склонные к наркотической зависимости – имеют низкий уровень развития способности к логическому обобщению и определению общих существенных признаков в разных невербальных реакциях человека, затруднения в понимании логики развития ситуации взаимодействия [4].

Таким образом, развитый социальный интеллект в определенной мере можно рассматривать как одно из условий формирования нормативного поведения в подростковом и юношеском возрасте.

Особенно значение способности социального интеллекта имеют в профессиональной деятельности правоохранителя. М. М. Монастырский обосновал целесообразность определения уровня социального интеллекта в профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел. М. М. Фетисова считает, что в экстремальной ситуации социальный интеллект является одним из основных мотивационно-смысловых составляющих индивидуальности и определенным ориентиром, который определяет поведение человека. Ученой было проведено исследование будущих правоохранителей и установлено, что чем выше уровень социального интеллекта, тем выше готовность к деятельности в экстремальных ситуациях и выше успешность ее преодоления. Е. А. Погонина, Е. В. Коваленко, А. А. Белимова настаивают, что в ВУЗе необходимо учитывать фактор социального интеллекта для более результативного осуществления психолого-педагогической подготовки работников полиции.

Проведенные нами исследования при помощи теста социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливан показали, что порядка 65 % курсантов имеют средний уровень социального интеллекта. В последнее десятилетие у курсантов редко диагностируется уровень социального интеллекта выше этого уровня. Недостаточно успешно курсантами выполняются задачи на понимание невербального и вербального экспрессии, наиболее низкие результаты получены по результатам выполнения субтеста, направленного на измерение фактора познания систем поведения, а именно, понимание логики развития ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях (Харченко С.В., 2016). Результаты наших исследований свидетельствуют, что уровень развития социального интеллекта не имеет решающего влияния на успешность адаптации курсантов-первокурсников к условиям учебы в ВУЗе со специфическими условиями учебы (Харченко С.В., 2010). Наиболее значительное влияние на предупреждение формирования психопатологической симптоматики и успешность социально-психологической адаптации курсантов имеет уровень развития способности понимать изменение значения подобных

вербальных реакций человека в зависимости от контекста ситуации. Социальный интеллект курсантов оказался не связанным с интересом к социальным проблемам, потребности влиять на других. При этом развитой социальный интеллект курсантов является одним из ведущих факторов, который предотвращает формированию антагонистических межличностных отношений в группе. Нами было эмпирически установлено, что более высокий уровень социального интеллекта у курсантов отвечает более выраженной интерактивной установке «Взрослый», сильными сторонами которой является адекватная самооценка, рациональный характер реагирования на проблемные ситуации, трезвость в оценках, неконформность, самостоятельность, дисциплина (Харченко С.В., 2008). В наших исследованиях выявлено, что уровень развития социального интеллекта и отдельных способностей, входящих в его состав, у курсантов положительно связаны с рядом важных компонентов стремления личности к самоактуализации: со способностью человека выражать свои чувства в заранее не продуманных действиях, быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, принимать себя вопреки своей слабости; со стремлением приобретать знания об окружающем мире; с развитой творческой направленностью личности; со степенью правильности ориентированности человека во времени; с гибкостью, разумностью в применении стандартных принципов; со стремлением быть собой (Харченко С.В., 2009).

Таким образом, высокий уровень социального интеллекта является важной составляющей личности современного полицейского и требует развития в рамках психологической подготовки сотрудников полиции.

В целом, исследование способностей социального интеллекта в юридической психологии проводится у преступников, отбывающих наказание, подростков и юношей с химическими зависимостями, сотрудников практических подразделений охраны правопорядка и курсантов соответствующих вузов на этапе специальной подготовки. Развитой социальный интеллект является важным фактором успешной

профессиональной деятельности полицейского и ресурсом формирования нормативного поведения молодежи.

1. Камалова А.М. Особенности структуры социального интеллекта (на примере студентов, склонных к алкогольной и наркотической зависимостям) / А.М. Камалова // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2013. Вып. 4. С. 55-61.

2. Крейдун Н.П. Деформація соціального інтелекту як фактор девіантної поведінки у старшому підлітковому віці / Н.П. Крейдун // Проблеми соціальної роботи. 2013. № 1 (2). С. 108-111.

3. Плотникова А.Л., Родионова О.Г. Особенности социального интеллекта несовершеннолетних правонарушителей, употребляющих курительные смеси / А.Л. Плотникова, О. Г. Родионова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems www.sisp.nkras.ru, №11(55), 2015. С. 518-531.

4. Сасько О.О. Психолого-педагогічні умови розвитку соціального інтелекту у студентів, схильних до адиктивної поведінки автореф. дис... канд. психол. наук. : спец 19.00.07 / О.О. Сасько. Харків, 2010. 18 с.

Хонский Сергей Игоревич,
Белорусский государственный университет,
кафедра психологии, старший преподаватель

Sergey I. Khonskiy
Belarussian State University
Senior lecturer

Пугач Анастасия Сергеевна
Белорусский государственный университет,
кафедра психологии, студентка 3 курса
г. Минск, 220004
Республика Беларусь
ул. Кальварийская, 9. каб. 428
psy@bsu.by

Anastasiya S. Pugach
3rd year student
Kalvaryiskaia str. 9, room 428
Minsk Republic of Belarus 220004

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОТРУДНИКОВ, СКЛОННЫХ К ВОРОВСТВУ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

PERSONAL CHARACTERISTICS OF EMPLOYEES WHO ARE PRONE TO THEFT IN THE WORKPLACE

Резюме: Статья посвящена проблеме воровства сотрудников на рабочем месте. Авторами на основании проанализированных исследований описываются личностные характеристики сотрудников, которые в большей или меньшей степени склонны к воровству на работе.

Abstract: The article discusses the phenomenon of employee theft in the workplace; the personal characteristics of employees who have high and low level of prone to theft at work have been identified based on the research review.

Ключевые слова: личностные характеристики сотрудников, склонность к воровству, воровство на рабочем месте

Key words: personal characteristics of employees, the propensity to theft, theft in the workplace

В течение развития юридической психологии и её разделов по-разному ставился и решался вопрос, какие характеристики присущи личности преступника, способного с большей вероятностью совершить действия, классифицируемые как воровство. В настоящее время также трудно констатировать наличие ярко выраженного профиля личности, который позволил бы диагностировать склонность индивида к воровству.

Результаты как западных, так и российских исследований показали: около 10% сотрудников не решаются на воровство ни при каких обстоятельствах; еще 10% пойдут на подобное преступление при любых условиях. Оставшиеся 80% – в принципе не мошенники, но если внешние обстоятельства подтолкнут к

подобному шагу, то они смогут преступить черту [1]. По данным исследовательского центра рекрутингового портала «Superjob.ru» была получена следующая информация: 30% респондентов от общего числа участников (представителей российских компаний) сообщили о том, что в их компаниях сотрудники время от времени воруют (посуду, салфетки, вешалки, чистящие средства и пр.) [2]. Вместе с тем, необходимо учесть, что, несмотря на анонимный формат проведения данных опросов, часть респондентов могли сокрыть факты воровства или вовсе не вспомнить в силу действия механизмов психологической защиты о данных фактах.

Таким образом, проблема изучения личности сотрудника, склонного к воровству на рабочем месте, в настоящее время является актуальной, и её изучение находится на пересечении юридической и организационной психологии, а также психологии личности в контексте изучения концепта благонадёжности личности.

Как утверждают М. Готтфредсон и Т. Хирши, причиной преступности на индивидуальном уровне является низкий самоконтроль личности. Согласно этой теории, низкий уровень самоконтроля в значительной степени является следствием неэффективного воспитания детей и характеризуется наличием шести поведенческих черт: импульсивность, предпочтение простых задач сложным, склонность к риску, предпочтение физической деятельности над умственной, эгоцентризм и быстрая возбудимость. Эти характеристики поведения проявляются в любых формах поведения, которые используются для удовлетворения потребностей и желаний индивида с низким самоконтролем (включая различного рода преступления) [3].

Также было выявлено, что сотрудники, характеризующиеся истероидностью и гипертимностью, обладают высоким потенциалом совершения противоправных действий на рабочем месте, в том числе краж [4].

При продолжительном и многочисленном обследовании надежных сотрудников и мошенников (обследование проходило в течение трёх лет и охватило 461 испытуемых) удалось построить объяснительную

(концептуальную), функциональную, графическую и математическую модели нравственной надежности личности.

Применяя эти теоретические и методологические положения, авторам удалось установить, что ценностно-смысловая сфера нравственно надежного сотрудника, в отличие от сотрудников, склонных к различного вида мошенничеству, содержит значения и ценности, которые определяют его позитивное отношение к этическим нормам. Значения денег имеют смысл как «средства удовлетворения потребностей и развития бизнеса», а не символов успеха, власти, престижа и счастья.

Значения и смыслы, которыми оперирует надежный сотрудник, адекватны нравственным ценностям добра и зла. Они не деформированы, понятия законности и справедливости имеют самостоятельное значение и не подменяют друг друга, оценки правильности и допустимости своих поступков не подвержены межличностным отношениям и от этого более объективны [5].

Также авторами был проведен дополнительный нравственно-психологический анализ ценностно-смысловой сферы мошенников, исходя из которого, они сделали следующие выводы.

«Субъективные нравственные ценности надежных и ненадежных сотрудников принципиально противоположны признакам «добро–зло», «трудолюбие – лень», «честность – обман», «верность – коварство», «благо для себя и своих близких–благо для других людей». Сами мотивы как побудительная сила возникают в результате осознания, во-первых, своей потребности, а во-вторых, как результат смыслообразования. В сознании мошенников, как показали результаты анонимного анкетирования, нравственные ценности извращены» [5, с. 164].

П. Томс, П. Уолпер, К.С. Скотт и Д. Джонс утверждают, что сотрудники, имеющие низкий уровень организационной лояльности, в большей степени способны совершить кражу на работе [6]. Сила связей сотрудника и организации базируется на ценностных нормах, которые существуют в организации. Здесь допустимо упомянуть внешние факторы, которые могут

повлиять на личность сотрудника. К внешним факторам можно отнести: отсутствие контроля начальства над подчиненными, отсутствие рамок дозволенности сотрудникам, лояльное отношение к мелким хищениям у начальства, лояльное отношение сотрудников к «ворам». Здесь очень уместно высказывание Ф. Бэкона: «Возможность украсть создает вора» [7]. Некоторые исследователи полагают, что неудовлетворенность работой является самой важной причиной хищений среди сотрудников на рабочем месте [8].

Б. Холлингер и Дж. Кларк выделили пять общих причин хищений на рабочем месте, которые мы можем отнести к внешним факторам, оказывающим влияние на личность сотрудника, склонного к хищению:

1) экономическое давление (например, сотрудники крадут у компании, потому что у них есть финансовые проблемы)

2) демографические причины (например, сотрудники совершают кражи в связи с принадлежностью к группе, имеющей данную склонность)

3) возможность совершить хищение (например, сотрудники будут совершать кражи, если им предоставляется шанс)

4) отношение (например, сотрудники воруют, потому что они недовольны некоторыми аспектами деятельности компании)

5) социальные нормы (например, индивиды крадут, потому что считают поведение приемлемым в социальной системе) [9].

Для изучения сотрудников склонных к хищению, необходимо выяснить их интересы за пределами рабочего места и модели их поведения с другими индивидами. По данным J. W. Kennish, увлечённость азартными играми, высокие долги, финансовые потери, внебрачные отношения и связанный с этим шантаж, чрезмерное употребление алкоголя и психоактивных веществ являются причинами, по которым сотрудники прибегают к хищениям на рабочем месте [10]. Исходя из этих характеристик, при оценке мотивационно-личностного профиля сотрудника важно обращать внимание на такой предиктор потенциального противоправного поведения на рабочем месте, как конформность. С предположением, что конформность индивида может

являться характеристикой, катализирующей противоправное поведение, согласно S.T. Fiske [11].

Согласно A. J. Zell, можно выделить три фактора, которые мотивируют сотрудников к тому, чтобы что-либо украсть у своего работодателя:

1) сотрудники чувствуют, что им недостаточно платят;

2) сотрудники считают, что с ними некорректно обращаются, не уважают их навыки и идеи;

3) сотрудники чувствуют, что работодатель получает много денег за счёт их тяжёлого труда, и рассматривают хищения как способ получить свою долю денег, которые, по их мнению, должны достаться им [11].

T. A. Buckhoff предлагает модель «треугольника мошенничества», чтобы объяснить, что мотивирует сотрудников совершать хищения. Три основных элемента, которые, по мнению исследователя, являются общими для всех типов и схем мошенничества: возможность, давление и рационализация. Многие сотрудники испытывают финансовое давление и лишены честности, следовательно, когда есть возможность, часто происходит акт мошенничества, в том числе хищения. T. A. Buckhoff далее добавляет, что 80% всех мошеннических действий (в том числе воровства) на рабочем месте совершаются сотрудниками в одиночку. Это позволяет нам предположить, что для работников, совершающих хищения на рабочем месте, может быть характерен высокий уровень склонности к риску [12].

Таким образом, сотрудник, склонный к воровству на рабочем месте, характеризуется следующими особенностями: неудовлетворённость работой, отсутствие интереса к работе (часто сопровождается низкой заработной платой), низкий уровень развития морально-этических норм, высокая мотивация достижения успеха (при отсутствии профессионального роста), склонность ко лжи, высокая склонность к риску, гипертимность, истероидность, конформность, склонность к рационализации, низкий уровень самоконтроля, эмоциональной устойчивости и организационной лояльности.

Сотрудник, в меньшей степени склонный к воровству на рабочем месте, обладает следующими характеристиками: удовлетворенность работой, интерес к работе (часто не коррелирует с заработной платой), четко сформулированные морально-этические нормы, мотивация избегания неудач, низкая склонность к риску, высокий уровень самоконтроля, эмоциональной устойчивости и организационной лояльности.

1. Москвичев, С.Г. Мотивация, деятельность и управление / С.Г. Москвичев. Киев : КНЭУ, 2003. 490 с.
2. Ritchie, S. Motivation management / S. Ritchie, P. Martin. Farnham : Gover, 1999. 293 p.
3. Michael, G. A General Theory of Crime / G. Michael, T. Hirschi. Palo Alto : Stanford University Press, 1990. 321 p.
4. Спирица, Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца / Е. Спирица. СПб. : Питер, 2016. 272 с.
5. Герчиков, В.И. Трудовая мотивация: содержание, диагностика, управление / В.И. Герчиков // Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование ; под ред. В.В. Щербины. М. : НИГО, 2004. С. 212-231.
6. Thoms, P. The Relationship between Immediate Turnover and Employee Theft in the Restaurant Industry / P. Thoms, P. Wolper // Journal of Business and Psychology. 2001. №15. P. 561-577.
7. Зайцева, Н.А. Сотрудники воруют: кто виноват и что делать? / Н.А. Зайцева // Управление корпоративной культурой. 2014. №4. С. 168-274.
8. Boye, M.W. Organizational culture and employee counterproductivity / M.W. Boye, J.W. Jones // Antisocial behavior in organizations ; In R.A. Giacalone & J. Greenberg (Eds.). Thousand Oaks : Sage, 1997. P. 172-184.
9. Hollinger, R. Theft By Employees / R. Hollinger. Lexington : Lexington Books, 1983. 223 p.
10. Christofer, D.A. Small business pilfering: the «trusted» employee(s) / D.A. Christopher // Business Ethics: A European Review. 2003. Vol. 12. № 3. P. 284-297.
11. Fiske, S.T. Social Beings: Core Motives in Social Psychology / S.T. Fiske. 2nd ed. NY : John Wiley & Sons. 2009. 694 p.
12. Buckhoff, T.A. Preventing Employee Fraud by Minimizing Opportunity / T.A. Buckhoff // The CPA Journal. 2002. Vol. 72. № 3. P. 64-66.

Цильмак Алена Николаевна
Одесский государственный университет
внутренних дел, профессор кафедры
криминалистики, судебной медицины и
психиатрии, доктор юридических наук,
профессор
65014, Успенская 1, Одесса, Украина
cilmalen@gmail.com

Tsilmak Olena
Odessa State University of Internal Affairs,
Professor Department of Criminalistics, Forensic
Medicine and Psychiatry,
Doctor of Law, Professor
65014, Uspenskaya 1, Odessa, Ukraine

Характеристика составляющих компонентов конфликтологической компетентности участкового офицера полиции

Characteristic of conflictological competence components of district police officer

Резюме. Автор раскрывает содержание 1) термина «конфликтологическая компетентность», 2) профессионально важных компонентов (знаний, умений, навыков, привычек, качеств, способностей, мотивации, профессионально-психологической готовности и опыта), которые обуславливают и детерминируют конфликтологическую компетентность участкового офицера полиции. Подчеркивает, что конфликтологическая компетентность участкового офицера полиции влияет на качество и результат осуществляемой ими профессиональной деятельности.

Abstract. Author disclosed the content of 1) «conflictological competence» term, 2) professionally important components (knowledge, capabilities, skills, features, abilities, motivation, professionally – psychological readiness and experience), which stipulate and determine the conflictological competency of district police officer. It was also emphasized conflictological competency of district police officer to influence on quality and result of professional activity being realized by them.

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность, участковый офицер полиции, Национальная полиция, профессионально важные знания, умения, навыки, привычки, профессионально важные качества, способности, мотивация, профессионально-психологическая готовность, опыт

Key words: conflictological competence, district police officer, National police, professionally important knowledge, skills, features, abilities, motivation, professionally-psychological readiness, experience

Украинская система образования перешла на компетентностный подход к обучению. И поэтому, для высших учебных заведений большое значение имеет Карта компетентностей специалиста определенной профессии.

В органах и подразделениях Национальной полиции Украины существует множество профессий, одной из которых является профессия – «участковый офицер полиции». Следует отметить, что деятельность участковых офицеров полиции является довольно многогранной и сложной. Так, к примеру,

участковый офицер полиции в пределах своей компетенции, – изучает проблемы людей; регулирует семейные, бытовые, соседские конфликты; предотвращает насилие в семье; задерживает преступников; проводит просветительскую работу; осуществляет правовое воспитание; способствует уменьшению количества правонарушений и т.д.

Таким образом, разнообразие функций определяет многообразие разновидностей компетентностей, которые должны быть сформированы у участкового офицера полиции, среди которых значительное место занимает конфликтологическая компетентность.

Основные положения конфликтологической компетентности в своих трудах рассматривали: В. В. Базелюк, Е. М. Богданов, А. И. Денисов, В. Г. Зазыкин, Е. Е. Ефимова, М. М. Кашапов, Л. А. Петровская, В. В. Рогачев, Б. И. Хасан, Л. Н. Цой и др. Однако, учеными не было описано содержание составляющих конфликтологической компетентности участкового офицера полиции. Это и будет целью нашей статьи.

Следует отметить, что **конфликтологическая компетентность** участкового офицера полиции – это способность личности эффективно разрешать различные виды конфликтов.

Конфликтологическая компетентность основывается и обуславливается рядом профессионально важных взаимосвязанных между собой составляющих ее компонентов, среди которых следует выделить: знания, умения, навыки, качества, способности, привычки, опыт, мотивацию, и профессионально-психологическую готовность. Именно эти компоненты определяют форму и степень развития конфликтологической компетентности участкового офицера полиции. Рассмотрим более подробнее их конкретное содержание.

И так, **знания**. Участковый офицер полиции должен *знать*:

- разновидности конфликтов;
- закономерности возникновения конфликтов;
- этапы, фазы и динамику развертывания различных видов конфликтов;
- причины различных видов конфликтов;

- сущность и структуру различных видов конфликтов;
- специфику прогнозирования, предупреждения и разрешения различных видов конфликтов;
- индивидуально-психологические особенности стратегий поведения личности в конфликте;
- технологические приемы управления коммуникацией конфликтующих сторон;
- правила и принципы конструктивного разрешения конфликтных ситуаций;
- характеристику эмоциональных состояний конфликтующих сторон;
- технологию работы с эмоциональными состояниями конфликтующих сторон;
- технологию переговорного процесса;
- основные правила и принципы переговорного процесса;
- основные этапы и механизм переговорного процесса;
- методы и приемы введения переговоров;
- методы психологического воздействия;
- основные этические принципы медиации и др.

Очень важным компонентом конфликтологической компетентности участкового офицера полиции являются **умения** (то есть способность личности выполнять определенные действия или деятельность на основе полученных знаний и сформированных навыков). Они обеспечивают осмысленность, рациональность, эффективность и правомерность процесса урегулирования конфликтов. Мы считаем, что участковый офицер полиции должен **уметь**:

- анализировать конфликтную ситуацию;
- моделировать инвариантные пути развития конфликта для предотвращения насилия;
- прогнозировать направления дальнейшего развития конфликта;
- прогнозировать последствия конфликтного взаимодействия;
- искать оптимальные технологии урегулирования конфликта;

- определять объективные и субъективные факторы конфликта;
- поддерживать нейтралитет в отношении различных спорных вопросов;
- выяснять позиции сторон конфликта;
- находить «ключ» к каждому участнику конфликта;
- устанавливать и поддерживать контакт со сторонами конфликта;
- выслушивать аргументацию сторон конфликта по сути конфликта, спора;
- выявлять круг интересов, стоящих за позицией каждой стороны конфликта;
- обсуждать со сторонами конфликта их истинные интересы;
- подготавливать стороны для переговоров;
- создавать определенный рациональный психологический настрой между конфликтующими сторонами;
- своевременно останавливать и нейтрализовать агрессию участников конфликта;
- преодолевать барьеры общения во время затяжного конфликта;
- конструктивно разрешать спорные вопросы или конфликт;
- предупреждать негативное развитие событий в случае дальнейшего развития конфликта;
- находить эффективные пути выхода из различных сложных и конфликтных ситуаций;
- бесконфликтно общаться;
- оценивать и объяснять проблемные ситуации;
- предоставлять сторонам конфликта безупречно взвешенные предложения и дельные рекомендации;
- выстраивать логику последовательности действий для решения проблем во время конфликта;
- использовать эффективные формы, средства, методы и приемы для урегулирования конфликта;

- осуществлять правомерное психологическое воздействие на стороны конфликта для урегулирования конфликта между ними;
- регулировать эмоциональные состояния сторон конфликта и др.

Важным компонентом конфликтологической компетентности участкового офицера полиции являются **навыки** (то есть сформированные автоматизированные действия, реализуемые на уровне бессознательного контроля).

Навыки являются важными компонентами умений. Они образуются путем заучивания (через повторение) определенных движений, необходимых для выполнения соответствующих действий [1].

Следует отметить, что у участкового офицера полиции должны быть развиты такие виды **навыков**, как [2]: перцептивные, интеллектуальные, двигательные, смешанные (технологические, жизнедеятельные, поведенческие, коммуникативные).

Детерминирующим компонентом конфликтологической компетентности участкового офицера полиции являются **способности** (общие и специальные). **Общие способности** обеспечивают относительную легкость и продуктивность в усвоении участковым общих знаний и умений урегулирования различных видов конфликтов. К **специальным способностям** следует отнести:

- а) *прогностические* – способность участкового во время урегулирования конфликта предвидеть всевозможные отклонения, нежелательные явления и последствия;
- б) *стратегически-тактические* – способность участкового выбрать наиболее рациональные пути урегулирования различных видов конфликтов;
- в) *дидактические* – способность участкового выбирать наиболее эффективные формы, средства, методы и приемы управления конфликтами;
- г) *оценочные* – способность участкового определять степень эффективности того или иного способа, метода, применяемого при регулировании конфликта, определять последствия регулирования различных видов конфликтов;

д) *диагностические* – способность участкового осуществлять визуальную психодиагностику, определять характерологические особенности и поведенческие стратегии различных категорий лиц и т.д.;

е) *перцептивные* – способность участкового проникать во внутренний мир участников конфликта, чувствовать и понимать их психические состояния; адекватно интерпретировать их поведение;

ё) *организаторские* – способность участкового во время урегулирования конфликта определять главные и неотложные задачи;

ж) *лидерские* – способность участкового управлять другими;

з) *мобилизационные* – способность участкового к самоорганизации, эмоционально-волевой саморегуляции и др.

Большое значение среди составляющих компонентов конфликтологической компетентности участкового офицера полиции имеют **профессионально важные качества**, которые ее обуславливают. Среди них следует выделить такие как: уверенность в себе, самостоятельность, независимость, авторитетность, харизматичность, организованность, находчивость, добросовестность, исполнительность, осторожность, обоснованность, объективность, наблюдательность, проницательность, рефлексивность, внимательность, вежливость, деликатность, дипломатичность, доброжелательность, корректность, нормативность, надежность, прогнозируемость и др.

Когда участковый офицер полиции часто использует в своей деятельности различные техники, методы и приемы урегулирования различных видов конфликтов у него вырабатывается профессиональная **привычка**. Привычка формируется параллельно с обретением участковым офицером полиции **опыта** урегулирования различных видов конфликтов. Чем больше опыт, тем выше степень развития конфликтологической компетентности.

Детерминирующими компонентами конфликтологической компетентности участкового офицера полиции, являются также мотивация и профессионально-психологическая готовность.

Мотивация определяется:

1) *желанием* участкового быть посредником между конфликтующими сторонами; повышать свой профессиональный уровень в области медиации;

2) *потребностью* участкового в достижении успеха, в личностно-профессиональных достижениях, в достижении результата и т.д.;

3) *мотивами*: защиты прав конфликтующих сторон; социальной справедливости; решения сложных застарелых конфликтов; примирения конфликтующих сторон; профессиональной самореализации и т.д.

Профессионально-психологическая готовность – это настрой участкового офицера полиции на эффективный и правомерный процесс урегулирования различных видов конфликтов.

Таким образом, описанные нами составляющие компоненты конфликтологической компетентности участкового офицера полиции взаимно связаны и взаимно зависимы друг от друга. Поэтому процесс формирования конфликтологической компетентности у будущих специалистов для подразделений превентивной деятельности Национальной полиции, должен базироваться на целостной системе развития, усовершенствования и оценки ее основных составляющих компонентов.

1. Шишов С. Е. Понятие компетенции в контексте качества образования., *Стандарты и мониторинг в образовании.*, 1999., № 2., С. 30 – 34.

2. Tsilimak O., Rostomova L. The main issues of the theory of competence., *International Scientific and Practical Conference «WORLD SCIENCE» // III International Scientific and Practical Conference «Methodology of Modern Research» (March 29, 2017, Dubai, UAE).*, № 4(20), Vol.5, April 2017., С.5-7

Чернушевич Владимир Анатольевич
Московский государственный психолого-педагогический университет, факультет юридической психологии, доцент, заведующий учебно-производственной лабораторией.
127051, ул. Сретенка, д. Москва, Россия
chernushevichva@mgppu.ru

Chernushevich Vladimir
Moscow State University of Psychology and Education
Associate Professor, Head of the Training and Production Laboratory
127051, str. Sretenka, d. 29, Moscow, Russia, Russia, Moscow,

Стельмах Ольга Дмитриевна
Центр психологической и педагогической реабилитации и коррекции «Строгино», педагог-психолог
123181, ул. Кулакова, д.2, стр.2
stelmakh@inbox.ru

Stelmakh Olga
Center for Psychological and Pedagogical Rehabilitation and Correction «Strogino», pedagogue-psychologist
123181, Moscow, str. Kulakov, 2, building 2

Ступина Вера Николаевна
средняя общеобразовательная школа №712
Педагог-психолог
121374, Кутузовский проспект,80, Москва, Россия
v.stupina@gmail.com

Stupina Vera
Secondary General School 712, pedagogue-psychologist
121374, Kutuzovskiy avu, 80, Moscow, Russia

НАРОДНАЯ ИГРА, КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОФИЛАКТИКИ ВИКТИМНОСТИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

FOLK GAME, AS A POSSIBILITY OF VICTIMALITY PREVENTION AMONG CHILDREN AND TEENAGERS

Резюме: Виктимность проявляется как потеря самообладания в ситуации внезапной внешней агрессии. Для профилактики виктимности детей и подростков предлагается использовать социокультурные ресурсы народных игр (фольклора) с быстро изменяющимися ситуациями и сменой ролей, в которых участники должны ориентироваться и действовать. Особое внимание уделяется жестким играм со жгутом, в которых имеется болевой эффект.

Abstract: Victimality is manifested as a loss of self-control in the situation of sudden external aggression. For victimality prevention among children and teenagers it is suggested to use sociocultural resources of folk games (folklore) with fast changing situations and roles change. Within these games participants must be oriented and act. Special attention is paid to tough games using with the made of textile. Such games have pain effect.

Ключевые слова: виктимность, агрессия, профилактика, народные игры

Key words: Victimality, aggression, prevention, folk games

Виктимность определяется как «неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима (Л. В. Франк)» [1, с. 22]. То есть, одной из причин виктимного поведения может быть неготовность личности

противостоять агрессии. Окруженные толерантностью, как ватой, наши дети вырастают беззащитными перед любым актом агрессии по отношению к ним.

Нередко приходится наблюдать, как случайно в транспортной давке, сцепляются люди, причинившие невольно физическую боль друг другу. Одни бледнеют от страха, другие краснеют от гнева и в состоянии аффекта готовы сбросить друг друга на рельсы. Только случайность и вмешательство других мешает это сделать. Неготовыми к физическому контакту оказывается и «агрессор», и его «жертва». То же происходит и в ситуации криминального насилия, когда преступнику (грабителю, насильнику) достаточно стукнуть жертву посильнее, чтобы она потеряла самообладание и всякую способность противостоять насилию.

Современные дети, особенно мальчишки, дерутся ли, выясняя отношения? Или они предпочитают выяснять отношения с помощью гаджетов и предлагаемых в них игр, забывая при этом, что у человека есть и физическое тело, которое накапливая агрессию внутри, стремится реализовать ее непременно! Драки – плохо это или хорошо? Плохо, если они не умеют драться, не умеют постоять за себя, за товарища, не умеют отразить агрессию или «превышают пределы необходимой самообороны». Входит ли в систему семейного воспитания эта способность противостоять насилию?

Откуда в традиционной культуре люди получают такой необходимый опыт – не теряться в ситуации причинения им боли, умение противостоять насилию в разных формах. На наш взгляд, весь этот опыт с малых лет накапливается в уличных играх, а сейчас «тренировочная площадка» переместилась в многочисленные спортивные залы силовых единоборств. Родители водят детей в залы, где (их, и они) бьют больно по правилам спортивных видов силовых противостояний. Иными словами, и опыт прежних времен и современная практика «подготовки к жизни» говорит о необходимости контактных взаимодействий, сопряженных с болью. Только раньше это обеспечивали сверстники и родители, а сейчас специально обученные люди за немалые деньги.

Опираясь на вышеприведенное понимание виктимности, мы обратили внимание на особенность многих народных игр (фольклора), в которых дети и подростки могут развивать свою способность противостояния внешней агрессии. В играх представлено большое количество ситуаций, где ребенок (или подросток) попадает в трудное для него положение, переживает его и выходит из него, приобретая опыт поведения в таких ситуациях.

В традиционных играх нашими предками предусмотрены самые разные формы воздействия в рамках жестких игровых правил. Это и щипки, шлепки («Пузырь»), и щелбаны, и пинки, и дергание за волосы, и растяжки («Пузырь»), и толчки («Хрен», «Пузырь»), и рывки («Хрен»), и придавливания («Червячки»), и скручивания («Крапивка»), и, наконец, удары жгутом («Номера»). Это и регламентированные меры наказания за нарушения игровых правил, и расчеты с проигравшими, и сами игровые правила, согласно которым добровольно подвергающимся силовому, часто сопряженному с болью, воздействию (мы не говорим «насилию») предоставляется возможность избежать его, проявив определенную смекалку и ловкость. И всё это – в сочетании со смехом, азартом и радостью. Наблюдение за детьми в играх показывает их большую эмоциональную включенность в игру и хорошую динамику отношения к напряженным игровым ситуациям. Такая, единственно известная почти всем детям игра, как «Каравай» для трехлетнего ребенка, не игравшего в нее, является страшной игрой, многие дети не могут выйти в центр круга в одиночку без ассистента, которым бывает или родитель, или воспитатель, ведущий игру. Но уже на второй, третий кон дети преодолевают свою неспособность противостоять кругу и принимать решение в трудной для себя ситуации. Некоторые дети впервые сталкиваются с ситуацией личного выбора сразу после ситуации противостояния кругу («вот такой ужины»), они теряются и не могут сделать выбор. Такое же психологически трудное состояние проживают и преодолевают дети в играх «Тетера», «Коршун», «Ворон Иван Петрович». Выработке самообладания, способности предвидеть

ситуацию и как-то на нее влиять способствуют правила игры со сменой ролей «агрессора» и подвергающегося агрессивному воздействию.

Смена ролей представлена в игре «Коршун»: от роли неизбежной жертвы к роли «агрессора» Коршуна. В «Вороне И.П.» тоже есть ситуация, когда дети сначала боятся поодиночке и вместе, но, преодолевая страх, перетерпев его, в итоге щиплют убегающего от них агрессора Ворона.

Более жесткие игры с выраженным болевым воздействием агрессора существуют для подростков. Прежде всего, это игры с битьем («Жгут идет», «Хранитель жгута», «Номера»). В этих играх подросток всегда неожиданно попадает в ситуацию, когда его больно бьют жгутом, а он должен предпринять действия по своей защите или защите того, кого бьют. Приведем выдержки из рефлексивных отчетов первокурсниц: «После первого сыгранного кона я совершенно не понимала к чему вся эта жестокость и неоправданная боль. Только потом я поняла. Именно в тот момент, когда ты сидишь, вцепившись в стул, кричишь от боли (потому что тебя бьют жгутом), ты должен сказать нужное число. Это учит человека быстро и правильно принимать решение в стрессовой и экстренной ситуации. Я думаю, что это игра помогает людям и подготавливает к малоприятным моментам в жизни». «В миг одни эмоции сменяются другими. У некоторых возникает досада, печаль, грусть и даже ужас, когда ты кричишь, зовешь на помощь (называешь номер), но тебя не слышат. К тебе не идут! А ведь и это очень важно испытать! Так как, увы, в жизни такое тоже случается. И не так редко, как бы нам хотелось. Несомненно, на протяжении игры тебя сопровождают чувства счастья и радости».

Ощущение счастья от игр с битьем связано с обретением всех вышеперечисленных знаний в первую очередь о себе. В игре всё выстроено так, чтобы человек испытал себя, проверил, познал и вышел более цельным, сильным, с более адекватным самоосознанием. Подросток после такого испытания будет знать о себе и о возможных отношениях в обществе, намного больше. Не только знать, но иметь практический опыт собственного реагирования!

Выделенные в играх, названные выше ситуации, в которых дети и подростки приобретают способность не терять самообладания при агрессивном воздействии, по нашему мнению, можно квалифицировать как профилактические в отношении такого личностного свойства как виктимность. Их можно классифицировать по разной степени эмоциональной напряженности, для разного возраста и контингента участников. К сожалению, естественная профилактическая среда (повседневная игровая практика детей, как дома, так и в образовательных учреждениях) в настоящее время крайне обеднена такими играми. Поэтому фольклорные игровые программы, которые отличает особая насыщенность профилактическими и коррекционными ресурсами [2] могут стать, при соответствующей подготовке ведущих, хорошим профессиональным средством профилактики виктимности.

1. Франк Л.В. Виктимология и виктимность (об одном из направлений в теории и практике борьбы с преступностью). Душанбе: Изд-во Тадж. ун-та, 1972. 114 с.

2. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения. *Культурно-историческая психология*. 2017. Том 13. № 3. С. 51-59. doi:10.17759/chp.2017130307

Щербина-Прилука Валентина Николаевна
Научный сотрудник лаборатории психологии
социально дезадаптированных
несовершеннолетних Института психологии
имени Г. С. Костюка НАПН Украины
01033 ул. Паньковская, 2 г. Киев, Украина
shch_wn@ukr.net

Shcherbyna-Pryluka Valentyna Mykolaivna
Researcher of laboratory of Psychology of
Socially Maladjusted Adolescents, Kostiuk
Institute of Psychology of NAPS Ukraine,
Kyiv
01033 2 Pankovskast. Kyiv, Ukraine

РОЛЬ РЕФЛЕКСИИ НЕСОВЕРШЕНОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

THE ROLE OF OF REFLECTION BY JUVENILE OFFENDERS DURING THEIR RESOCIALIZATION

Резюме: В статье анализируется роль рефлексии несовершеннолетних осужденных в процессе их ресоциализации. Рассматриваются особенности рефлексии у девиантных подростков, уровень развития рефлексивности в зависимости от социально-психологических характеристик личности девиантных подростков. Определено, что девиантным подросткам свойственен не только низкий уровень рефлексивности, но также – высокий и средний.

Abstract: The article analyses the role of reflection by juvenile offender as a prerequisite for their successful re-socialization. The peculiarities of deviant adolescents' reflection, levels of their reflexivity are discussed depending on the socio-psychological characteristics of deviant adolescents. Deviant adolescents are characterised by not only a low level of reflexivity, but also by average and high levels.

Ключевые слова: рефлексия, уровни рефлексии, рефлексивность, девиантное поведение, ресоциализация.

Key words: reflection, the level of reflexivity, deviant behavior, resocialization.

В современном обществе все еще остается важной проблема ресоциализации несовершеннолетних осужденных, решение которой имеет первостепенное значение в профилактике рецидивов правонарушений среди подростков. Актуализируется данная проблема еще и тем, что растет криминальная активность среди несовершеннолетних, причем этот процесс характерен для всех развитых промышленных стран [1; 2; 3]. Поэтому поиск путей ресоциализации является одной из насущных проблем современности, поскольку это восстановление утраченных социальных связей и возвращение к активной социально направленной жизнедеятельности. Здесь особое значение приобретает способность выстроить стратегию собственной жизни, самостоятельно определять внутренний потенциал личностного роста. Поэтому

актуальным является изучение именно психологических механизмов ресоциализации. В качестве такого механизма мы рассматриваем рефлексивность, поскольку именно через рефлексивность происходят положительные личностные изменения, необходимые для активного преобразования своей жизненной ситуации.

Вместе с тем следует отметить, что характерными личностными свойствами несовершеннолетних осужденных является стереотипность реагирования на социальные стимулы, низкая стрессоустойчивость, тревожность и напряженность в социальных контактах, низкая критичность и способность к рефлексии [2]. Отсутствие рефлексивности снимает с подростка субъектную ответственность за все, что с ним происходит.

Над проблемой ресоциализации несовершеннолетних в разное время работали такие ученые В. Н. Синев, В. И. Кривуша, С. В. Горенко, П. В. Вивчар, В. Оржеховская, Н. Ю. Максимова и др. Отмечается, что именно воспитанию в коллективе принадлежит ведущая роль в системе средств исправления несовершеннолетних осужденных. Н. А. Деева реализацию задач ресоциализации видела в формировании личностной и общественно значимых перспектив. Акцентируется внимание на формировании трудовой направленности несовершеннолетних правонарушителей, получении общего образования, ускорение процесса социальной адаптации таких подростков. Отмечается целесообразность включения подростка в спортивную деятельность, формирование у него положительного отношения к здоровому образу жизни, привлечение к самодеятельности. Значимыми аспектами ресоциализации правонарушительниц женского пола определяются: приведение самооценки к адекватной, налаживание правильных межличностных отношений девушек, «воспитание» познавательных интересов, повышение уровня социальной адаптации несовершеннолетних осужденных женского пола через повышение уровня эмпатии, развитие волевой саморегуляции. Т. И. Белавина и С. В. Горенко доказали необходимость постепенного внедрения в практику личностно-ориентированного подхода,

создание в воспитательной колонии среды, обеспечивающей каждому ребенку максимально возможное развитие его способностей, формирование у несовершеннолетних правовой культуры.

По нашему мнению, особое значение именно здесь приобретает рефлексия как общий принцип организации и развития психики человека, его самосознания, способ познания человеком своего внутреннего мира и, в конце концов, построения стратегии собственной жизни. В то время именно отсутствие или избежать рефлексивности снимает с подростка субъектную ответственность за все, что с ним происходит.

Целью нашей работы стало теоретическое исследование роли рефлексии несовершеннолетних осужденных в процессе их ресоциализации.

К пониманию рефлексии существуют различные подходы, имеющие различное основание. Это говорит о многоаспектность проблемы. С одной стороны, рефлексия анализируется как системообразующий фактор организации мышления, деятельности, коммуникации и интеракции. С другой, рассматривается как саморегуляторный механизм становления личности субъектом собственной жизнедеятельности.

В нашей работе мы придерживаемся понимания рефлексии с позиции регулятивного подхода, рассматривает ее как движение человека к основаниям собственной активности, как глобальный интегративный психологический механизм организации и выстраивания психики человека с целью более эффективной регуляции взаимодействия человека с миром. Актуализация механизма рефлексии возможна только при соответствующем уровне развития способности к рефлексии у индивида – рефлексивности. Рефлексивность – это базовая свойство личности, благодаря которой происходит осознание и регуляция субъектом своей деятельности. Уже в младшем школьном возрасте возникает необходимость и одновременно складываются возможности для рефлексивного обращения на себя. Соответственно, у подростков есть все предпосылки для осознанного и произвольной регуляции своей активности.

Проблема заключается в том, что, оказываясь в определенных ситуациях, подростки могут демонстрировать поведение, отклоняющееся от нормы, в том числе, и противоправную. Исследователи выделяют различные аспекты понимания причин делинквентного поведения в зависимости от: взаимодействия личности в группе, особенностей семейного воспитания, личностных особенностей. Исследуя особенности рефлексии девиантных подростков, авторы акцентируют внимание на низком уровне способности к рефлексии у правонарушителей. Вместе с тем, в последнее время наметилась тенденция к более осознанным и произвольным правонарушениям несовершеннолетних. Это подчеркивает многообразие делинквентного подростковой сообщества и актуализирует исследования проблем рефлексии.

Подростковый путь к индивидуальности лежит, прежде всего, через общение с другими. Мнения других является важнейшим основанием образа «Я», поэтому это делает подростков сверхчувствительными ко всей сфере отношений, и прежде всего в сфере отношений со сверстниками. В своей среде, взаимодействуя друг с другом, подростки учатся рефлексии, направленной на себя и на сверстника, проявляют личную способность (или неспособность) к рефлексии. Подростковая рефлексия отличается свободной ассоциативностью и целостность ей придает только исключительная направленность подростка на самого себя – куда бы он ни направился в своих ассоциациях, он неизменно идентифицирует себя с самим собой, возвращается к самому себе.

Высокая значимость подросткового возраста в развитии рефлексии обусловила наличие достаточно большого количества исследований на эту тему. Значительно меньше исследований посвящено изучению роли и значению развития рефлексии девиантных подростков в процессе их ресоциализации. Исследование рефлексии девиантных подростков, на наш взгляд, приобретает особую остроту в современном обществе, для которого проблема девиантного поведения остается одной из самых актуальных. К социально-психологическим характеристикам подростков с девиантным поведением как специфической социальной группы можно отнести: повышенную тревожность, жестокость,

агрессивность, конфликтность, которые принимают устойчивый характер обычно в процессе стихийно-группового общения, состоящий в разного рода компаниях. Социально-психологический микроклимат группы оказывает решающее влияние на формирование поведенческой стратегии подростка, способы ассимиляции им девиантной субкультуры, на возникновение смысловых барьеров в отношениях со взрослыми. Для того чтобы преодолеть эти барьеры, по возможности вернув девиантного подростка в социум, очень важно знать особенности протекания рефлексивных процессов в данной категории подростков.

В исследованиях особенностей смысловой сферы девиантных подростков [5] на уровне таких характеристик, как неумение осуществлять контроль поведения и деятельности, низкая ответственность за совершенные поступки (экстернальный контроль), отмечает также и уровень рефлексивности. По мнению автора, именно из-за недостаточного развития рефлексии и зависимость от группы, ее установок, ожиданий, поведенческих тенденций и программ у подростков возникают трудности определения индивидуальной цели программы действий, адекватных текущей ситуации, они не всегда замечают изменения ситуации, что приводит к неудачам. При этом девиантные подростки не замечают своих ошибок, не критичны к своим действиям.

Что касается особенностей рефлексивности подростков с делинквентным поведением [1], удалось установить, что девиантным подросткам присущ не только низкий уровень развития рефлексивности, но также – высокий и средний. Подростки с высоким и средним уровнем развития рефлексивности более подвержены умышленным правонарушениям, чаще совершают их в составе группы, по предварительной договоренности, принимая при этом на себя роль организатора. Напротив, девиантными подростками, имеющими низкий уровень рефлексивности, преступления совершаются как в одиночку, так и в составе группы, но при этом в группе они выступают лишь в роли исполнителей (иногда по принуждению).

Таким образом, рефлексия выполняя регулятивные функции, позволяет личности создавать целостное представление о своем «Я», познавать и объективно оценивать свои качества и собственные способы деятельности, критически относиться к себе и своей деятельности, адекватно изменять представления о себе, своих действиях. Здесь также важно учитывать все многообразие подросткового сообщества, поскольку в нем могут быть подростки и с высоким, и с низким уровнем рефлексивности. Однако, особенности рефлексии подростков с девиантным поведением не исчерпываются только характеристиками уровней развития способности к рефлексии, поскольку сам ее механизм функционирует иначе, чем в нормативных подростках, что необходимо учитывать в построении процесса их ресоциализации.

1. Ульянова В. П. Социально-психологические особенности рефлексии нормативной ситуации подростками с делинквентным поведением: дис... кандидата псих. наук: 19.00.05 / Вера Павловна Ульянова. Москва, 2008. 157 с.

2. Щербаков Е. А. Психолого-педагогические условия ресоциализации несовершеннолетних осужденных :дис... кандидата псих. наук : 19.00.07 / Евгений Анатольевич Щербаков. Самара, 2009. 242 с.

3. Греса Н. В. Психологічні чинники усвідомлення вини неповнолітніми злочинцями :дис... кандидата псих. наук : 19.00.06 / Наталія Володимирівна Греса. Харків, 2008. 189 с.

4. Максимова Н. Ю. Соціально-психологічні спекти проблеми гуманізації судочинства та кримінально-виконавчої системи / Н. Ю. Максимова. К. : ЗАТ «ВПОЛ», 2005. 100 с.

5. Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. №2. Т.18. С. 58-78.

Ярема Наталія Юрьевна Государственный научно- исследовательский институт МВД Украины, ведущий научный сотрудник, кандидат психологических наук 01011, Украина, Киев, пер. Е. Гуцола yarema.n@ukr.net	Yarema Nataliia State Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, leading researcher, Phd 01011, Ukraine, Kyiv, per. Ye. Gutsola	Пампура Игорь Иванович Государственный научно- исследовательский институт МВД Украины, старший научный сотрудник, магистр психологии 01011, Украина, Киев, пер. Е. Гуцола yarema.n@ukr.net	Pampura Igor State Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, senior researcher, master of psychology 01011, Ukraine, Kyiv, per. Ye. Gutsola
--	---	--	---

ОКАЗАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИТАРНОГО КРИЗИСА В УКРАИНЕ

THE PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN SITUATIONS OF HUMANITARIAN CRISIS IN UKRAINE

Резюме: В условиях гуманитарного кризиса в Украине психологам приходится работать с лицами, перенесшими психическую травму (переселенцы и беженцы, жертвы захвата заложников, люди, пережившие бомбежки, обстрелы, гибель родственников, разбойные нападения и тому подобное). В статье представлен анализ трудов, посвященных вопросам принципов, главных задач, направлений и этапов оказания психологической помощи в экстремальных условиях.

Abstract: The humanitarian crisis in Ukraine, psychologists have to work with persons who have experienced trauma (displaced persons and refugees, victims of hostage-taking, the survivors of the bombing, the shelling, the death of a relative, robbery and the like). The article presents the analysis of the works devoted to the principles, main objectives, directions and stages of psychological assistance in extreme conditions.

Ключевые слова: экстренная психологическая помощь, экстремальная ситуация, гуманитарный кризис, психотравмирующее влияние.

Key words: psychological emergency, extreme situation, humanitarian crisis, stressful influence.

Сегодня в Украине проявляются все признаки гуманитарного кризиса, который рассматривается как положение с фундаментальными правами человека на территории государства, когда [1]:

– нарушение этих прав является систематическим, длительным и грубым;

- масштабы нарушений составляют явную угрозу для мира и безопасности в регионе или во всем мире;
- внутригосударственные органы власти не могут или не желают положить конец нарушениям фундаментальных прав человека в своем государстве;
- существует насущная необходимость в неотложных действиях мирового сообщества для ликвидации этого положения.

Среди систематических и грубых нарушения права человека, происходит ущемление права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, которое согласно Европейской социальной хартии, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах является одним из прав человека второго поколения.

Рост числа экстремальных ситуаций в нашей стране обуславливает необходимость подготовки специалистов, способных оказывать экстренную психологическую помощь. Несмотря на важность и актуальность проблем оказания экстренной психологической помощи населению в экстремальных ситуациях, эти задачи в настоящее время до сих пор остаются достаточно новыми для психологов в связи с отсутствием предыдущего практического опыта участия в подобных событиях. Психологам приходится работать с лицами, перенесшими психическую травму (переселенцы и беженцы, жертвы захвата заложников, люди, пережившие бомбежки, обстрелы, гибель родственников, разбойные нападения и тому подобное).

Результаты исследований вопросам оказания психологической помощи в экстремальных ситуациях освещены в работах Н. Г. Гаранян, Т. Н. Гуренковой, И. Н. Елисеевой, М. А. Крюковой, Т. Ю. Кузнецовой, А. И. Ляшенка, И. Г. Малкиной-Пых, Т. Н. Никитиной, Н. Г. Осуховой, Д. В. Солошенка, С. В. Тиунова, А. В. Тимченка, А. Б. Холмогоровой, В. Е. Христенка, В. М. Шатила и др.

Целью нашей статьи является представление данных обобщенного анализа наработок в области оказания психологической помощи в экстремальных условиях.

Психологическая помощь в тяжелых кризисных состояниях называется экстренной психологической помощью. Это система краткосрочных мероприятий, предоставляемых потерпевшим непосредственно во время или сразу после чрезвычайной ситуации [2; 3]. Целью экстренной психологической помощи является профилактика патологических изменений, восстановления и сохранения психосоматического здоровья.

Экстренная психологическая помощь оказывается людям в остром стрессовом состоянии. Это состояние представляет собой переживание поведенческой, эмоциональной и умственной дезорганизации.

Безотлагательное психотерапевтическое вмешательство, как можно ближе по времени к перенесенной травме, позволяет предотвратить многие нежелательные последствия и переход процесса в хронические формы.

Психодиагностика и процедура оказания психологической помощи в экстремальных ситуациях имеют свою специфику. В экстремальных ситуациях из-за нехватки времени невозможно использовать стандартные диагностические процедуры. Действия, в том числе практического психолога, определяются планом на случай чрезвычайных обстоятельств.

Для оказания экстренной психологической помощи психолог должен [4]:

- проанализировать ситуацию (особенности психотравмирующих воздействий, количество людей, нуждающихся в помощи и т. п.);
- ознакомиться с информацией по условиям работы (место нахождения потерпевших и их родственников, место, где можно работать с пострадавшими, размещение пострадавших, расположение пунктов питания, порядок выплат компенсаций и тому подобное);
- определить группы лиц, нуждающихся в экстренной психологической помощи.

Главными принципами оказания помощи лицам, перенесшим психологическую травму в результате влияния экстремальных ситуаций являются [5; 6]:

- безотлагательность;
- целесообразность;
- приближенность к месту событий (оказание помощи в привычной обстановке и социальном окружении);
- ожидание восстановления нормального состояния (поддержать уверенность в скором возвращении пострадавшего к нормальному состоянию);
- предвидения дальнейшего развития расстройств;
- пролонгированность специализированной помощи;
- поэтапность и преемственность оказания психологической помощи.

Среди задач экстренной психологической помощи выделяют повышение адаптационных возможностей индивида; психотерапию возникающих приграничных нервно-психических нарушений, профилактику острых панических реакций, психогенных нервно-психических нарушений.

Следует учитывать, что в чрезвычайных и кризисных ситуациях пострадавшие и их близкие нуждаются в информационной, социальной, медицинской и других видов помощи. Комплексный подход при оказании помощи обеспечивает восстановление докризисного уровня функционального состояния человека, способность к адекватному восприятию действительности и поведения в данных условиях, предотвращение возникновения психосоматических заболеваний и психических расстройств.

Экстренная психологическая помощь оказывается в случае, когда в результате психотравмирующих событий возникли такие изменения в психической деятельности, которые, вызывая дезадаптацию личности, нарушают функциональное состояние личности, возможность принятия решений, регуляции эмоционального состояния. Экстренная психологическая помощь лицам позволяет стабилизировать состояние пострадавших, снять или

уменьшить острые симптомы дистресса, восстановить функциональное состояние, способность регуляции эмоционального состояния и поведения [7; 8].

В оказании экстренной психологической помощи могут нуждаться [6]:

- лица, непосредственно пострадавшие от чрезвычайных ситуаций;
- родные и близкие пострадавших и население, находящееся непосредственно в зоне чрезвычайных ситуаций или вне нее;
- очевидцы событий, которые могут получить психологическую травму;
- работники медицинских, социальных, психологических и других служб, участвующие в устранении последствий экстремальных ситуаций;
- лица, которые не находились в зоне чрезвычайных ситуаций и не принимали участие в оказании помощи пострадавшим, но у которых развились те или иные отклонения в состоянии психического здоровья и поведения в связи с воздействием стрессовых факторов, обусловленных информацией о ситуации («вторичная травматизация»), или обострились ранее существовавшие психические расстройства, актуализировались травмы, полученные ранее.

Психологам в ситуации оказания экстренной психологической помощи необходимо распознавать проявления и знать динамику острого стрессового расстройства, которое может развиваться в ответ на травматическое событие.

Разновидностями экстренной психологической помощи являются: экстренная «допсихологическая» помощь, информирование; психологическое сопровождение; психологическое вмешательство (интервенция); выявление негативных социально-психологических механизмов (психическое заражение, паника, слухи) и управление ими [9; 10].

Исследователи и практики выделяют следующие этапы оказания экстренной психологической помощи [7; 8; 11]:

I. Подготовительный этап предполагает сбор необходимой для психологов информации об экстремальной ситуации. Происходит

установления связей с организациями и ведомствами, которые оказывают комплексную помощь населению. Производится анализ, прогноз и планирование действий, распределение функций, определение графика работы.

II. Установление контакта с представителями других ведомств производится для обеспечения возможности удовлетворения базовых потребностей личности (потребности в пище, безопасности, значимой информации и др.) с целью снятия напряжения и создания более благоприятных условий оказания психологической помощи.

III. Непосредственное оказание экстренной психологической помощи пострадавшим.

IV. Завершение работы по оказанию экстренной психологической помощи происходит при условии восстановления функционального состояния личности, обретения контроля за ситуацией и своим поведением, появления ресурсов для преодоления проблемы.

V. Анализ процесса и результатов деятельности осуществляется как в процессе оказания помощи, так и после ее завершения. Данные обобщаются, сопоставляются, выявляется и описывается специфика отдельных случаев, фиксируются закономерности. Анализируются допущенные ошибки и меры, которые дают положительный результат.

VI. Восстановительный этап заключается в необходимости полноценного отдыха психологов после работы, в обсуждении и подведении итогов работы, супервизии сложных случаев.

Таким образом, проблема оказания срочной психологической помощи населению в экстремальных ситуациях является чрезвычайно важной. Кроме определения и понимания главных принципов, целей, этапов осуществления экстренной психологической помощи, не меньшего внимания требуют вопросы применения способов и приемов реализации ее задач.

Важными и актуальными являются вопросы создания системы оказания психологической помощи общегосударственного уровня. На сегодняшний день помимо психологических служб органов исполнительной власти, силовых

структур на волонтерских началах созданы многочисленные центры медико-психологической помощи, кризисные центры и др. Вместе с тем, деятельность этих центров недостаточно скоординирована, а количество волонтеров, задействованных в работе этих центров, является недостаточной, чтобы охватить всех, нуждающихся в психологической помощи.

1. Гуманитарный кризис: сайт. URL: <http://strochka.org/raznoe/43-zashhita-pravcheloveka-2/2901-gumanitarnyj-krizis.html>

2. Крюкова М.А. и др. Экстренная психологическая помощь : практическое пособие. М. : НЦ ЭНАС, 2003. 64 с.

3. Солошенко Д.В. Экстренная психологическая помощь. Консультирование. Х. : Торсинг, 2001. 192 с.

4. Миллер Л.В. Модель экстренной психологической помощи Л.В. Миллер: сайт. URL: http://psyjournals.ru/cepp/issue/45300_full.shtml

5. Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М. : Изд-во Эксмо, 2005. 960 с.

6. Порядок межведомственного взаимодействия при оказании специализированной психотерапевтической, психологической и психиатрической помощи при ЧС в городе Москве. М., 2006.

7. Ляшенко А.И., Тиунов С.В., Шатило В.Н. Практика участия психологов МСПП в работе по оказанию экстренной психологической помощи. *Психология экстремальных ситуаций*. Под ред. В.В. Рубцова, С.Б. Малых. М. : Психологический институт РАО, 2007. С. 199-205.

8. Никитина Т.Н. К вопросу о задачах экстренной психологической помощи. *Антология тяжелых переживаний : социально-психологическая помощь*: Сборник статей. Под ред. О.В. Красновой. М : МПГУ; Обнинск: Принтер, 2002. С.190-204.

9. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Психологическая помощь людям, пережившим травматический стресс. М.: МГППУ, 2006. 112 с.

10. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: Учебное пособие для студ. высш. учеб.заведений. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2007. 288 с.

11. Психология экстремальных ситуаций: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. [Т.Н. Гуренкова, И.Н. Елисеева, Т.Ю. Кузнецова и др.]: Под общ.ред. Ю.С. Шойгу. М. : Смысл; Академия, 2009. 320 с.

Фомин Ю.А.
УО «Академия МВД Республики Беларусь», доцент кафедры психологии и педагогики, доцент
220005 проспект Машерова 6, Минск, Республика Беларусь
YRIALEKS@yandex.ru

FOMIN YURY
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Associate Professor
220005 6 Masherova Avenue, Minsk, Republic of Belarus

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

APPLICATION OF MODELING METHOD FOR LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Резюме: в статье анализируются подходы к понятиям «модель», «моделирование» и «поисковая активность», а также особенности применения моделирования как метода урегулирования конфликтов в правоохранительной деятельности.

Abstract: the article analyzes the approaches to the concepts of «model», «modeling» and «search activity», and also features of application of modeling as a method of settlement of conflicts in law enforcement activity are analyzed.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, сотрудник правоохранительных органов, модель, моделирование, метод, прогнозирование, профилактика, урегулирование конфликта, поисковая активность.

Keywords: law enforcement activity, law enforcement officer, model, modeling, method, forecasting, prevention, conflict resolution, search activity.

Моделирование – это общенаучный метод познания, применение которого в конкретной области знаний, требует адаптации к целям исследований и несет определенную специфику.

Моделирование в поле любого исследования затрагивает различные области знаний. Поэтому важно определиться в понятии «модель» для дальнейшего понимания и построения алгоритмов действий.

Понятие «*модель*» используется исследователями в разных значениях. Так, «модель» описывается как копия оригинала [4], как физическая система, математическое описание, отражающее важнейшие свойства явлений» [5]. Н. А. Умов, в свое время отмечал, что наше мирозерцание – собрание моделей [6], а В. А. Штофф понимал как мысленно представленную или материально реализованную систему, отражающую или воспроизводящую

объект исследования, которая способна при его замене, дать о нем новую информацию.

Модель, по мнению Т. С. Волчецкой, выступает как искусственно созданная идеальная или материальная система. Она воспроизводит и заменяет исследуемое криминальное событие, и обстоятельства его совершения, а также «ситуации и обстоятельства его расследования так, что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач» [7].

В данном случае, общефилософский подход В. А. Штоффа отражает следующие основные виды моделирования: мыслительные и материальные, ретроспективные и перспективные; а также возможность восстановить целое явление или его отдельные свойства [1].

Нами *модель* трактуется как создающийся в сознании человека образ, включающий значимые для него факторы, которые влияют на формирование определенного образца поведения.

Выбор модели поведения – это предпочтение человеком такого варианта действий, которые, по его мнению, являются наиболее эффективными в актуальных условиях.

Понятие «*моделирование*» рассматривается как широким, так и узким смысле. В первом варианте – это познавательная деятельность, включающая ряд процессов. В их числе: конструирование моделей путем отбора соответствующей информации, проведение модельных экспериментов, формирование суждений и умозаключений о предмете и получение выводного знания [8]. В узком смысле – это метод исследования, конструирования, применяемый для решения различных задач [9]. Моделирование трактуется как способ познания, использующийся в процессе обучения для формирования научно-теоретического типа мышления, основным методом которого выступает конструирование и изучение моделей предметов и реальных объектов. Моделирование – один из важнейших процессов социализации [10].

Использование данного метода получает все более широкое распространение в правоохранительной деятельности. В частности, О. Я. Баев констатирует, что в уголовном судопроизводстве понятие следственной ситуации, это «модель реальной ситуации, возникновение которой возможно при расследовании отдельных видов преступлений» [11]. В. В. Клочков и В.А. Образцов отмечают, что понятие преступления и его криминалистическая характеристика – это типовая информационная модель, которая включает более низкого уровня модели [12]. Ряд авторов программы планирования тактических операций, и этапов расследования называют специфическими мысленными моделями перспективного характера и моделированием расследования [13; 14]. В свою очередь В. Н. Кудрявцев, говоря о качественном и доскональном изучении ситуации, отмечает, что это детальная модель. В своей работе он приводит тезис И. Б. Новика о том, что познать объект – значит построить его мысленную модель [15].

В рамках криминалистики Т. С. Волчецкая констатирует, что моделирование – метод создания мысленной или материальной модели, применяемой в качестве средства получения криминалистически значимой информации, необходимой для предупреждения, расследования и раскрытия преступления [7].

Что касается конфликтных ситуаций, то их моделирование рассматривается как процесс *прогнозирования, профилактики и регулирования* путем поиска оптимальных моделей и схем решения.

Каждый руководитель правоохранительного органа, по роду служебной деятельности сталкивается с конфликтными ситуациями, затрагивающими жизненно важные процессы в коллективе. Как правило, такие ситуации не возникают спонтанно, а назревают, исходя из его действий или бездействий в течение определенного времени. Именно в этом временном промежутке руководителю важно включать моделирование по прогнозированию как своих, так и действий подчиненных, а также вышестоящего руководства с задачей, как

достижения конструктивного результата, так и минимизации негативных последствий.

На наш взгляд, одним из оптимальных инструментов, позволяющим, например, прогнозировать пути профилактики и регулирования конфликта, является поисковая активность. Поисковой она названа потому, субъект не всегда на 100% уверен, что будет найден конструктивный выход, но адекватно способен оценивать каждый свой шаг и корректировать действия. Особенность поисковой активности состоит в осмысленном поиске различных вариантов взаимодействия, а не спонтанном, под давлением эмоций.

В. С. Ротенберг и В. В. Аршавский рассмотрели поисковую активность как общий неспецифический фактор, который определяет устойчивость организма к стрессу и вредным воздействиям при самых различных формах поведения. Пассивно-оборонительная реакция во всех ее проявлениях ими рассматривается как отказ от поиска в неприемлемой для человека ситуации. Именно сам отказ от поиска, а не неприемлемая ситуация как таковая и вызываемые ею отрицательные эмоции, делает организм более уязвимым к всевозможным вредностям [16].

Авторы отмечают, что в условиях угрожающих факторов у человека есть защитный ресурс, который используется для сохранения благоприятной ситуации или изменение неблагоприятной.

Отличие панического поведения от поискового состоит в отказе от анализа и извлечения уроков из своих случайных удач или ошибок. В условиях неопределенности, включается тревога (первая стадия стресса), являющаяся триггером панического поведения, которое сменяется апатией, подавленностью, опустошенностью, что снижает сопротивляемость организма. Как следствие, даже незначительная нестандартная ситуация вызывает дистресс, провоцирующий негативные для организма последствия.

Поисковая активность предполагает мобилизацию физических и моральных сил для выхода из сложной ситуации, повышающая стрессоустойчивость. Попадая в нестандартные, порой противоречивые и

конфликтные ситуации, алгоритм действий сотрудника состоит в анализе возможных вариантов, моделированию различных сценариев, оценке их результативности, исходя из поставленной цели, и принятию решения к действию.

Таким образом, запускается эволюционный механизм выживания, выражающийся в активном поиске оптимального взаимодействия и стрессоустойчивости.

Важной оценочной составляющей поисковой активности сотрудника милиции выступает потребность в самоуважении, что позиционируется, как нахождение в гармонии с самим собой. Поддержание самоуважения, соответствие своим идеалам позволяет сохранять конструктивное взаимодействие в условиях неопределенности, оптимизм в преодолении трудностей и неудач, и высокую активность.

Сотрудник милиции, утративший самоуважение, находится в постоянном внутриличностном конфликте, противоречив и склонен к дезорганизованному поведению, или депрессии. Чем выше и сложнее душевная организация человека, тем чаще возникают у него противоречивые, взаимоисключающие потребности. Так, карьерный рост и признание порой могут привести к конфликтам с потенциальными конкурентами, превосходящими его большей активностью, смекалкой или опытом. Но, конфликтность, основанная на зависти, неприемлема для сотрудника правоохранительного органа с высокой самооценкой, искренне полагающего, что активность, смекалка или опыт достойны уважения. Чтобы внутренний конфликт между завистью и самоуважением не привел к расстройству поведения, включается механизм психологической защиты, предотвращающий снижение самооценки.

Поэтому важным моментом развития поисковой активности является моделирование путей выхода из любых, даже на первый взгляд безнадежных ситуаций.

Одним из примеров моделирования конфликтной ситуации и нахождения приемлемых вариантов ее решения является техника, направленная на ее последовательную проработку по 6 ключевым направлениям, проясняющих:

– Факты. Какими значимыми фактами, относящимися к данной ситуации, владею я и оппонент?

– Чувства. Почему на втором месте, после осмысления фактов, стоит работа с эмоционально-чувственной сферой? Переживания, и на их основе сформированное негативное отношение к событию и его участникам, в дальнейшем забирает много сил и отвлекает от конструктивного решения проблемы. Поэтому проработка эмоциональной сферы посредством ответов на вопросы, позволят включить рациональную составляющую и избежать внутриличностного конфликта. Предлагаемые, в таких случаях, вопросы: «Какие чувства вызывает у меня и моих сторонников сложившаяся ситуация? Что испытывает мой оппонент и его окружение? Какие смягчающие эмоциональное напряжение действия следует предпринять?»

– Желания. Цели мои и моего окружения. К чему стремится оппонент и его окружение? Каков возможный ход действий по формированию интереса, устраивающего оппонента?

– Препятствия. Что мешает мне и моим сторонникам достичь цели в данной ситуации? Что мешает оппоненту и его сторонникам достичь цели в данной ситуации?

– Временные рамки.

– Ресурсы. Какие ресурсы можно подключить для урегулирования конфликтной ситуации?

Нами был проведен эксперимент, целью которого ставилось определить эффективность данной техники в правоохранительной деятельности. В исследованиях принимало участие 14 слушателей, которым предложили принять участие в дискуссии, в рамках которой возникла конфликтная ситуация. Группа спонтанно разделилась на три команды, две из которых заняли активное противостояние, а в третьей старались примирить

расходящиеся позиции оппонентов. Участникам дискуссии было предложено найти выход из создавшейся ситуации. Однако результативность такого поиска была крайне низкой.

Для оптимизации поисковой активности участникам было предложено посмотреть на возникшую проблему через призму данной техники, проанализировать варианты решения спора, а также ее эффективность.

Десять слушателей (72%) отметили высокую эффективность данной техники при урегулировании конфликта. Два слушателя (14%) не сделали никаких попыток в выполнении задания, сославшись на отсутствие четко продуманного сценария своего поведения и оценили ее эффективность как нулевую. Два испытуемых (14%) отметили ее эффективность для отдельных ситуаций, так как ее применение требует определенных временных затрат.

Моделирование, в данном случае, основывалось на реконструкции ситуации и проигрывании до 10 сценариев, позволяющих более полно и детально сконцентрироваться на ее решении. Оно способствовало сотрудникам милиции учитывать не только внешние факторы (материальные и технические), но психологические (квалификацию и профессионализм, мотивацию сотрудников ОВД и расстановку кадров).

Моделирование в правоохранительной деятельности становится одним из ключевых методов, способствующих поиску конструктивных вариантов в решении сложных профессиональных задач.

1. Штофф, В.А. Моделирование и философия. / В.А. Штофф. М., 1966.
2. Лукашевич, В.К. Модели и метод моделирования в человеческой деятельности. / В.К. Лукашевич. Минск, 1983.
3. Неуймин, Я.Г. Модели в науке и технике: история, теория и практика. / Я.Г. Неуймин. Л., 1984.
4. Пономарев, Я.А. Психика и интуиция. / Я.А. Пономарев. М., 1967. С.50.
5. Словарь по кибернетике. /Под ред. В.С. Михалевича. 2-е изд. Киев, 1989. С. 373.
6. Умов, Н.А. Соч./ Н.А. Умов. М., 1916. Т.3. С. 225.
7. Волчецкая, Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: Учебное пособие / Т.С. Волчецкая. Калинингр. ун-т. Калининград, 1997. 95 с.

8. Ситников, В.И. Проблема отражения сущности в идеальных моделях./ В.И. Ситников : Автореф. ... дис. канд. филос. наук. Новосибирск, 1987. С.9
9. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 380
10. Современный психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб. : ПРАЙМ-ЕВРО-ЗНАК, 2006. С. 226.
11. Баев, О.Я., Баева, Н.Б. Реальные следственные ситуации и их модели. / О.Я. Баев, Н.Б. Баева // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. С. 56.
12. Ключков, В.В., Образцов, В.А. Преступление как объект криминалистического познания. / В. Ключков, В.А. Образцов. // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 42. С. 44.
13. Образцов, В.А., Образцов, М.В. О соотношении и взаимосвязи криминалистических программ и моделей./ В.А. Образцов, М.В. Образцов. // Теоретические и практические проблемы программирования процесса расследования преступлений. – Свердловск, 1989. С. 21 – 26.
14. Сорокотягин, И.Н. Роль психологических и других специальных познаний в планировании предварительного следствия / И.Н. Сорокотягин. // Версии и планирование расследования. Свердловск, 1985. С. 10.
15. Кудрявцев, В.Н. Взаимосвязь элементов преступления./ В.Н. Кудрявцев. // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 25. С. 12.
16. Ротенберг, В. «Образ я» и поведение. / В. Ротенберг. http://www.rjews.net/v_rotenberg/3.htm.

Пергаменщик Л.А.
Институт психологии БГПУ, профессор
кафедры социальной и семейной
психологии, доктор психологических
наук, профессор
leonpergam@gmail.com

Pergamenchtchik Leonid
Institute of Psychology BSPU, Professor of the
Department of Social and Family Psychology,
Doctor of Psychology, Professor

Пузыревич Н.Л.
Институт психологии БГПУ, заведующий
кафедрой социальной и семейной
психологии, кандидат психологических
наук
natasha.puzirevich@tut.by

Puzyrevich Natalia
Institute of Psychology BSPU, head of the
Department of Social and Family Psychology,
Candidate of Psychological Sciences

Мокрецова В.М.
Институт инклюзивного образования
БГПУ, заместитель директора по
воспитательной работе
newmova@mail.ru

Mokretsova Valentina
Institute of Inclusive Education BSPU, deputy
director for educational work

Воронович Ю.В.
Институт психологии БГПУ, аспирант
кафедры социальной и семейной
психологии
vitaubel@mail.ru

Voronovich Yuri
Institute of Psychology BSPU, post-graduate
student of the Department of Social and Family
Psychology

ПРОЦЕДУРА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОГРАММЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

PROCEDURE AND RESULTS OF THE STUDY ON THE PROGRAM OF EXPERTISE OF EXTREMIST DIRECTIONS TEXTS

Резюме: В статье представлены результаты исследования по программе экспертизы текстов экстремальной направленности. В качестве методов экспертизы текстов экстремистской направленности использовались: интен-анализ, контент-анализ и качественный анализ текста по С. Квале. По результатам проведенного психологического анализа смыслового содержания текстов было сделано заключение: данные тексты могут быть квалифицированы как «экстремистская пропаганда».

Abstract: The article presents the results of a study on the program of examination of texts of extreme directivity. As methods of examination of extremist texts, we used: content analysis, content analysis and qualitative analysis of the text by S. Kvale. Based on the results of the psychological analysis of the semantic contents of the texts, it was concluded that these texts can be qualified as «extremist propaganda».

Ключевые слова: экспертиза, экстремистская направленность, методы экспертизы, интен-анализ, контент-анализ, качественный анализ текста.

Key words: expertise, extremist orientation, methods of examination, intent-analysis, content-analysis, qualitative analysis of the text.

Проблема вербального экстремизма в психологии и лингвистике представлена на основе анализа речевой агрессии, которая определяется как использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство.

В правовом аспекте, согласно Закону Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г. № 203-3, в основе вербального экстремизма лежат выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Для подготовки экспертного заключения важным является понятие «направленность речевого действия», которая определяется «способностью текста сформировать в сознании слушателей определенный мыслительный результат путем оказания морально-психического воздействия на сознание слушателей. Ключевая проблема, которую обязан решить эксперт, заключается в определении меры (потенциала) воздействия содержания текста на сознание слушателей. Направленность речевого действия на негативные последствия определяется путем исследования содержания рассуждений, реализуемого в одной из возможных комбинаций логической схемы: «тезис – обоснование тезиса – вывод». Результативность анализа данной схемы достигается путем использования широкого спектра методов междисциплинарного характера, прежде всего лингвистического и психологического экспертного анализа.

В статье представлены результаты проведенного исследования по программе экспертизы текстов экстремистской направленности. Для проведения экспертизы были выбраны 2 текста: 1) «Твой выбор»; 2) «Репрессии против журналистов начинают играть против Минска». В качестве методов экспертизы текстов экстремистской направленности использовались: интент-анализ, контент-анализ и качественный анализ текста по С. Квале.

Установлены следующие признаки экстремистской направленности:

1) Отрицательная авторская эмоциональная оценка объекта повествования (нации, расы, религии, социальной группы): Перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую социальную группу; Приписывание всем представителям данных групп, стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой; Утверждения об исконном превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других; Приписывание враждебных действий и намерений; Утверждения о противоположности или несовместимости интересов разных социальных групп;

2) Формирование негативной установки по отношению к этому объекту у читателя: Утверждения о наличии тайных планов, заговоров; Объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных социальных групп;

3) Подстрекательство читателя к действиям, направленным против объекта повествования или к противоправным действиям: Наличие в тексте призыва к запрещенным действиям, т.е. противоправным; Поощрение геноцида, репрессий, депортации в отношении представителей какой-либо социальной группы; Требования вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной социальной группы; Требования ограничить права и свободы граждан или установить привилегии по национальному, расовому или религиозному признаку; Угроза совершения насильственных действий в отношении лиц определенной социальной группы;

4) Степень призывности текста (стадия речевого убеждения): Стадия 1. Информационная. Ее задача привлечения внимания читателя к проблеме констатации фактов (информированию), когда текст еще не приобретает отрицательного эмоционального заряда, читатель только вникает в ситуацию, не видя в ней существенной для себя проблемы; Стадия 2. Возбуждения. Ее задача – создать личную негативную установку у читателя. В тексте уже

вырисовывается негативный образ объекта описания, а у читателя в отношении к нему формируется личная негативная установка; Стадия 3. Побуждения – возникновение желания действовать, когда перед читателем рисуется ясная, красочная и привлекательная программа действий, на стадии побуждения читатель уже слышит призыв действовать и (самое главное) видит методы действия;

5) Коммуникативная направленность текста, его воздействие на сознание реципиента: Наличие в тексте формулировки главной мысли и задачи; Наличие композиции (стадия речевого убеждения); Наличие аргументативного аппарата, т.е. автор стремится доказать читателю что-либо, привести его к некому убеждению. Даже если аргументация выстроена неэффективно, то уже сама попытка систематизировать аргументы будет доказательством целенаправленности и осознанности действий автора; Наличие пропаганды, т.е. информация распространяется с помощью СМИ, содержит экстремистские идеи (противоправные) и имеет коммуникативную направленность на изменение сознания адресата речи (рассчитана на определенную аудиторию); Использование средств речевого воздействия (техника манипулирования);

6) Техника манипулирования и «разогрева», усиливающая влияние информации на читателя: Идентификационные приемы – использование в тексте личных местоимений «Я», «мы», «они». Данный прием используют для соединения в пространстве текста автора и читателя, что делает читателя более внимательным и восприимчивым к излагаемым темам; Игра на комплексах или инстинктах человека, использование тех образов, на которые человек реагирует однозначно и незамедлительно, то есть автоматически: родительские инстинкты; стремления к безопасности и усилению собственной значимости; Использование метафор – слов в переносном значении для описания объекта; Использование эпитетов – образные определения для характеристики объекта; Использование гиперболы – преувеличения при описании явления; Повторение центрального тезиса или призыва в тексте несколько раз; Использование нескольких фраз подряд, имеющих одинаковое начало (что оказывает

программирующее воздействие на сознание читателя); Эксплуатация личных качеств адресата, то есть их агрессивных мотивов, которые уже заложены в читателе, и недовольства, которое уже сформировано в обществе. Причем, в этом случае авторы действуют внешне ненавязчиво, создавая эффект самостоятельного принятия решения адресатом речи. На самом же деле реакция читателя предугадана соответствующей психологической мотивацией; Многовекторное воздействие, заключающееся в стремлении «атаковать» читателя (слушателя) сразу по нескольким позициям: предложении разных типов аргументов, апелляции к различным чувствам, провокации смены эмоций – от страха перед опасностью (например, засилье какой-либо нации) до надежды на избавление и радости предполагаемой победы.

Анализируемый текст «Твой выбор» начинается фразой: *«Мы ведем эту войну потому-что нет иного пути и нет иного способа жизни в мире, где страной руководят еврейские преступники, предатели и предприниматели, которые делают деньги на собственном народе»*. В этом отрывке мы выделяем три основных пункта, имеющих конкретное содержание и подлежащих интенциональной трактовке: «Выбор особого способа существования»; «Обозначение ключевых виновников ситуации»; «Выделение пострадавшей стороны». В первом случае интенция автора связана с подчеркиванием необходимости ведения войны, квалификация интенции – **противостояние**; во втором случае – **обвинение** («преступники, предатели»); в третьем – **исключительность** («мы»; «собственный народ»). В последующих фразах происходит подкрепление обозначенного содержания в соответствии с выделенными интенциями. Так автор использует понятия «сражение»; «борьба»; «свобода»; «арийское воплощение»; «солнечные души»; «сверхчеловек».

Далее по тексту на основании используемых автором конструкций становится возможным выделить такие интенции как: **разоблачение** («обогащение властной верхушки» «финансовые планы олигархов»; «им насрать на тебя»); **уничтожение** («ты просто вещь, раб»; «ты невыгоден,

тебя сочли неудобным»); **чувство вины** («в норме признать кого-то своим начальником и быть услужливым ему»; «ты ощущаешь вину, когда сделал что-то противозаконное»; «ты озабочен своей репутацией»); **побуждение** («вспомни»; «осознай и избавляйся»; «ты сможешь сделать это»; «задумал - сделал, захотел - взял!»; «времени мало!»); **критика** («отсутствие целей, неосознанное существование, страх перед трудностями и властимущими»; «люди думают, что они бессмертны»); **угроза** («ты нам мешаешь, мы будем уничтожать весь твой род!»); **национальная нетерпимость** («жиды»; «еврейские суки»; «взрывать синагоги»); **оскорбление** («дерьмо»; «скоты»; «тупые рыла»; «ёбанные пенсионеры»; «мусора»; «бухло»); **похвала** («наша воля несгибаема»; «ты один из первых»; «ты всегда прав»; «белый человек»; «славный потомок»); **отвод обвинений** («нам не нужна смена политического строя, нас не интересует смена декораций, нам нужны новые люди»).

Таким образом, по итогам анализа текста удалось выделить 13 основных интенций, отражающих экстремистскую направленность автора. Указанные интенции не составляют однородный ряд, а образуют своего рода структуру, которая включает в себя следующие значимые объекты:

- **Противник** («Они»): выражение его отрицательной оценки и формирование враждебного отношения к нему, благодаря таким интенциям, как: обвинение и разоблачение, угроза, национальная нетерпимость, оскорбление.

- **Говорящий** («Мы»): выражение одобрительной оценки и отвод обвинений в свой адрес, с помощью таких интенций как: противостояние, исключительность, отвод обвинений.

- **Третья сторона**: в отношении нее может быть высказана критика, уничтожение, чувство вины, в тоже время похвала, и на этой основе побуждение к действию.

Остановимся подробнее на выявленных закономерностях.

Категория 1. «Противопоставление и поляризация».

Данная категория характеризует те смысловые единицы текста, которые призваны *разделить в сознании читателя рассматриваемые автором группы людей на «положительные» и «отрицательные»*. В рамках данной интенции в потенциально экстремистском тексте автор стремится максимально поляризовать, развести рассматриваемые группы по разные стороны «добра и зла», выделить врагов, обозначить их отрицательные качества.

Описание категории:

Интегральный смысл условно можно озвучить в следующих положениях:

1. Для РБ существует лишь два вектора: сближение с Россией, либо русофобия.
2. Европа, Украина, «белорусские националисты», «маргинальные фигуры и издания», а также остальные республики бывшего СССР (близкие к идеям неонацизма), а на данный момент и белорусские власти – русофобны.
3. Русофобия грозит утратой стабильности в стране, свержением нынешней власти, а также гражданской войной.

Автор выделяет некую большую группу людей («Европа», «необандеровский Киев», «маргинальные фигуры и издания», государства бывшего СССР, «белорусские националисты, необандеровцы и неонацисты»), которая представлена «русофобами». И вторую группу – тех, кто разделяет «позицию Москвы», «Русский мир» и т.д. Об альтернативах и промежуточных вариантах не упоминается, группа «русофобов» характеризуется исключительно в негативном ключе. Сравнительный содержательный анализ с перечислением сильных и слабых сторон идей каждой из групп не предлагается, характеристика подается в «черно-белом» цвете. Даются оскорбительные эпитеты («необандеровец»), делаются обвинения в неонацизме без обоснований и подтверждающих фактов, что указывает на тенденциозность подачи информации и на ставку автора на некритичное восприятие его текста читателем.

Категория 2. «Возбуждение комплекса враждебности».

Данная категория характеризует те смысловые единицы текста, которые призваны возбудить в читателе переживание враждебности, негодования и неприятия по отношению к выделенной группе.

Описание категории:

Конденсированные из текста смыслы условно звучат следующим образом:

1. Остальные республики бывшего союза (кроме России) построены на русофобской, близкой к неонацизму, системе;
2. Принятие политики белорусизации – признак низкого политического самосознания граждан.
3. «Необандеровский Киев» – русофобен
4. Европа враждебна и русофобна

Интегральный смысл условно звучит следующим образом:

1. Белорусизация – признак и следствие низкого политического самосознания;
2. Европа, Киев и все страны бывшего союза враждебны, русофобны и в какой-то мере разделяют идеи неонацизма.

Автор без детального анализа и разъяснения конкретных ситуаций и действий использует оскорбительные эпитеты, чем стремится вызвать желаемое состояние враждебности читателя по отношению к выделенной социальной группе.

Категория 3. «Унижение национальной чести и достоинства».

Данная категория характеризует те смысловые единицы текста, которые передают намерение автора унижить честь и достоинство определенной социальной группы (в нашем случае: национальные честь и достоинство Белорусов)

Описание категории:

Конденсированные из текста смыслы звучат следующим образом:

1. Территориальные границы РБ искусственны (посыл: суверенитет сомнителен);

2. Сознательный и политически грамотный человек никогда не разделит идею белорусизации

Интегральный смысл может условно звучать следующим образом: «Концепция белорусской нации и суверенитета – сомнительна».

Предоставляя рассуждения других людей в собственной авторской подборке, составитель стремится поставить в сознании читателя под сомнение факт суверенности государственной территории Республики Беларусь, отмечая искусственность ее границ. Также, упоминая так называемую «ползучую белорусизацию», отмечается, что этот процесс рассчитан лишь на граждан с низким политическим сознанием. Первое намерение (сомнительность суверенитета Республики Беларусь), особенно поданное в одном смысловом контексте с попыткой утвердить процесс белорусизации, как «продукт для граждан с низким политическим самосознанием», выдает намерение автора текста унижить национальные честь и достоинство белорусского народа.

Категория 4. «Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности по признаку национальной принадлежности».

Данная категория характеризует те смысловые единицы текста, которые передают намерение автора транслировать идею о том, что некая национальная идея (в данном случае – белорусская) является неполноценной, тогда как другая (идея Русского мира) более совершенной, и поэтому, имеющей больше прав на существование.

Описание категории:

Конденсированные из текста смыслы звучат следующим образом:

1. Идеи Русского мира должны разделяться даже за пределами России;
2. Идеи «белорусизации» в Беларуси – удел политически неграмотных граждан;
3. Только сближение с Россией может спасти Беларусь от свержения власти;
4. Русофобия грозит гражданской войной;

Интегральный смысл может условно звучать следующим образом:

1. Идеи Русского мира должны разделяться также и в Беларуси, а идея «белорусизации» – удел политически неграмотных ее граждан;

2. Отказ от сближение с Россией грозит Беларуси свержением власти и гражданской войной.

Автор пытается внушить читателю, что «Русский мир» должен приниматься безоговорочно. Непринятием «Русского мира» грешат «необандеровцы» и «неофашисты», но, несмотря на то, что речь идет о территории Республики Беларусь, также делается заявление, что идеи белорусизации вредны и несостоятельны. Выход из того опасного положения Беларуси, которое отмечает автор (возможность свержения власти и гражданская война) предлагается лишь путем сближения и союза с Россией.

Автор не рассматривает альтернативных вариантов, кроме как «спасительное сближение с Россией» и «бестолковая и вредная белорусизация», что указывает на манипулятивный суггестивный стиль подачи информации с явными признаками пропаганды исключительности идеи «Русского мира» и неполноценности идеи «белорусизации».

Заключение по проведенной экспертизе статьи «Репрессии против журналистов начинают играть против Минска»:

По результатам проведенного психологического анализа смыслового содержания текста можно заключить следующее. Установлено, что в исследуемом тексте преследуются следующие намерения:

1. Обозначить и противопоставить две социальные группы: сторонников Москвы и «Русского мира» с одной стороны, «русофобов» – с другой (чрезмерно обширную группу). При этом исключить промежуточные варианты по критерию отношения к идее «Русского мира»;

2. Вызвать враждебность к выделенной группе «русофобов», обозначив их такими понятиями, как «необандеровцы», «неонацисты» и т.д.

3. Унизить честь и достоинство белорусского народа, путем озвучивания посыла о сомнительности концепции белорусской нации и суверенитета (идея нации предполагает территориальный суверенитет, культурную, языковую и

историческую самостоятельность и идентичность). Идея белорусизации, как право белорусского народа на культурную, языковую и историческую самоидентификацию обозначена как признак и следствие низкого политического самосознания белорусского народа, а также, как возможный источник его же сопротивления данной политике.

4. Пропагандировать идею принятия «Русского мира» и сближения с Россией, как исключительно совершенный и единственно верный путь, с помощью которого можно избежать свержения власти и гражданской войны в Республике Беларусь. Идея «Русского мира», таким образом, подается в качестве пропаганды национальной исключительности. При этом уже отмечена интенция обозначить идею белорусизации, которая воплощает право белорусской нации на национальное самоопределение, как вредную и бестолковую. Таким образом, ее подача осуществлена в ключе убеждения о ее неполноценности.

Следует сделать замечание, что подача информации в статье Юрия Баранчика «Репрессии против журналистов начинают играть против Минска» осуществляется в форме «обзора независимых мнений» и, по заявлению самого автора, не является частным мнением редакции. Тем не менее, подбор и подача автором даже «независимых мнений» осуществлены с рядом некоторых психологических особенностей, которые могут указывать скорее на его намерение произвести на читателя тот психологический эффект, который может быть квалифицирован как «экстремистская пропаганда», чем осуществить журналистский независимый обзор мнений. К таким особенностям можно отнести:

- выражено предвзятая подача информации;
- агрессивный стиль изложения с применением нелицеприятных определений;
- отсутствие четкой аргументации и обоснования наиболее громких заявлений;
- непредоставление развернутых альтернативных точек зрения;

- элементы внушения и стремление к некритичному восприятию читателем информации.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что исследуемый текст содержит элементы вербального экстремизма. Полученные данные обнаруживают, что в сознании человека, порождающего текст экстремистской направленности, присутствуют резко поляризованные и более нейтральные объекты: Противник – Я сам и мои сторонники – Третья сторона. Большая часть интенций связана с дискредитацией противника (обвинение, разоблачение) и нанесение по нему «вербальных ударов» (угроза, противостояние). Представлена также защита своей позиции («Я исключительный, сильный, бесстрашный»). Третья сторона носит жертвенный оттенок, и на этой основе у нее формируется установка к активным действиям.

С целью повышения объективности результатов анализа текста рекомендуется производить оценку текста 3-4 экспертам, которые смогут не только находить подобные интенции, но и оценивать их по степени выраженности: +1 – выражена; 0 – слабо; -1 – не выражена. В результате средний числовой показатель по каждой интенции позволит сделать более точные выводы по обнаружению экстремистской направленности текста.

УДК 159.99 (340)

Пергаменщик Л.А.
Институт психологии БГПУ, профессор
кафедры социальной и семейной
психологии, доктор психологических наук,
профессор
leonpergam@gmail.com

Pergamenchtchik Leonid
Institute of Psychology BSPU, Professor of the
Department of Social and Family Psychology,
Doctor of Psychology, Professor

Воронович Ю.В.
Институт психологии БГПУ, аспирант
кафедры социальной и семейной
психологии
vitautbel@mail.ru

Voronovich Yuri
Institute of Psychology BSPU, post-graduate
student of the Department of Social and Family
Psychology

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ВЕРБАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ

PSYCHOLOGICAL MARKERS OF VERBAL EXTREMISM IN INFORMATION MATERIALS

Резюме: проанализированы возможности представления системы интенций – маркеров вербального экстремизма для поиска адекватного психологического инструментария в целях установления элементов вербального экстремизма в информационных материалах.

Abstract: opportunities of presentation the system of intensions as markers of verbal extremism for search of adequate psychological tools for detection of elements of verbal extremism in information materials are analysed.

Ключевые слова: вербальный экстремизм, интенция, маркер, текст, информационные материалы, информационные продукты.

Keywords: verbal extremism, intension, marker, text, information materials, information products.

Пересмотр и усовершенствование процедур психологического анализа информационных материалов и информационных продуктов становится особенно актуальной проблемой в области судебной деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь. Особенная актуальность данной проблемы диктуется одновременно двумя группами факторов.

С одной стороны, это стремительный рост информатизации социального пространства общества, с другой – обострение на протяжении последних нескольких лет общественных и политических отношений в регионах, непосредственно примыкающих к государственным границам Республики Беларусь.

Помимо информационных материалов, содержание которых непосредственно направлено на реализацию намерения возбудить в читателе ненависть и вражду по отношению к определенным группам людей, а также готовность к непосредственным противозаконным действиям, также следует уделять внимание и тем информационным продуктам, содержание которых направлено на оскорбление базовых ценностей и принципов белорусского народа и государства. Такие информационные продукты могут не иметь намерения возбудить в читателе в ближайшей перспективе какие-либо противоправные побуждения либо крайне негативные установки в отношении тех или иных групп людей лишь в силу их принадлежности, например, к тем или иным национальностям или вероисповеданию. Однако могут быть выполнены в формате агрессивной риторики, направленной, например, на сознательную дискредитацию общенациональных ценностей народа Республики Беларусь. Проработка методологических и методических принципов работы с данной категорией информационных продуктов должна быть реализована в ближайшем будущем. Основная методологическая трудность в этом случае состоит в том, чтобы разработать такую модель, которая будет строго направлена на выявление подобных текстов, однако исключит возможные ошибки, когда альтернативное мнение может быть квалифицировано как неприемлемый для публикации текст. Последнее, безусловно, может быть квалифицировано как нарушение права на свободу слова, что недопустимо.

В процессе теоретического анализа было установлено, что текст может быть признан экстремистским лишь при условии наличия в нем экстремистского умысла. Данный умысел может быть реализован посредством частных интенций, которые относятся к общему намерению так же, как задачи относятся к цели.

Выявление в ходе первичного анализа текста отдельных описанных далее интенций с высокой долей вероятности указывает на наличие в нем элементов вербального экстремизма. Однако для окончательного психологического заключения на этот счет требуется соотнести отдельные выявленные интенции

между собой, а также с социальным контекстом и другими обстоятельствами, в которых был опубликован исследуемый текст.

В ходе теоретического анализа и имеющегося в мировой практике опыта работы с текстами экстремальной направленности мы предлагаем список интенций-маркеров, который позволит определить систему психологического инструментария для выявления элементов вербального экстремизма в прорабатываемых текстах.

Список интенций-маркеров можно условно разделить на две группы:

1. Специфические – те интенции, наличие которых в экстремистском тексте чаще всего является обязательным. Это значит, что всякий экстремистский текст будет их иметь, тогда как не всякий текст, имеющий их, будет экстремистским (однако некоторые из них при наличии однозначно указывают на экстремистскую направленность текста). В этом отношении они являются как бы необходимым психологическим условием реализации экстремистского намерения, его информационным средством. Можно условно утверждать, что отсутствие этих интенций с высокой долей вероятности будет указывать и на отсутствие элементов вербального экстремизма в тексте.

2. Неспецифические – те интенции, которые необязательно должны присутствовать в экстремистском тексте, равно как и наличие их в тексте не свидетельствует об экстремизме. Однако в случае наличия специфических интенций неспецифические направлены на обслуживание и усиление их эффекта. Их анализ может производиться исключительно в привязке к специфическим тенденциям в случае их обнаружения.

Таким образом, ни отдельное наличие большей части из специфических интенций, ни, тем более, наличие неспецифических само по себе не может указывать на экстремистскую направленность текста. Лишь на основании анализа их общей направленности с учетом социально-контекстуальных и других условий, в которых они были применены, можно делать подобный вывод. К *специфическим интенциям* экстремистского текста можно отнести следующие:

1. Предложение читателю программы действий экстремистского характера (исходя из определения экстремизма). Выражается в намерении автора предоставить публике некую программу действий экстремистского характера, которую потенциальная публика имеет возможность самостоятельно реализовать.

2. Стремление автора преодолеть неопределенность в сознании читателя относительно необходимости принятия предлагаемой модели поведения и, как следствие, ее реализации. При наличии интенции из первого пункта, но при отсутствии второй, пусть даже в тексте явно экстремистского характера, без стремления мотивировать аудиторию к реализации предложенной программы, текст далеко не всегда может быть признан экстремистским. Приемы побуждения могут быть предельно тонкими, не связанными с открытыми призывами действовать в соответствии с предложенной инструкцией.

3. Интенция «противопоставления» – выделение определенной группы людей в качестве объекта рассмотрения, противопоставление «объекта» другим группам. Таким образом, более полное ее название: «интенция противопоставления одних групп людей другим». Данное намерение направлено на то, чтобы развести в восприятии читателя общество по выделенному социальному, либо другому, признаку, разделить на «своих» и «чужих», подготовить сознание аудитории к конфронтации. Этот прием будет предварять следующий шаг, который выражен в другой интенции, либо использоваться одновременно с ним.

4. Интенция «возбудить комплекс враждебности» направлена на создание у читателя эмоционального состояния возбуждения и негодования. При этом, возбуждение и негодование может создаваться с привлечением объектов, не связанных с целевым, а выработанная агрессия может быть искусственным образом перенаправлена на требуемый объект.

5. Интенция «направить враждебности» на объект. В ходе реализации данного намерения автор стремится связать негативные переживания целевой аудитории с целевой социальной группой людей, представляемых чаще всего в

качестве врагов. При этом приемы привязывания комплекса враждебности могут значительным образом отличаться друг от друга: от открытого возбуждения ненависти за конкретные проступки тех или иных представителей выбранной социальной группы, до тонкой психологической манипуляции.

6. Интенция «навязать идеологию» выражается в намерении убедить читателя в необходимости принятия тех или иных убеждений. Нередко в качестве частных приемов в рамках данной интенции используется подмена фактов, ложь, тенденциозная подача информации и пр., что почти всегда указывает на сознательный характер такой деятельности. Одновременное наличие в тексте данной интенции вместе с описанием ценностей той или иной идеологии может дать основание для квалификации текста в качестве экстремистского. Наличие же одного лишь описания ценностей какой-либо идеологии, пусть даже всеобщее квалифицированной в качестве «фашистской», однако без наличия данной интенции, не может быть достаточным для отнесения текста к разряду экстремистских. Во втором случае автор может преследовать какой-либо иной мотив: тематический обзор и анализ различных идеологий, историческая реконструкция, выставление некой идеологии в ироническом свете и т.д.

Описанные выше шесть видов специфических интенций почти полностью покрывают все три вида «элементов вербального экстремизма»: призывы и провокация; пропаганда исключительности/неполноценности; пропаганда «ценностей». Это значит, что при действительном наличии в тексте элементов вербального экстремизма, одна или более из специфических интенций в обязательном порядке будут выявлены.

Далее предложен список «неспецифических», или дополнительных интенций, которые направлены на обслуживание специфических, или основных. Однако еще более точным будет сказать, что речь идет об одной и той же интенции, реализуемой посредством различных приемов.

1. Интенция «создать ложный образ» реализуется посредством возведения спорных утверждений относительно «объекта» в ранг неопровержимых истин.

Стратегия нередко применяется по отношению к заведомо слабо информированной и неподготовленной аудитории, которая не имеет достаточных ресурсов для того, чтобы проверить данную информацию. Для подачи такой информации могут применяться приемы суггестии, снижения критичности, формирования доверия по отношению к источнику информации.

2. Та же интенция – «создать ложный образ», однако, путем возведения малозначительных и не имеющих отношения к делу качеств рассматриваемого объекта в ранг фундаментальных, сущностных, на основании которых автор пытается сформировать ярко негативное отношение читателя к целевой социальной группе жертв. Например: «негры плохо пахнут, поэтому они являются низшей расой». Данный прием наиболее удачен в отношении тех групп читателей, которые уже имеют высокий уровень психологической готовности к принятию такой позиции по отношению к целевой группе жертв. Обычно этому способствует уже имеющийся обостренный конфликт. Именно в этом случае особенное значение имеет анализ социального контекста, в котором происходит коммуникация между автором и читателем, а также между автором, читателем и потенциальными жертвами. Из данного контекста можно с высокой точностью определить, в каких отношениях находятся читатель и целевая группа жертв, что позволит определить истинное намерение автора текста в отношении этих двух групп людей.

3. Та же интенция «создать ложный образ» путем одностороннего рассмотрения объекта. В этом случае объект рассматривается предвзято, игнорируются все его качества, которые не способствуют намерению очернить его. На первый и единственный план выносятся его слабые стороны и подаются как единственные характеристики объекта, определяющие его сущностную природу.

4. «Создать ложный образ» посредством высказывания громких подозрений или обвинений в отношении объекта. Даже в случае, когда сам автор предупреждает, что «информация не проверена», из-за громкости и возмутительности подозрений у читателя возникает сильная психологическая

ассоциация образа объекта с высказанным подозрением. Данная связь остается устойчивой и ассоциация не пропадает даже после того, когда читатель получает опровержение услышанному обвинению. Таким образом формируется подсознательная негативная установка к объекту.

Можно предположить, что неспецифическая интенция «создать ложный образ» в форме различных описанных и не описанных здесь приемов используется для обслуживания таких специфических интенций, как: «возбудить комплекс враждебности», а также «направить враждебность».

Таким образом, мы делаем вывод о существовании специфических и неспецифических интенций, которые могут косвенно указывать на наличие элементов вербального экстремизма в тексте. Однако наличие специфических интенций в рассматриваемом тексте еще не гарантирует его экстремистскую направленность, тогда как в действительно экстремистском тексте в обязательном порядке будет содержаться хотя бы одно, или несколько специфических намерений. Неспецифические интенции, в свою очередь, лишь обслуживают основные (специфические) намерения. Их наличие в тексте с меньшей вероятностью указывает на его экстремистскую направленность. Целостный же анализ текста посредством выявления интенций-маркеров возможен лишь при выявлении ведущего экстремистского умысла, обслуживаемого соподчиненными интенциями, который будет согласован с общим социальным контекстом и другими условиями и обстоятельствами, в рамках которых автор текста коммуницирует с читателем.

Выделенные интенции-маркеры позволили наметить и апробировать базовый психологический инструментарий для выявления в текстах элементов экстремистской направленности.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЕБНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Амит Юри

Reflections on Forensic Psychotherapy

Amit Uri

Dr. Amit is an affiliate of the Object Relations Institute in New York City, New York, a psychology faculty member at Rutgers University in New Jersey, a senior clinician at a forensic unit on the eastern seaboard, a former chief psychologist at a New England (USA) forensic unit, and is a private practitioner. He is a diplomate of the American College of Forensic Examiners and a Certified Group Psychotherapist by the American Group Psychotherapy Association.

A Porous Professional Veneer

«There but by the grace of G-d go I» is a proverb attributed to Edward Bickersteth (1822) who modified the original saying credited to John Bradford (1510-1555). Bradford was an English preacher and a proponent of the English Reformation who, upon seeing criminals led to the gallows, used to utter «There but by the grace of G-d goes John Bradford» A forceful pronouncement that the others' misfortune could be one's own were it not for divine intervention or for one's luck.

With this embedded deep in my mind, I have functioned in various capacities in forensic mental health for over three decades. From a psychotherapist to a risk evaluator to a chairperson of a risk assessment committee to a court «expert» and finally back to providing psychotherapy to men with a history of repetitive sexual offending and a list of many other criminal behaviors. Of all the functions, I cherish most my first and last posts for they afforded me the opportunities to encounter convicted criminals for several thousands of hours. During these hours, I grew to realize the accuracy of the Latin proverb *Homo homini lupus est; a man is a wolf to another man*, as well as Erasmus' (1466-1536) advice in his *Adagiato* to be as wary of an unknown person as of a wolf. In later years, Freud elaborated on this axiom in his *Civilization and its Discontents* (1930). He asserted that:

Men are not gentle creatures, who want to be loved...on the contrary, [they are] creatures among whose instinctual endowments is to be reckoned a powerful share of aggressiveness. As a result, their neighbor is...someone who tempts them to satisfy their aggressiveness on him, to exploit his capacity for work without compensation, to use him sexually without his consent, to seize his possessions, to humiliate him, to cause him pain, to torture and to kill him.

Years later, Melanie Klein (1882-1960), based on her clinical experiences and acumen, noted that we are born greedy, envious, jealous, with a penchant for sadism and sadistic behavior such as nipple-biting in infancy, and paranoid. Her contemporaries and others who followed supported her observations with their own. Thus, my logic continues, criminals and crime are as much a part of nature as are the forests' trees, the animals walking the earth, and the occupants of the seas and oceans. My view on human nature is not affected only by the social sciences and the humanities. I also consider the roles played by neurophysiological glitches (genetics and hormonal imbalances) and society itself, and indeed I keep in mind that not all who present evidence of biological irregularities and histories of unforgivingsurroundings go on to become lawbreakers. Tersely stated, there are no virtuous people, not even the seemingly sweet and innocent baby who just emerged from its mother's womb.

I wish not to paint myself as one who never forgot the words uttered by Bradford and later modified by Bickersteth. To the contrary, my clinical veneer cracked on more occasions than I dreamed on while in training. Not once in my mind's solitude did I say to a criminal «You are one son-of-a-bitch deserving worse than the punishment you received». I own my humanness and the embedded foibles and innate capacities. One of these innate givens is to extend an apology to others against whom I verbally aggressed, lawbreakers included. All have been guides in my Tao (pronounced Dao).

What follows are three accounts of the many exchanges I had with men considered sexually dangerous. They are presented to depict the role the adage

assumed in my life as a psychotherapist, much like the white stick used by the blind to avoid collisions with inanimate obstacles and remain considerate of others. The first and third exchanges occurred in a group setting. The names are fictitious.

Joseph

When I first met Joseph in group psychotherapy, he was a man in his early fifties. Fifteen or more of these years he spent in prison for having sexual contacts with several underage females. He has no other known criminal behaviors. He only attended school for nine years and was a factory worker.

To describe the evolving process from thoughts and feelings to offending, I often use the board in the room to draw the elements that are believed to promote criminal behaviors. For Joseph, understanding of abstractions did not come quickly for English was not his native tongue. With time, I grew progressively more frustrated with him for not understanding the explanations I provided. Before not too long, I realized that my interactions with Joseph paralleled some interactions I had with my late father, whose native language was Russian, about the work I do and its usefulness to others. My father had tough time understanding how the tools I used, words, might help others. The tools he used helped to turn wood into meticulously made customized furniture. He was a master with his hands as well as with analogies and metaphors.

This ah-ah experience occurred while using the board on one occasion to explain (the more senses involved, the more natural is the learning process) how one can self-regulate and avoid perpetrating an assault. I immediately looked at Joseph and saw a perplexed look on his face. I said to him, "I will explain it again, but I want to first apologize to you for being impatient with you a few times before." Joseph looked at me silently. While rewording the presentation, I kept eye-contact with Joseph and asked him twice or thrice if the explanation was sufficiently clear?

Sometime later and when I no longer worked with him, Joseph approached me on my way out of the institution and said, «You know, nobody ever apologized to me». «I was wrong» I replied. Joseph was released not much longer after that. The last

I heard, he was residing with his family, working and doing his art, a master of constructing small boats and houses models from popsicle sticks.

English is not my native language either. I seem to have forgotten how dense I felt during my first year at an American university where the southern drawl clouded the spoken English, and the linguistic nuances were typical to the region about which I knew nothing. I seem to have also forgotten that on one occasion my father wondered aloud about my ability to verbally assist others when I cannot see my shortcomings?

Jack

At about age twenty-seven, slender, boyish-looking and standing 5'7" (167.5 centimeters) with dark eyes, Jack was imprisoned for castrating a male hustler and murdering him. Born to an upper-class family known for their business in precious metals and diamonds, Jack was raised in the Catholic faith and attended schools in an upper-class section of the city where he lived. He became aware of his sexual attraction to boys at around age six. He dropped out of college in his third year and pursued a car salesman career at a large car dealership where, in time, he was promoted to a sales manager position. According to Jack, his life revolved around making money to afford expensive clothes and jewelry, luxurious cars and high-end mind-altering drugs. He spent his evenings in gay bars and nights at his luxury city apartment with young male hustlers.

Jack was a patient in a group therapy that I conducted for nearly twelve years. During the last two years, I also met with him twice weekly for psychoanalytically informed individual psychotherapy; at about this time I began my psychoanalytical training. In group psychotherapy, he functioned mostly as a manager and a consultant to others thus keeping himself far from us all. During the one-on-one sessions, he was a chatterbox-like reporting on institutional events, on his managerial job at the inmates' large storage-room as well as on the job he held before in the prison's maintenance crew. Periodically, he reported on life as a child growing up in a cold Germanic home, and on his lonesome adolescent years. He managed rather well to keep me at an arm-length. I failed to satisfy my curiosity about the child within the

man with the sparkless teal colored eyes whose rage was encased by a thick intellectual shell.

My initial encounter with Jack was in a group psychotherapy in an old prison. After about three years there, the population and staff relocated to a new one. In the former prison, my office was a cell among nineteen other cells occupied by prisoners on the prison's second floor. On one spring morning, I struggled to open my office door with a key large enough to be used as a weapon. Serendipitously, Jack came by and asked, «Hey Doc., can I give you a hand?» Finishing up a two-year post-doctoral residency in clinical psychology only a few months earlier and doubting my aptitude, I replied in jest (so I thought), «No, thank you. I am straight [heterosexual]». Jack giggled and left.

During the time that the exchange between Jack and I occurred, homosexuality was still frowned upon. Gays were considered depraved, and I responded in that spirit. I negatively rejected an offer to assist me. I seemed to have forgotten two experiences I once had in North Carolina. Once when I felt I was looked upon with consternation for I wore a *yarmulke* (a skullcap worn by some Jews) at that time. The second time during a country run with a Protestant clergyman who, by the way, asked my origin and quickly added to my reply «I have a Jewish friend». It looks like it mattered then that I am a Jew. It mattered to me that Jack is gay and know he castrated and murdered another man. I failed to see the person Jack is like the others who were unable to see me beyond my Jewness. I saw a jarring category and was myself classified as a sociological irregularity.

During my last individual session, with moist eyes and shaky voice Jack said to me, «I never had a twelve-year relationship with anyone. All my relationships were short, sex and drugs. Thank you Doc». He left the office hurriedly. I saw Jack in passing during my remaining four years in this prison. Not once did he fail to say, with a hand wave and a smile on his chiseled face, «Hi Doc». Twenty plus years passed by since I last saw Jack and I still think of him at times and wonder about the fate of this lonely child who grew up in a cold Germanic home.

Maurice

He was about twenty-six years old when first incarcerated for sexually assaulting several women. I first met Maurice in a group of intellectually challenged men incogitant of each other. He was about fifty-five years old at that time. A bold, 6'5" tall man (192 centimeters) with a sizeable bulging stomach and a graceless walk. I often wondered, much to my amusement, how soon will it be before the plastic chair on which he sat would give in to his weighty size.

Maurice's volitional participation in the group varied from none to rare during many months. And when giving voice to his thoughts, he would only look at me as though we were alone in the room. His deliveries were predominantly complaints about the institutional food, of stomach distress and recurrent episodes of diarrhea, and of poor medical and ophthalmological services. He hung onto to the injustices for weeks on end. For example, in one instance he complained for nearly a month about a roasted chicken that, he believed was stolen from his cell by another inmate, aided by a correctional officer (e.g., guard). I never challenged Maurice's perceptions; I agreed with him that the medical/ophthalmological services were slow to respond to the population's needs. I also concurred his discernment that correction officers tend to favor some inmates over others. When finally unable to stomach his complaining, I confessed to my inability to order others to behave in a manner befitting his needs. My admission of powerlessness incited a verbal salvo of complaints about the state's «[expletive] judicial system» that kept him behind bars for some twenty-five years for «just» pushing several women. I was also a target during this bombardment; «You are an idiot» he said to me. I replied: «I agree, and I have certificates to prove it». Silence ensued. Maurice was at a loss. He seemed cheery during subsequent sessions. Finally, in contrast to his history of ridicule by his surroundings and of dominance by his mother, someone submitted to the power of his words, to the man whose vocabulary was limited and whose general capacity to self-express grossly underdeveloped.

My reply was not a gracefully executed psychological response. I lost my professional poise to a verbal barrage launched by an intellectually limited man with

a protracted history of polysubstance abuse that had exacerbated his already compromised executive functioning. I lost my temper with an oversized sulking child. Later in my office reflecting on this incident, I realized that Maurice mirrored my infuriation with two facilities managers I had the chance to meet with and who, to my mind, stood in my way to practice my art. Not once did I share with colleagues and friends my discontent with the «imbeciles» managing these facilities. «There [indeed] but by the grace of G-d go I».

In Retrospect

Some may recognize the preceding as an acknowledgment of my blind spots, of my counter-transference. Others may interpret it as a clinician's confessions and expressions of regret. Neither is erroneous, I would agree with both views. Perhaps others will share my belief that living is not without regrets. Few may also share my opinion that it is not a therapist who makes a person, but it is a person who makes a therapist.

I am far from a bleeding-heart. I, too, am a proponent of forced containment for a few, a must for many, and mandatory life-long for the exceedingly cruel others. Nevertheless, no matter how heinous criminal acts are, criminals remain people. Those who come in daily contact with them are the beacons of lights in their netherworld. At moments in time, veiled but likable features can be also detected in all criminals. At moments in time, the beacons' lights may go out.

Administrative Consideration

Regardless of how clumsy or not I have been when with imprisoned sexual offenders, more often than not I have had the feeling of sitting with men who fear life, feel divorced from self and others, and in general live life adrift. Most all seem to have had chaotic childhoods. Most all held menial jobs and some were unemployed.

Many of them had numerous short-lived relationships based on sex, drugs, and alcohol. The offenders that I came across and have encountered welcomed any adrenaline-pumping activity for the anxiety associated with the unbearable heaviness of living required discharging. I submit to you that the weight of life's intolerability commenced in their infancy and will be experienced over and over again by

current children and others who will be born into similar circumstances. Can the vicious circle of fashioning victimizers and victims come to an end, I ask? No. Can the intensity of cruelty be lessened? Yes, provided the early signs of psychological imbalance such as cruelty to animals, continued enuresis and encopresis after ages three-to-four, fire setting, fighting, stealing, lying and so on are promptly addressed.

Years before me, biopsychosocial research has already attended expansively to the correlation between early signs of behavioral disturbances and criminal behavior. I am also inclined to believe that governments around the world have been inundated with proposals to mitigate the escalation of behavioral and manifested psychological disorders. I also accept that criminal behaviors would never be extinguished, it is part of nature.

In my thinking, clinical services provided with poise are the foundation for perhaps lessening the intensity of antisocial behaviors for most, and support the process of adaptation of some to the law of the land. It is not less about how food is served than how flavorful it is. Even if not as delectable as hoped for, a graciously served bowl of *Borsch* may taste good enough as will *Draniki* in a traditional crockery dish or *Vereshchaka*. It seems to me it is the government's and its administrative designees' responsibility to ensure humane service provision.

I am acquainted with arguments about cost, but do not find them compelling enough. Here is why:

1. Would it not be cheaper to intervene at a very young age and as early signs begin to emerge than later when legal involvement and incarceration are required? For the literary aficionado, I offer a saying attributed to Shakespeare (1564-1616), «Better three hours too soon than a minute too late». To the skeptics, I submit for review a research brief by the Rand Corporation at https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB5014/index1.html
2. Would it not be more economical to intervene while a person is still in the community than when incarcerated?
3. Is there evidence to suggest that early interventions promote the use of mind-altering drugs? I would gladly learn of any.

4. Is there any evidence that early interventions promote and intensify physical and/or verbal violence? I would gladly learn of any.

There are more than just economic arguments. There is a moral argument, for morality is society's backbone. Plainly said, a gentle provision of clinical services to children at risk at an early age may save a person from existing in life rather than live it creatively. A kind but firmly offered mental health services, in prisons as well, may thwart a person from relapsing into criminality and, instead, encourage him/her to create personal meaning. *Potius sero quam nunquam* (Better late than never). Success rates neither need be nor can be perfect, that is, one hundred percent (100%). The American psychologist and free-spirited Catholic priest Eugene Kennedy (1928-2015) said the following about perfection:

There would be no need for love if perfection were possible. Love arises from our imperfection, from our being different and always in need of the forgiveness, encouragement and that missing half of ourselves that we are searching for, as the Greek myth tells us, in order to complete ourselves.

Perfection is unattainable, but the quest for it inspires excellence.

A Civilizing Service Provision

I was neither born nor raised to be a forensic clinical psychologist or psychotherapist, let alone to work with sexual offenders. My curiosity about the ways people and animals behave began early in childhood. By the time I reached adolescence, I had learned about self-introspection and had given up searching for causes of behaviors. I settled for «it is what it is». Undergraduate and post-graduate education did little to help me in my internal journey for the emphasis was on passing exams, showing virtuosity in high-level statistics and verbosity, and all in all demonstrating scholarship and the potential to publish, all before the appearance of computers. Pens, notebooks, worn-out library books and periodicals with torn pages were allegedly my aids to attaining knowledge.

My right education began during my two-year postdoctoral residency in clinical psychology at a humanistically oriented private psychiatric hospital where medications were last on the treatment menu. There, a late and cherished mentor

taught me and others not how to cure patients, but how not to hurt them. Another unforgotten mentor at that time and for the next eight years helped me to recognize the usefulness of literature in seeing people, as well as resuscitated my childhood fondness for Sufi tales and Zen anecdotes. Under the tutelage of an additional remarkable mentor during my first five years that followed the postdoctoral period, I was reminded to join patients rather than perform psychoectomy on some mysterious bacteria linked with mental imbalance for there is none. After a three-year hiatus, my inner journey continued on the couch, four-times weekly for years with the support of a psychoanalyst who “brought out the depth of human language in me” (Rizzuto, 1979). I still secure an hour a week for consultation about my work.

Psychotherapy is an egalitarian relationship. It is not about the therapist's brilliance and interpretative virtuosity. To tell patients what they need or should do, or continuously interpret what they say is infantilizing, distancing, undermining self-explorations and act as catalysts for early termination. Psychotherapy, in any setting and modality, is effective when therapists show genuine interest in the feelings expressed by patients when talking about their relationships and gently amplify them. Feeling safe enough in therapy stimulates patients to return to be with the therapist. Eventually, it is the I-thou relationship that promotes self-examination and acceptance and, in turn, may also embolden the person to change.

In psychoanalysis, the stance assumed by the analyst is not unlike in psychotherapy. There, too, it is eventually the I-thou relationship between analyst and analysand that encourages self-acceptance and energizes the latter to change. In the long run, in either mode of treatment, it takes courage to abandon the old and familiar and adopt the new and unfamiliar.

About both, Rollo May (1909-1994) said the following, «Psychoanalysis – and any good therapy – is a method of increasing one's awareness of destiny in order to increase one's experience of freedom».

The changes I have observed in convicted criminals have not been due to my clinical wonderfulness. It has been, in part, a result of attending to the criminals' need for respect and validation despite their conscious and unconscious ploys to

manipulate me, consciously and otherwise, into disliking them thus justifying their childhood belief that not even one person is trustworthy. There have been times beyond count that criminals have said to me, «I do not trust you. You are part of the system», I have always agreed. In their shoes, I would not trust me either.

Treatment Formats

Of the treatment formats available, I prefer a group, family, and multifamily therapy over individual psychotherapy, whether in prison or a hospital or in a community clinic. Family and multifamily therapy are particularly compelling ways to inspire change. The participants also include children of all ages who, after a couple of sessions, muster the courage to tell how they experience living in a home where alcoholism, verbal and physical violence, bullying and ridicule are ways of life. In these forums, parents cannot avoid but learn about their impact on their children. In sessions without children, parents are gently given to understand that dysfunctionality impedes their children's cognitive and emotional development. Post-incarceration community programs involving families are also in order if not a must; they tend to ease the reunification process and reduce the rate of return to criminal behaviors.

To implement efficient hospitals and community programs does not require a significant financial investment. These clinical modalities are money savers, much unlike the expenditures for short or long term hospitalizations and incarcerations. The financial outlay is limited to the ongoing training of clinicians, as well as to affording them space to meet for one hour a week during work-hours without supervisors in groups of no larger than eight to exhaust their frustrations. Quarterly personal meetings between high-level government administrators and clinicians may further inspire the front-liners to offer credible clinical services. Front-line clinicians like to feel acknowledged by the higher ups and certainly by the chieftains. In turn, higher ups will earn the clinicians' respect and trust, a vibrant *quid pro quo*.

Lastly

To fellow clinicians in the various settings and in the medicolegal ones, in particular, I would like to say that your humaneness is a crucial balancing factor for

those who live in constant distress. Exposing humaneness is not a weakness, but a strength.

To fellow administrators in forensic centers and mental hospitals, I would like to say that your humaneness would propel the clinicians to excellence. Together, you may be able to reduce the reoffending rate and alleviate the sufferers' sorrows.

To do good by others, remembering our good fortune may be a truism worth upholding.

My best to you.

УДК 159.923 : 351.74(477)

Матиенко Татьяна Васильевна

Одесский государственный университет
внутренних дел, профессор кафедры
психологии и педагогики, кандидат
юридических наук, доцент

Украина, г. Одесса, ул. Успенская 1

Matienkotatyana08@gmail.com

Matienko Tetyana

Professor at the Department of Psychology
and Pedagogy, Odessa state university of
internal affairs Ph.D. in legal sciences, docent

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE POLICE OFFICERS' COMMUNICATIVE SPHERE

Резюме: В условиях реформирования органов внутренних дел, важным направлением работы остается определение психологических особенностей профессиональной деятельности сотрудников полиции. Сотруднику правоохранительных органов необходимо постоянно совершенствовать свои коммуникативные навыки и культуру общения. Знание особенностей, средств и приемов общения, умение планировать, организовывать и осуществлять профессиональное общение, учитывая особенности социального восприятия и понимание человека человеком – это важная профессиональная составляющая характеристики сотрудника полиции, которая влияет на эффективное решение оперативных задач.

Abstract: In terms of the internal affairs bodies reformation, the determination of psychological features of the police professional activity is still an important area of work. It requires the continuous improvement of the skills of verbal behavior and enlarging the culture of communication of the police staff. Knowledge of peculiarities, means and methods of communication, the ability to plan, organize and implement professional communication, taking into account the features of social perception and understanding of a person is an important characteristic of a professional police officer that affects the effective resolution of operational and service tasks.

Ключевые слова: коммуникативные умения, профессиональная коммуникация, коммуникативная компетентность, коммуникативное взаимодействие, способы общения.

Keywords: communication skills, professional communication, communicative competence, communicative interaction, speech means, role competence.

Communication skill is the concept that causes great interest among people of different professions (scientists, artists, educators, and others.). Especially important are issues of culture and effective professional communication in the field of law enforcement and the work of the police officers in particular. The communicative competence of the individual contains, first of all, a set of theoretical knowledge and practical skills that ensure effective communication process flow, ability to orient in different situations of communication; secondly, the system of individual internal resources necessary to build productive communicative interaction, based on the legal and moral laws. Performance of professional functions of police personnel is impossible without communication activities.

Communication serves as a regulator of relations between workers and citizens. It is important for every policeman to be polite and considerate dealing with citizens, to have sensitive attitude to their requests and statements, to evaluate their behavior fairly. In addition, it is necessary to be aware that the police communicative activity has several psychological peculiarities that, on the one hand, make it quite specific, on the other – it can make it complicated. As a major psychological characteristics of police communication is its professional orientation associated with the need to define the perpetrators of crimes, witnesses, victims, etc., it means there exists a certain predetermination of communication parameters. From the police side – this is the establishing of the truth, and from criminals side – concealment of the offense, the desire to avoid responsibility, to give false information. Significant difficulties in communication arise from the fact that a police officer had come into contact, regardless to their attitude to the interlocutor, or emotional condition or his/her desire to communicate [5, p.187].

Based on the analysis and synthesis it is possible to determine the structural functional content of communication skills and ability to define the role of skills in

activity, as well as personal qualities necessary for this type of skills.

Structural and functional content of communicative skills

Substructure of communication skills	Role of skills in activity	Personal features necessary for certain skills
Ability to establish, preserve, restore or terminate the psychological contact	Ensuring effective interaction with various segments of the population. The use of role performance depending on the particular professional tasks	Observation, sensitivity, attentiveness, patience, ingenuity, honesty, kindness, tolerance, slyness
The ability to get accurate information during communication	Creating an information basis for activity. Collection of information by setting appropriate communication and planning issues	Observation, attentiveness, tolerance, perseverance, persistence, slyness
Transmission of information to citizens, colleagues, governing body	Carrying out an investigation; clarify and bringing legal norms to the public. Interaction of workers	Observation, sensitivity, communication skills, purposefulness, confidence, sincerity.
Management of other people behavior	Prevention, suppression and detection of crime, conducting of an investigation	Confidence, sincerity, sophistication, kindness, politeness, wit, etc.

Therefore, communication skills – experience that is a logical outcome of what has been learned by a person during the life, professional training, practice and fixed by the mind of a man, his habits and demeanor, ability to establish direct contact with other people and, at the same time, can be actively used in solving professional problems.

Here are following criteria and indicators for the diagnosis of forming communicative skills of policemen, including: cognitive-informational, emotional and expressive, gnostic and evaluative. The indicators of cognitive-information component are: the content of speech act, a width of professional vocabulary, argumentativeness and evidence, the ability to speak logically and integrally connected; emotionally expressive component – speech means of expression, non-verbal means of expression, speech etiquette formulas; gnostic component – modeling the style of communication, contact, communication quality

analysis; evaluative component – the adequacy of the speech situation, speech regulation, self-control and self-esteem [6, p.313].

L.I. Moroz, who provided four groups of communicative skills of «the first order» (as the most typical for the police), notes that this group can single out the derivative tasks of «the second order», a decision of which, in its turn, requires specific skills and personal qualities from the worker. In general, this type of skills is quite complex, multidimensional. Thus, in the structure of communicative skills A. Goldstein, B. Khomyk identified 40 derivative skills that are used in the process of communicative interaction. Speaking about the formation of professional communicative skills, it is impossible to ignore the concept of «professional communication», which can be defined as communication that is regulated by specific goals, objectives, means and methods of work.

A specific component of communicative skills of the policemen is their role competence – a set of methods, forms and methods of transformation that meet the requirements of formal and informal social norms, beliefs and attitudes of social and professional groups in which this worker performs his professional duties.

The problem of role behavior by law enforcement was investigated by V.I. Barco, L.I. Moroz, S.I. Yakovenko, D.O. Aleksandrov, O.N. Stolyarenko, Y.V. Chufarovskyy and others. The issue of role competence was most deeply developed by P.P. Hornostay, who identified its components as:

- 1) role variability – the diversity of the repertoire of psychological roles of the individual;
- 2) role flexibility – the ability to easily switch from one role to another;
- 3) the depth of a role – possession of a deep structure of individual roles.

Role behavior requires knowledge of the content of the role, its complexity. Content of the role must meet not only the group of belonging (which the worker simulates) and features of individual behavior, but sometimes the look of the worker. Role behavior requires the ability to reproduce gestures, facial expressions, language, demeanor and psychological characteristics of another person. Legal

psychology observes the need for special preparation for this style of behavior [6, p. 313].

Thus, the problem of forming communicative skills of a policeman is the subject of attention, academic study and practical solutions by the experts in the field of law enforcement, by scientists, psychologists and educators. The urgency of the problem is that without its solution it is impossible to fulfill the tasks entrusted to the police, in particular to counteract the crime.

Development of communicative competence happens due to a combination of carefully selected variety of teaching methods, in addition active methods are preferred, although lectures are included in the program. Analysis of the literature shows that during communication training the participants overcome the following changes: understanding the mechanisms and characteristics of business communication; forming basic communication skills; formation of special skills necessary for successful business cooperation; the formation of individual communication style, creating a business image [3, p. 11].

There is a variety of workshops that support the development of communicative competence. The most common are communication trainings. Often their training program includes: acquaintance with the stages and types of communication, establishing the contact, focus on understanding the problem, techniques of active listening, non-verbal communication (transmission of information, transmission of emotions, using of gestures) search for common solutions, using arguments, decision-making, output of contact. Communication Training aims: increased self-confidence, self-esteem, development of internal and external sense of freedom; personal growth, self-knowledge, overcoming the limitations of subjective communication, behavioral and mental emancipation; development of internal and external observation, psychological «sensitivity» of communication intuition, ability to analyze communication situations.

When conducting training of communicative competence the positive role is represented by high motivation, activity, susceptibility to interactive learning, and the

negative role is shown by the lack of creativity, spontaneity, stiffness, but their life experience fully compensated these shortcomings [4, p. 26].

One kind of communicative competence is a training of business communication, which serves as a kind of social-psychological training aimed at developing the knowledge and skills, correction and shaping attitudes necessary for successful communication in terms of professional activity. Actually this training of business communication is a specification of socio-psychological communication training in relation to the professional activities of the participants.

Training of behavior in conflict situations aims to improve the skills of constructive behavior in conflict situations and solutions, and the development of necessary personal qualities. Issues to be considered for this training are: to familiarize participants with the basic psychological aspects of the conflict; to develop skills necessary to analyze conflict situations; mastering the principles of conflict resolution.

An important type of communication training for police staff is training of negotiating activities. Training of negotiating activities (TNA) is a type of social and psychological training, which aims to form and develop among law enforcement organizations the skills to negotiate with terrorists who seized and hold one or more persons as hostages (the «situation of the hostage»). TNA is based on such methods as role-playing and group discussions, as well as technique of social - perceptual orientation.

The method of role-play is used for simulation and rehearsal of the negotiation process in «hostage situation» by the participants of the training on criminal-negotiator position. Simulation of negotiations is based on the documentary, video and audio materials about the real situation and hostage negotiations with criminals. The process then is divided into several stages, which represent a psychologically complete unit – the stage of negotiation or negotiation introductory. The structure of each negotiation introductory includes the techniques of social and perceptual skills and abilities needed to build up mental contact with the offender (a group of criminals) and implementation of the necessary psychological

impact in conditions close to the extreme. The training covers a range of topics, such as types of negotiation, preparation for negotiation, compromise, concessions, summary and discussion of further action, conflict resolution, long-term relationship adjustment and completion of negotiations. For the police man it is important not only to interact with people properly and skillfully, but also to be able to carry out psychological impact on them, to persuade them in his point of view, to persuade, to encourage positive signs in their behavior. It must be remembered that the police man comes into contact, not because he is just interested in the person, but in order to change his/her position, his/her attitude. And exactly the psychological impact on the process of communication can achieve this goal [1, p. 22].

The trainings of visual diagnosis and nonverbal communication are popular among the police .

In developing communication training or exercises of communication skills development it must be considered that communication is a specific psychological structure. Any communicational way contains the following elements:

- the communicative aspect of communication, which manifests itself in the exchange of information between individuals;
- the affective aspect of communication – a manifestation of the emotional relationship to the transmitted and received information, penetration into feelings of an interlocutor;
- the perceptive aspect of communication, implemented in the process of perception by each other of a communication partner and the establishment of the basis for mutual understanding [2, p.12].

Although the language is a universal mean of communication, it becomes important only in terms of inclusion in activity, and it must be complemented by the use of other – non-verbal means of communication. The first group of means includes gestures and facial expressions. Mimicry is a dynamic facial expression during communication. Gesture is a socially trained movement that transfer the mental condition. Thanks to it we can understand the attitude of people to any event, person, subject, etc.

Another group of non-verbal means of communication is a system of vocalizations, i.e. the voice quality, its range, tone, etc. These additions increase the importance of information and can be a sort of «additions» to the speech.

Thus, communication training is a mean of communicative competence development of the police, based on active methods of group work, specially organized communication in which the issues of human development are resolved, communication skills are formed, psychological assistance and support are given.

This explains the need for communication and training of the police staff.

1. Harkavtsev Y.I. Professionally important individual qualities of future lawyers as the components of their professional reliability [Text] / Y.I. Harkavtsev // Spirituality of a personality: methodology, theory and practice. 2014. Vol. 1. P. 20-29.

2. Harkavtsev E.I. Pedagogical conditions of formation of future police officers professional reliability: Abstract IA ... candidate of pedagogical science / Y.I. Harkavtsev. Dnepropetrovsk, 2015. 20 p.

3. Gubareva O.S. Psychological features of formation of police officers professional competence: Abstract IA for obtaining the degree of candidate psychological science. 19.00.06. legal psychology / O.S. Gubareva. Kharkiv, 2005. 19 p.

4. Monastyrskii V. M. Organization of professional self-development of students of higher educational establishments of Ukraine: scientifically-methodological recommendation. / Monastyrskii V.M. Donetsk: Donetsk Legal Institution of MIA at Donetsk National University, 2005. 80 p.

5. Tsilmak O.M. Professionally important qualities of forensic investigator [Text] / O.M. Tsilmak // South Ukrainian law journal. 2014. № 1. P. 186-189.

6. Cherkashyn A.I. Psychological characteristics of professionally important qualities of police officers [Text] / A.I. Cherkashyn // Scientific journal of Lviv State University of Internal Affairs. Psychological series. 2013. Vol. 2. P. 312-320.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Агеенкова Е.К. Социально-психологическая типология членов группировки «Исламское государство».....	3
Власова Н.В. Психологическая профилактика делинквентного поведения подростков посредством интернет-ресурсов.....	11
Гарькавец С.А. Виктимное поведение личности и феномен «конкурентной виктимности».....	17
Горбачев А.И., Ширко С.М. Особенности проявления девиантного поведения у участников боевых действий.....	20
Добровольская Е.А. Некоторые особенности взаимодействия органов национальной полиции Украины и общественности.....	28
Захарченко О.В. Понятие и сущность внутреннего убеждения судьи в уголовном производстве Украины.....	34
Игумнов С.А. Методология формирования экспертных выводов при «уменьшенной вменяемости».....	39
Кивайко В.Н. Психологическое воздействие в юридической практике следователя.....	46
Клышевич Н.Ю., Купи С.В. Социальные репрезентации личности преступника у студентов юридических специальностей.....	50
Король Н.В. Агрессоры и жертвы школьного буллинга глазами студентов.....	58
Ксенда О.Г. Содержание буллинга в высшем образовании в представлении студентов.....	66
Купченко В.Е., Ульянова А.А. Гендерные особенности делинквентного поведения в старшем подростковом возрасте.....	72
Ламаш И.В., Евдокимова Е.В. Специфика толерантности к неопределенности в контексте психологической ресурсности полицейских.....	79
Лепешко К.В., Фурманов И.А. Социальное сравнение как предпосылка совершения преступлений корыстного характера.....	87
Меркулова Ю.В., Качалко Е.П. Некоторые аспекты профессиональной мотивации сотрудников национальной полиции Украины.....	94
Метлицкий И.Е. Оперативный контакт в профессиональной деятельности детектива.....	99
Милорадова Н.Э. Психологическое сопровождение профессионального развития сотрудников правоохранительных органов.....	103

Мороз Л.И., Яковенко С.И. Профессионально-психологических тренинг при подготовке сотрудников полиции.....	108
Музыченко Д. С. Виктимность как критерий дезадаптации личности.....	116
Перков А.А. Наблюдательность как значимая профессиональная компетенция сотрудника госавтоинспекции.....	125
Поляков А.М. Символическая медиация социального взаимодействия у школьников с задержкой психического развития как фактор предупреждения социальной дезадаптации.....	128
Пономарева М.А. Эмпатия как профессионально важное качество сотрудников правоохранительных органов.....	132
Прудкая Л.Н. Роль СМИ в деятельности национальной полиции.....	136
Ростомова Л.Н. Актуализация конструктивного переживания вины несовершеннолетними, склонными к правонарушениям, как фактор предотвращения рецидива.....	143
Семенов В.Н. Проблема судебно-психологической экспертной оценки психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка.....	150
Середницкая И.А. Психологические особенности детей, которые ведут бродяжнический образ жизни.....	156
Смирнова Ю.С. К вопросу о нормативной регуляции социального поведения личности.....	163
Солодухо А.С., Фофанова Г.А. Возможности и ограничения психологической экспертизы рекламы.....	171
Сорока А.В. Апробация отдельных результатов программы психологической коррекции ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.....	178
Стуканов В.Г. Социальная профилактика правонарушений и правовое воспитание граждан: состояние, проблемы, задачи.....	185
Сутович Е.И. Исторические аспекты профессионально-психологического отбора в органах пограничной службы.....	200
Твердохлебова Н.Е. Личностные трансформации, обусловленные профессиональной деятельностью полицейского.....	205
Фролова Ю.Г., Ладю А.В. Нарушение процесса эмоционального научения как фактор преступного поведения среди больных с алкогольной зависимостью.....	209
Харченко С.В. Социальный интеллект как предмет исследования в юридической психологии.....	213

Хонский С.И., Пугач А.С. Личностные характеристики сотрудников, склонных к воровству на рабочем месте.....	220
Цильмак А.Н. Характеристика составляющих компонентов конфликтологической компетентности участкового офицера полиции....	226
Чернушевич В.А., Стельмах О.Д, Ступина В.Н. Народная игра, как возможность профилактики виктимности детей и подростков.....	233
Щербина-Прилука В.Н. Роль рефлексии несовершеннолетних осужденных в процессе их ресоциализации.....	238
Ярема Н.В., Пампура И.И. Оказание психологической помощи в условиях гуманитарного кризиса в Украине.....	245
Фомин Ю.А. Применение метода моделирования в правоохранительной деятельности.....	238
Пергаменщик Л.А., Пузыревич Н.Л., Мокрецова В.М., Воронович Ю.В. Процедура и результаты исследования по программе экспертизы текстов экстремистской направленности.....	259
Пергаменщик Л.А., Воронович Ю.В. Психологические маркеры вербального экстремизма в информационных материалах.....	271
Амит Юри Reflections on ForensicPsychotherapy.....	278
Матиенко Т.В. Individualpsychlogikal factors of the police officers communicative sphere.....	289

Электронное научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ

I Международной научно-практической интернет-конференции

23 ноября 2017 г.

На русском и английском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н.Г. Щербакова*

Компьютерная верстка *И.Е. Метлицкого*

Электронный ресурс 34,7 Мб.

Тираж 100 экз. Заказ 728.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.